

Уильям Мьюир

ОПРАВДАНИЕ АЛЬ-КИНДИ,

НАПИСАННОЕ ПРИ ДВОРЕ АЛЬ-МАМУНА
(приблизительно в 215 г. хиджры; 830 г. от р. Х.),

В ЗАЩИТУ ХРИСТИАНСТВА ОТ ИСЛАМА.

*С заметками о времени написания и об авторстве этого труда,
зачитанными перед Королевским Азиатским обществом*

СЭРОМ УИЛЬЯМОМ МЬЮИРОМ, К.С.С.И. LL.D. D.C.L.;
ДИРЕКТОРОМ ЭДИНБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА;
АВТОРОМ «ЖИЗНИ МАГОМЕТА», «ИСТОРИИ РАННЕГО ХАЛИФАТА» И Т. Д.

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ.

www.muhammadanism.org
May 31, 2007
Russian

ИЗДАНИЕ ОСУЩЕСТВЛЕНО ПОД РУКОВОДСТВОМ КОМИССИИ ПО ТРАКТАТАМ.

ЛОНДОН:
ОБЩЕСТВО ПО РАСПРОСТРАНЕНИЮ ХРИСТИАНСКОГО УЧЕНИЯ,
NORTHUMBERLAND AVENUE, CHARING CROSS, W.C.;
43 QUEEN VICTORIA STREET, E.C.; 26,
ST. GEORGE'S PLACE, HYDE PARK CORNER, S.W.
БРАЙТОН: 135, NORTH STREET.
НЬЮ ЙОРК: E. & J. V. YOUNG & CO.
1887.

THE
APOLOGY OF AL KINDY,

WRITTEN AT THE COURT OF AL MÂMÛN
(*Circa* г. хиджры 215; A.D. 830),

**IN DEFENCE OF CHRISTIANITY
AGAINST ISLAM.**

*With an essay on its Age and Authorship read before
the Royal Asiatic Society*

by

SIR WILLIAM MUIR, K.C.S.I. LL.D. D.C.L.;

PRINCIPAL EDINBURGH UNIVERSITY;

AUTHOR OF "THE LIFE OF MAHOMET," "ANNALS OF THE EARLY CALIPHATE," ETC.

SECOND EDITION.

www.muhammadanism.org
December 1, 2006

PUBLISHED UNDER THE DIRECTION OF THE TRACT COMMITTEE.

LONDON:
SOCIETY FOR PROMOTING CHRISTIAN KNOWLEDGE,
NORTHUMBERLAND AVENUE, CHARING CROSS, W.C.;
43, QUEEN VICTORIA STREET, E.C.
26, ST. GEORGE'S PLACE, HYDE PARK CORNER, S.W.
BRIGHTON: 135, NORTH STREET.
NEW YORK: E. & J. B. YOUNG & CO.
1887.

ПЕРВОЕ издание «ОПРАВДАНИЯ АЛЬ-КИНДИ» увидело свет пять лет назад. Оно содержало «Заметки о его времени и авторстве», которые и в нынешнем варианте по-прежнему служат вступлением к «Оправданию». Сами «ЗАМЕТКИ», будучи прочитанными перед АЗИАТСКИМ ОБЩЕСТВОМ, были опубликованы в журнале этой научной организации. Таким образом, мои заключения были представлены на суд ученых-востоковедов,¹ у которых не возникло каких-либо вопросов по «ЗАМЕТКАМ», что, с определенной долей уверенности, позволяет нам говорить об общем одобрении учеными написанного мною эссе.

Само же «ОПРАВДАНИЕ» пользовалось большим интересом на Востоке в своем оригинальном виде. Помимо этого, оно было переведено и на принятый в Индии диалект.² Таким образом, теперь для нас является важным донести на английском языке до наших миссионеров и всех остальных, заинтересованных в этой работе, как саму ее суть, так и аргументы, на которых основываются излагаемые в ней теории. Настоящее издание готовилось к печати в основном именно с этой целью.

У. М.

УНИВЕРСИТЕТ ЭДИНБУРГА,
Декабрь 1886 года.

¹ См. страницу оригинала 38. [Страницы английского печатного издания приведены в фигурных скобках. — *Прим. перев.*].

² Работа Мьюира была изначально написана на арабском. — *Прим. перев.*

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

Мне следует сразу же признаться, что главной моей целью, с которой я предпринял это начинание, было вложить «Оправдание Аль-Кинди» в руки тех, кто станет использовать его в интересах христианской веры.

В то же самое время, если рассматривать эту книгу вне религиозных аспектов, «Оправдание» должно быть интересным уже само по себе. Впервые я заинтересовался этим трудом благодаря «Обществу помощи миссионерам в Турции», которое с большой аккуратностью подготовило к печати и издало текст «Оправдания». Для этого Обществу пришлось использовать две рукописи, пребывавшие в состоянии, весьма далеком от идеального. Бегло просмотрев изданный текст, я сразу же убедился в его достаточно большой степени подлинности, и понял, что он должен обладать высокими диалектическими достоинствами. У меня не возникло никаких сомнений, что работа действительно принадлежит своему времени: третьему столетию хиджры (примерно 830 году от рождения Христова). Очевидно, что именно тогда она и была написана. В соответствии с этим я опубликовал небольшие заметки в «Женском благовестнике Индии»,¹ использовав там несколько цитат из «Оправдания»

Дальнейшее исследование лишь укрепило мою убежденность. Отмечу, что «Оправдание» цитировалось таким широко известным писателем, как Аль-Бируни (примерно 390 г. хиджры; 999 год от р. Х.), в качестве «Послания **Абд Аль-Масиха ибн Исхака, Аль-Кинди**». Эта цитата, с одной стороны, подтвердила насущность «Оправдания» спустя столетие после того, как оно было написано, а с другой стороны привела {6} к путанице в сознании некоторых мусульман, которые стали принимать автора книги за другого Аль-Кинди. Этот второй Аль-Кинди («Абу Юсуф ибн Исхак»), личность, известная среди мусульман как «Философ ислама», располагал прекрасными возможностями для работы при дворе Аль-Мамуна, в те же времена, что и автор «Оправдания». В конечном итоге, мне пришлось провести очень тщательное исследование по вопросу авторства рассматриваемого нами труда.

Прославленный «Философ», вне всякого сомнения, исповедовал магометанскую религию, что, на первый взгляд, должно поставить под вопрос саму возможность какой-либо его причастности к написанию «Оправдания». Однако Бени Кинда (необходимо оговориться, что прозвище «**Аль-Кинди**» неизбежно свидетельствует о принадлежности человека к этому племени) представляло собою огромный арабский клан, который, пустив свои корни изначально на юге Аравии, распространился позднее и в центре, и на севере полуострова. В пятом и шестом веках христианского летосчисления этому племени суждено было сыграть весьма выдающуюся роль в истории Аравийского полуострова.² С возникновением ислама большая часть племени, ведомая Аль-Ашасом, перешла в вероисповедание Магомета, однако достаточно уважаемое меньшинство Бени Кинда продолжало придерживаться своей старой религии — христианства. Ко времени прихода к власти Аль-Мамуна этот остаток, очевидно, еще включал в себя достаточное число

¹ “Indian Female Evangelist.” London: Nisbet & Co., апрель, 1881, статья I.

² *Смотрите*: «Жизнь Магомета», “Life of Mabomet” (1-е издание), том i. стр. clxxiii. и далее.

людей, чтобы его представители, отличавшиеся своей верой от мусульман, могли носить прозвища «Аль-Кинди» — помимо великого исламского философа. Нет веских оснований сомневаться в том, что автор «Оправдания» принадлежал именно к такой ветви племени Кинда. Да и содержащиеся в самом тексте доказательства (помимо того, что приводится в цитате из труда Аль-Бируни) допускают достаточно серьезное предположение, что сама работа Аль-Кинди являлась именно тем, чем он ее назвал. То есть, «оправданием» {7} в защиту христианской религии в вопросах полемики при дворе халифа Аль-Мамуна — религии, противостоявшей основному вероисповеданию халифата. Задача моего вводного эссе состоит в том, чтобы подтвердить такое предположение.

Как бы то ни было, помимо своего чисто литературного и исторического интереса, «Оправдание», безусловно, выделяется в качестве работы-антитезиса, и располагает своими собственными апологетическими качествами. Нам совершенно очевидно, что сам труд выглядит весьма слабым и логически незавершенным. В нем немало таких моментов, которые следует ставить под сомнение, а огромное количество эпитетов по отношению к религиям мусульман, иудеев и магов являются просто-напросто придирками, которые обязательно следует должным образом смягчать. Но, невзирая на все это, при рассмотрении «Оправдания» как единого целого, аргумент автора, с точки зрения апологета христианства, располагает и разумом и весом. К тому же, на протяжении всего документа нас не перестает поражать прекрасное владение автора арабским языком и его мастерский слог. Отношение автора к исламу настолько язвительное, что не может быть и вопроса о допустимости свободного распространения подобного материала в каком-либо из современных мусульманских государств, изнеженных отсутствием религиозной полемики и фанатичных в своей приверженности идеям ислама. И, разумеется, за исключением халифов-мутазилитов, да еще, может быть, великого Акбара, вряд ли бы нашлось в каком-либо из столетий, мне думается, такое магометанское правительство, которое не посчитало бы нужным уничтожить столь опасную для ислама работу. Оно подавило бы ее последователей посредством жесточайших казней и преследований.¹ Однако в отношении наших собственных территорий, дело обстоит иначе. И уж конечно появление того самого «Оправдания», что было написано {8} и получило распространение при дворе аббасидского халифа, вряд ли может встретить возражения во владениях Защитницы христианской религии.²

Таким образом, с учетом моего изначального стремления ускорить использование и перевод «Оправдания», либо отрывков из него, я провел достаточно полный анализ содержания этого документа, переведя наиболее интересные его части. Во время этой работы я счел нужным отметить несколько пассажей, которые, по известным причинам, следовало бы опустить. Следует ли в дальнейшем сокращать текст «Оправдания», будет зависеть от каждого

¹ Доктор Ленсинг, американский ученый-миссионер из Каира, рассказывал мне, что согласно прежде существовавшему в Египте закону любой дом, в котором могли быть обнаружены рукописи этого произведения, подлежал сносу. Не только этот дом должны были сровнять с землей, но и сорок домов, его окружавших.

² То есть, в «доминионах» Британской империи. Мьюир пытается оправдать колониальную политику необходимостью «защищать христианскую веру». — *Прим. перев.*

конкретного издателя.

Будучи древним произведением азиатского христианства, его местным так сказать продуктом, «Апология» не только содержит для нас определенный интерес по отношению к этому христианству, она еще и сама по себе является практическим примером того самого противоречия, которое до сих пор преследуется на Востоке. Защитник христианства в этом документе зачастую намекает, что он является представителем Христа, Чей характер и учение у нас уже давно были переделаны на европейский манер. И, соответственно, Чья религия, хотя и вполне отвечает разуму и привычкам людей Запада, не соответствует азиатскому характеру мышления. Этого ни в коей мере нельзя сказать о нашем Апологете. Будучи арабом из арабов, явившимся на свет и воспитывавшимся тысячу лет назад на равнинах Халдеи, Аль-Кинди представляет нам себя и свою веру, облаченными в типично арабское одеяние и выражающимися чисто арабским языком. Желаящие мне возразить непременно обнаружат, что Евангелие не меняется ни со временем, ни с климатом. И христианство Аль-Кинди ни по своей форме, ни по содержанию, ни по характеру доказательств, на которые оно опирается, существенно не отличается (за исключением, пожалуй, более живого темперамента и более красочной манеры изложения нашего азиатского участника диспута) {9} от того христианства, которое проповедают миссионеры нынешнего дня.

Я не ставил перед собою цель обязательно представить на этих страницах все красноречие Аль-Кинди, но старался просто передать основную суть и содержание его аргументов. Речь его в моей книге весьма урезана; даже в тех местах, где я отмечаю отрывок из его «Оправдания» как прямой перевод, в большинстве случаев текст арабского подлинника приводится со значительными сокращениями. Я излагаю только суть, стараясь избегать очевидной перегруженности эпитетами, как и вообще любых излишеств словесности, к которым наш арабский автор питал явную склонность. Даже если бы я обладал талантом передать на английский всю красочность оригинала, сам дух нашего языка, столь сильно отличающегося от арабского, оказался бы непреодолимым препятствием на пути любого рода попыток подобного подражания. Для того, чтобы сформировать у себя четкое представление об исполненном жизни словесном потоке Аль-Кинди, необходимо прочесть сам арабский оригинал. Как бы то ни было, в случае с восточными языками, типа фарси или урду, переводчики должны испытывать гораздо меньше затруднений при передаче как оригинального авторского стиля, так и самого духа его «Оправдания».

Прошло уже тридцать шесть лет с тех пор, как я, по просьбе доктора Пфандера, в ответ на его замечательную работу «Переговоры с магометанами» опубликовал статью «Противоречие» в журнале «Калькутта ревью».¹ Впечатление, которое его книга и моя статья произвели на общественность как Индии, так и Турции, нельзя считать незначительным. Однако, нисколько не умаляя достоинства этих публикаций, рискну заявить, что от «Оправдания» Аль-Кинди вполне может произвести на публику гораздо более сильную сенсацию. Учтем тот факт, что в данном случае защитником христианства выступает уроженец Востока,

¹ “Calcutta Review,” том viii. статья VI.

да к тому же еще и благородный араб по своему происхождению, пускай и христианин по своим семейным корням. Аль-Кинди — философ, облеченный высокой честью представлять свои взгляды при дворе халифа Аль-Мамуна — и это неизбежно добавляет весомости к аргументам автора «Оправдания», дополнительно к их внутренней значимости. Между этим моим трудом и работою Пфандера разница лишь в том, что я предлагаю внимательно прочесть «Заметки», а также вслушаться в теплые и полные чувства и талантливое красноречия слова апологета, выступающего в защиту своих собственных взглядов. Эта разница еще и между простым прочтением описания схватки и свидетельством своими собственными глазами еще не остывшего поля сражения.

В заключение, хочу выразить свою огромную признательность сотрудникам «Общества помощи миссионерам в Турции» за их безусловную готовность признать значимость «Оправдания», равно как и за заботу о подготовке этого документа к прочтению, невзирая на все несовершенство имевшихся в нашем распоряжении рукописей, текст которых был столь аккуратно и с таким знанием дела отредактирован.¹

У. М.

ЛОНДОН,

1 декабря 1881 года.

¹ «Общество помощи миссионерам в Турции» выражает свою благодарность за неоценимую помощь в редактировании текста доктору Тину. Благодаря своему кропотливому труду и выдающимся научным знаниям он из находившихся в очень плохом состоянии документов сумел воссоздать вполне читаемый текст; за что заслуживает самых высоких похвал.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	<i>Стр.</i>	5
Эссе о времени и авторстве «Оправдания»	...	13
Речь Аль-Мамуна	...	29
Письмо Аль-Хашими, защитника мусульман	...	39
ОТВЕТ АЛЬ-КИНДИ	...	41
Троица	...	41
Жизнь Магомета	...	44
Убийства	...	46
Военные походы	...	48
Жены Магомета	...	51
Свидетельство о пророчестве	...	53
Покорение Персии	...	55
Чудеса	...	57
Отступничество арабов	...	62
Три диспенсации	...	66
Коран: материалы, и как их собирали	...	69
Солецизмы в Коране: смысловые и стилевые	...	79
Плотские побуждения	...	84
Имя Магомета на Великом троне Божиим	...	88
Превосходство семени Авраама	...	88
Установления ислама	...	90
Запрет употребления свинины	...	91
Паломничество	...	92
Походы сарацинов	...	95
Противоречия в стихах Корана	...	96
Война, как панацея от Бога	...	101
Мученики: мусульмане и христиане	...	103
Временные предписания	...	107
Заступничество Магомета	...	109
В защиту Троицы	...	110

Поклонение кресту	...	111
«Фатиха»	...	112
Описание ХРИСТИАНСТВА	...	114
Пророчества Ветхого Завета	...	114
Неповрежденность иудейских писаний	...	114
Жизнь Христа	...	116
Служение апостолов	...	119
Необходимость в чудесах отпала	...	120
Заключение	...	122

ОПРАВДАНИЕ АЛЬ-КИНДИ.

ЗАМЕТКИ О ЕГО ВРЕМЕНИ И АВТОРСТВЕ.

[*Зачитано перед Королевским Азиатским обществом*].

АЛЬ-БИРУНИ в своем труде «По следам древних народов», написанном в 1000 году от р. Х. (390 год хиджры), описывая обычаи сабеев (звездопоклонников), ссылается на авторитет некоего «Ибн Исхака Аль-Кинди, христианина», в следующих словах:

«Также и Абд Аль-Масих ибн Исхак Аль-Кинди, христианин, в своем ответе на послание Абдаллы ибн Исмаила, хашимита, говорит о них (сабеях), что они заслужили дурную славу своей привычкой к человеческим жертвоприношениям, но в настоящее время уже не могут практиковать этот обычай в открытую».¹

Турецкой миссией общественного содействия недавно была издана работа, вполне подпадающая под вышеприведенное описание. Она вышла из печати на арабском языке под следующим названием: «Послание {14} Абдаллы ибн Исмаила, хашимита, Абд Аль-Масиху ибн Исхаку Аль-Кинди, предлагающего ему принять ислам; и ответ Абд Аль-Масиха ибн Исхака Аль-Кинди, отказывающегося от этого предложения, и в свою очередь предлагающего хашимиту принять христианскую веру».

Данная книга, как мы узнаем из примечания в конце труда, была напечатана, основываясь на двух рукописях, найденных, одна — в Египте, другая — в Константинополе. В ней не указано ни имени переписчика, ни времени совершения его работы. Оба исходных манускрипта, как указывается в данном примечании, были полны ошибок и расхождений. Однако работа была отредактирована бережно и с умом, и в целом может быть расценена как верное воспроизведение оригинала. Редактор (доктор Тин), безусловно, заслуживает огромного доверия за то, каким образом он сумел выполнить стоявшую перед ним задачу. Далее я привожу краткое описание этой работы.

Упомянутым нами письмам, самим по себе анонимным, предшествует краткое предисловие:

Во имя БОГА, ЕДИНСТВЕННОГО, ВЕЧНОГО!

Говорят, что во времена АБДАЛЛЫ АЛЬ-МАМУНА жил один человек, который происходил из рода хашимитов и династии

¹ Доктор Сашо, “Chronology of Ancient Nations” by Dr. Sachau. Лондон, 1879, стр. 187:

وكذلك حكى عبد المسيح بن اسحاق الكندى النصارى عنهم (أى الصائبة) فى جوابه عن كتاب عبد الله بن اسماعيل الهاشمى أنهم يعرفون بذبح الناس ولكن ذلك لا يمكنهم اليوم جهراً.

Аббасидов. Он приходился почти близким родственником¹ самому ХАЛИФУ. Этот человек получил широкую известность, как в среде благородных людей, так и меж простолюдинами, за свою приверженность исламу, а также за точное соблюдение всех его предписаний. Был у этого человека друг, весьма ученый и благочестивый, наделенный талантами в области культуры и науки, чистокровный и благородный выходец из племени БЕНИ КИНДА, который отличался своею преданностью христианской вере. Этот друг также находился на службе у халифа, и пользовался у Повелителя правоверных почетом, мало уступая ему в благочестии. В то время эти двое прославленных мужей питали друг к другу взаимное расположение и безоговорочно верили в искренность дружбы один другого. Кроме того, АЛЬ-МАМУН, Повелитель правоверных, и весь его {15} двор были прекрасно осведомлены об их дружбе. Впрочем, нам не хотелось бы упоминать здесь их имена, дабы не нанести вреда этим людям. ХАШИМИТ написал христианину письмо, и вот его копия.²

Письмо «Хашимита» приводится непосредственно вслед за этим вступлением. Он напоминает своему другу, что, несмотря на свою принадлежность к магометанской вере, он хорошо сведущ в Священном Писании [христиан], а также в обрядах и учениях различных христианских сект. Далее он переходит к описанию исламского учения, и настаивает на том, чтобы его товарищ принял ислам. Он умоляет своего друга отвечать ему без страха и лицепрятия, {16} и обещает гарантии халифа, что ему не будет никакого вреда, если они оба в рамках данной дискуссии решатся свободно изложить достоинства своих вероисповеданий. Ответ «Аль-Кинди» представлен следующим образом:

И Христианин отвечал ему:

ВО ИМЯ БОГА ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕГО!

¹ То есть, не был ни дядей, ни племянником, ни родным братом, но, вероятно, двоюродным. — *Прим. перев.*

² Привожу здесь арабский текст:

بِسْمِ اللَّهِ الْوَاحِدِ الصَّمَدِ

ذكر أنه كان في زمن عبد الله المأمون رجل من نبلأ الهاشميين وأظنه من ولد العباس قريب القرابة من الخليفة معروفً بالنسك والورع والتمسك بدين الإسلام وشدة الإغراق فيه والقيام بفرائضه وسننه مشهورً بذلك عند الخاصة والعامّة وكان له صديق من الفضلاء ذو أدب وعلم كندى الأصل مشهورً بالتمسك بدين النصرانيّة وكان في خدمة الخليفة وقريباً منه مكاناً، فكانا يتوادان ويتحابان ويثق كل منهما بصاحبه وبالإخلاص له وكان أمير المؤمنين وجماعة أصحابه والمثّلون به قد عرفوهما بذلك وكرهنا أن نذكر اسميهما لعله من العلل فكتب الهاشمي الى النصراني كتاباً هذه نسخته.

О, Господь, сделай мою задачу легкой, да не будет она тяжелой, и наполни мой ответ Своим благословением!

К Н*, сыну Н*, от М*, сына М*, нижайшего из рабов Мессии.
Мир, Милость и Благодать да пребудут на тебе и на всем человечестве! Аминь.

И далее он сразу переходит к разбору аргументов своего друга, пункт за пунктом.

Мусульманское послание занимает только 23 из 165 страниц печатного издания: на ответ Аль-Кинди отведены оставшиеся 142 страницы. В то время, как наш Апологет уважительно отзывается о личности Магомета, он решительно отвергает его притязания как пророка, и с бескомпромиссной суровостью подвергает критике всю религиозную систему ислама. Последняя часть «Оправдания» посвящена доказательствам доктрин христианства, а также жизни и учению нашего Спасителя. Доводы Аль-Кинди, применительно к нашему пониманию, звучат не вполне рационально; и утверждения его (с большим налетом аббасидского и алидского влияния, очень характерного для того времени), в особенности те, что касаются жизни пророка и периода становления халифата, не всегда аккуратны. Однако в целом аргументы представлены с большим умением и достаточной убедительностью, и изложены богатым, живым и красноречивым языком. Многие отрывки, особенно филиппика (обличение) «джихада» {17} (религиозных войн) и мученичества исполнены необыкновенной силы и страсти. Очевидно, что «Оправдание» должно было принадлежать перу какого-то неординарного ученого.

Не вызывает сомнений, что этот труд по существу является той же самой работой, на которую ссылается в своей книге Аль-Бируни. На двадцать пятой странице печатного издания мы находим цитируемый им отрывок, который мы привели в самом начале нашей работы. Наш «Апологет» пишет:

Мы знаем из книги Бытия, что Авраам жил со своим народом девяносто лет в земле Харран¹, поклоняясь никому другому, как Аль-Оззе, идолу, популярному в тех краях и почитаемому жителями Харрана под именем Луны. Этот обычай сохраняется у них и по сей день. Тот народ ничего не изменил в обрядах своих предков, за исключением человеческих жертвоприношений. Они не могут в наши дни приносить человеческие жертвы открыто; однако продолжают совершать жертвоприношения тайно.²

¹ «И пошел Аврам, как сказал ему Господь; и с ним пошел Лот. Аврам был семидесяти пяти лет, когда вышел из Харрана» (Бытие 12:4). — *Прим. перев.*

² Я прилагаю подлинный текст последних двух предложений:

لا يكتمون ولا يسترون منها شيئاً غير القرابين التي يتخذونها من الناس فإن ذبح الناس لا يتهيأ لهم اليوم جهراً بل يحتالون فيه فيفعلون سراً.

В кратком предисловии, уже приведенном нами выше (стр. 14), было отмечено, что эта переписка, как считается, имела место при дворе АЛЬ-МАМУНА (198-218 гг. хиджры). В конце египетской рукописи мы находим следующее примечание:

Как говорили в народе, предмет спора, затронутый в этих двух посланиях, дошел до слуха Аль-Мамуна; после чего халиф послал за их авторами и повелел им обоим прочесть ему свои письма без остановки {18} от начала до конца. Затем он возвестил во всеуслышание, что не находит никакого основания ни для вмешательства, ни для выдвижения какого-либо обвинения против апологета христианства. Существуют, добавил халиф, две религии: одна для мира сего — религия МАГОВ, которые следуют наставлениям Заратустры (т.е., вероучение зороастризма); другая же — религия для мира грядущего — ХРИСТИАНСТВО, где учат согласно заповедям Мессии. Но истинной религией является религия ЕДИНСТВА — та, которую проповедовал наш Учитель. Она поистине является религией, которая служит как для этой жизни, так и для грядущей. — стр. 165.

Это примечание отсутствует в константинопольском манускрипте. Несомненно, что оно было добавлено к оригинальному тексту трактата значительно позднее; однако невозможно определить, в какое время это было сделано и по чьему почину.

Иначе обстоит дело с тем кратким предисловием, которое выглядит совершенно одинаково в тексте обеих рукописей, и возможно является вступлением к дискуссии. Во всяком случае, таким оно представляется на первый взгляд. Однако, за исключением упоминания имени халифа, это предисловие не содержит ничего, что могло бы пролить свет на наше исследование, в дополнение к тому, что содержится в тексте самих посланий. Никаких сведений о личностях самих участников спора там нет. Вот все, что мы отсюда узнаем: они оба жили при дворе халифа; причем «Магометанин» приходился ему двоюродным братом, и представлял племя хашимитов, род Аббасидов. «Христианин» же был ученым человеком, состоявшим при свите все того же халифа. Был этот человек происхождения весьма благородного, из племени Бени Кинда, и пребывал в почете и уважении у халифа и его приближенных. Однако имена и дальнейшая идентификация участников этой дискуссии опущены из соображений осторожности — «дабы не нанести им вреда».

Из отрывка Аль-Бируни, тем не менее, следует вывод, что в его время (390 г. хиджры) «Оправдание» уже было {19} широко известно в халифате под названием «Ответ Абд Аль-Масиха *Ибн Исхака* Аль-Кинди на послание Абдаллы *Ибн Исмаила* Аль-Хашими». Эпитеты «Абд'алла» и «Абд Аль-Масих», разумеется — «ном де плюм». Возможно, что и другие имена, что я даю курсивом: «Исаак» и «Исмаил», точно так же символизируют собою просто двух почитаемых в соперничающих религиях патриархов — это своеобразное противопоставление христианства и ислама.

Так или иначе, имя «*Ибн Исхак Аль-Кинди*» вызвало в некоторых кругах предположение, что наш Апологет являлся не кем иным, но знаменитым «Философом ислама», Абу Юсуфом Ибн Исхаком Аль-Кинди, талант которого расцвел при дворе все того же Аль-Мамуна и его преемника. Однако почти не вызывает сомнений тот факт, что этот прославленный Аль-Кинди принадлежал к большинству магометанского вероисповедания. Будучи «*файльсуфом*», или «философом», он, возможно, должен признаваться нами за не слишком ортодоксального верующего; но, в любом случае, нет никакого основания предполагать, что у него была какая-то склонность к христианству. Напротив, как мы убедимся в ходе дальнейшего повествования, он написал трактат, опровергавший доктрину о Троице. Отец этого Ибн Исхака, или его дедушка, занимал пост градоправителя Аль-Куфы — пост, который при любых обстоятельствах мог занимать только магометанин; и Аль-Ашасс, прославленный вождь Бени Кинда, который оказался обращенным в ислам еще во времена Магомета и был женат на родной сестре Абу Бекра, говорят, являлся его предком. В то же время, нашему Апологету явно нравится подчеркивать свое христианское происхождение.

Интересное замечание о «Философе ислама» Аль-Кинди предоставляет нам де Саси. После демонстрации того, что Д'Эрбело {20} был не прав, называя этого видного мусульманского мыслителя иудеем,¹ де Саси ссылается на авторитет Абуль Фараджа и Ибн Аби Осейбы в отношении его мусульманского вероисповедания. Он приводит три соображения, которые могли бы опровергнуть и эту точку зрения. **Во-первых:** в сохранившемся перечне его сочинений нет ни одного, имеющего какое-то отношение к Корану либо к исламу. **Во-вторых:** Аль-Кинди был одним из переводчиков Аристотеля, хорошо знающим греческий и сирийский языки; а люди такого сорта оставались, как правило, христианами. И, наконец, **в-третьих.** В недрах «Императорской библиотеки» («Bibliothèque Impériale») хранится манускрипт за номером 257 под названием «Защита христианской веры» (по всей видимости, идентичный нашему «Оправданию»), написанный сирийскими знаками, но на арабском языке, автором которого назван «*Йакуб Кинди*».

Из всех этих возражений, — продолжает де Саси, — только одно, последнее, заслуживает внимания; но и на него можно отыскать контраргумент. В предисловии имя автора не указывается. Только сказано, что этот труд был написан человеком, приближенным ко двору Аль-Мамуна, христианином из рода Кинди. Сама работа носит название «Трактат Аль-Кенди, *якобита*».²

¹ Об этом смотрите примечания в «Ибн Халикане» Слейна, Ibn Khallicân, том i. стр. xxvii. и 355.

² كتاب الكندي اليعقوبي . Это, разумеется, ошибка, поскольку наш Апологет — бесспорный несторианец. Возможно, существовал и какой-то иной «Кенди», якобит. Впрочем, скорее всего, этот эпитет, «ибн Йакуб», был неточно понят и употреблен. [В чем Мьюир же углядел несторианство автора «Оправдания»? Сомнительно, чтобы несторианцы, считавшие Христа всего лишь человеком, могли выражать подобные настроения. Ведь Несторий, отрицая божественность Христа, настаивал на том, чтобы именовать Марию «Христородицей», а не «Богородицей», которой ее провозгласили еще с IV века. — Прим. перев.].

Скорей всего по недоразумению, или для того, чтобы таким способом повысить ценность рукописи, ее авторство было приписано Йакубу Кинди. Подобного рода подозрение приобретает тем большую весомость, когда в «Каталоге сирийских авторов», составленном Эбедом Джезу, мы обнаруживаем упоминание о некоем Кенди, выступающем в этом труде под видом автора религиозного {21} трактата. И этот упомянутый Кенди — несомненно, тот же самый человек, что и автор нашего сирийского манускрипта (за номером 257), или, по крайней мере, чье имя было приписано его автору — согласно летописцу, на которого ссылается Ассемани, приблизительно в 890 году от р. Х. (280 году хиджры) должен был быть еще жив. Невелика вероятность, что Йакубу Кенди удалось дожить до этого времени... Что же касается всего остального, мы вполне можем предположить, что Кенди, в процессе своих философских исканий, перешел на точку зрения, противоречащую ортодоксальному исламу. Это должно было поставить его веру под сомнение — вещь, которая происходила со многими христианскими философами, а среди иудеев приключилась с небезызвестными маймонидами.¹

Однако тот «Кенди», что был упомянут Эбедом Джезу, кем бы он ни был, не мог являться нашим Апологетом, ибо его расцвет приходился примерно на конец третьего века хиджры. В то же время, наше «Оправдание» (как я надеюсь доказать ниже) определенно было написано во времена правления Аль-Мамуна — то есть, приблизительно в начале того столетия хиджры. Отрывок из труда Ассемани, на который ссылается де Саси, содержит примечание к главе *sxlii* «Каталога христианских авторов (в сирийских стихах)» Эбеда Джезу. Ниже я привожу и сам этот стих, и примечание к нему:

[СТИХ] — *CANDIUS fecit ingens volumen Disputationis et Fidei.*

[ПРИМЕЧАНИЕ] — Кандиус, ابن كند, Эбн Канда, сиречь, сын Кандиин; который процветал во время правления несторианского патриарха Иоанна IV, в 893 г. от р. Х. Другие приписывают авторство Абу Йусуфу Йакубу Ибн Исхаку Аль-Кинди; но он, согласно Пококу и Абулю Фараджу, был магометанином.... Однако тот Кандиус, которого упоминает Эбед Джезу, был несторианцем, {22} а не магометанином, и писал на сирийском языке, а не на арабском.²

¹ Описано в “Relation de L’Égypte par Abd Allatif,” by M. de Sacy, Париж, 1810, стстр. 487.

² Ассемани «Библиотека Востока», “Bibliotheca Orientalis,” Assemani, 1725 г. от р. Х, том iii. стстр. 213. Предположение, что он писал на сирийском, ни на чем не основано. Этот трактат, вероятнее всего, был переведен на сирийский язык, а может быть, просто транслитерирован с оригинала на сирийское письмо. [То есть, Мьюир считает, что арабские слова были переписаны кем-то с помощью знаков сирийского письма. Логичнее предположить, что сириец не переписывал арабский документ, а записывал текст на слух. — *Прим. перев.*].

Если еще и остаются какие-нибудь сомнения относительно религиозных принципов Ибн Исхака Аль-Кинди, они должны лишиться своей почвы на основании того факта, что им был написан трактат, опровергающий учение о Троице.¹ На эту работу откликнулся Йахья ибн Ади, якобитский автор, чей памфлет можно найти под номером 108 в списке Штайншайдера.² Тот же самый документ есть и в библиотеке Ватикана (Кодекс 127, фолиант за номером 88), любезно переписанный для меня профессором Игнатием Гвиди. В этом памфлете цитируются критические нападки Ибн Исхака, и пункт за пунктом дается им отпор; содержание документа не оставляет никаких сомнений во враждебности автора по отношению к христианству.³

На основании всего этого, следует неизбежный вывод: нам придется основательно поискать автора нашего «Оправдания» в каком-нибудь другом месте.⁴ Но прежде, чем мы к этому {23} приступим, было бы целесообразным остановиться на предположении де Саси о том, что «Оправдание» могло быть **приписано** Ибн Исхаку Аль-Кинди: либо по недоразумению, либо в качестве «благочестивой» фальсификации, ради приобретения за счет этого большей популярности и авторитета.

Что касается предполагаемого недоразумения, то кажется маловероятным, чтобы в действительности «Оправдание» было когда-либо приписано мусульманскому философу таким путем. Скорее всего, это не более, чем простое предположение, зародившееся в век нынешний. Недоразумение, как бы то ни было, действительно могло возникнуть из-за схожести имени и племенной принадлежности, как явствует из цитаты Аль-Бируни.

Другую же точку зрения: об умышленной (ради приобретения большего веса) фальсификации документа, который мог бы послужить для целей дискриминации ислама и популяризации христианства, и приписывание его авторства магометанскому философу, едва ли, я думаю, можно рассматривать серьезно. Какую возможную выгоду можно ожидать от попытки приписать труд полемического характера антагонисту христианской веры, более того, автору,

¹ Если Мьюир считает автора «Оправдания» последователем Нестория, то такие взгляды, как раз напротив, должны быть очень характерны для христианина-несторианца. — *Прим. перев.*

² “Pol. und Apolog. Literatur in Arab. Sprache,” Лейпциг, 1877, стстр. 126.

³ Необходимо уточнить: к христианству ортодоксальному. — *Прим. перев.*

⁴ Тех, кто желает продолжить дальнейшее исследование, можно отослать к подробной статье доктора Г. Флюгеля: Dr. G. Flügel, »Al Kindi der Philosoph der Araber«, »Ein Vorbild seiner Zeit und seiner Volkes«, Лейпциг, 1857. Доводы в этом документе в основном основываются на авторитете Ибн Абу Осейбы и Ибн Куфти, и являются вполне научными и исчерпывающими. Любопытный астрологический трактат того самого Аль-Кинди приводится доктором Отто Лотом на стр. 261 в »Morgenländische Forschungen«, Лейпциг, 1875. Цикличность арабской истории объясняется в нем с точки зрения астрономических взаимодействий, а завершается его эссе пророчеством о достижении исламом конечного господства над другими религиями.

В мадридской «Библиотеке Эскуриала» есть небольшая статья, в которой содержится исчерпывающий список работ Ибн Исхака. Она принадлежит перу испанского писателя Ибн Джольджоля (Ибн Хольхоля): “Bibliotheca Escorialensis,” Casiri, Matriti, 1760, том I, стр. 357.

который, подвергал критике одну из ее основополагающих доктрин? Кроме того, в самом «Оправдании» не содержится никаких намеков, которые могли бы хоть косвенно указывать на авторство столь знаменитого философа. Наоборот, личность автора, как мы уже убедились, тщательно скрывается. Единственная общая вещь у прославленного «Философа» и автора нашего труда, как явствует из содержания документа, это то, что оба они были учеными мужами и оба носили племенной титул «Аль-Кинди»; но это племя было довольно {24} многочисленным и весьма знатным, чтобы выдвинуть из своих рядов более чем одного грамотного человека благородного происхождения, оказавшегося в числе придворных Аль-Мамуна.¹ Оставив на этом вопрос о мусульманском «Философе», мы продолжим далее рассмотрение свидетельств, содержащихся в самом документе, относительно его авторства и времени написания.

Как я уже отмечал, имя халифа Аль-Мамуна, хотя и упоминается в «Предисловии», в тексте самих посланий нигде больше не встречается. Однако манера, в которой в обоих из этих посланий говорится о халифе, вполне подтверждает наше предположение о том, что они были написаны именно при его дворе. О халифе говорится, как о двоюродном брате по отцовской линии «Мусульманина», автора первого письма. Халифское правление, отмеченное справедливостью и терпимостью, неоднократно приветствуется Аль-Кинди. Выходец из рода Магомета, упрочивающий династию новых халифов, упоминается вновь и вновь, и наш автор возносит молитву, чтобы империя ислама как можно дольше оставалась в руках потомков его благодетеля. Все это выглядит совершенно естественно, и в целом соответствует предположению, что рассматриваемая нами работа принадлежит перу одного из придворных при дворе халифа Аль-Мамуна.

Не менее удивительным является достоверность и аккуратность всех исторических примечаний. Например, упоминая об участии четырех экземпляров Корана, оставленных Османом в главных городах империи, наш Апологет говорит нам о том, что мединская копия пропала «в годы царствования террора, а именно, во времена Йезида Ибн Муавии»; и что мекканский манускрипт был потерян или сгорел при разграблении священного города арабов Абу Сарайей: во время «**последнего нападения** предпринятой на Каабу».² Это именно такие слова, какие и должен был произнести человек, писавший {25} приблизительно через пятнадцать лет после совершения этого события — во время правления Аль-Мамуна. Ибо упомянутая осада Мекки была, с точки зрения современника Аль-Мамуна, «**последней**» — предпринятой под руководством мятежника Абу Сарайи в двухсотом году хиджры. Если бы наш Апологет писал позднее, скажем, в четвертом столетии, «последним нападением» на Мекку для него выглядел бы уже не налет Абу Сарайи, но набег Сулеймана Абу Тахира, случившийся в 317 году хиджры. Точно также, иллюстрируя грабежи и разбои ранних мусульманских кампаний, Аль-Кинди упоминает о них в связи со схожим грабительским и опустошительным характером восстания Бабека Хуррами, которое подвергло опасности и доставило беспокойство «нашему господину и правителю,

¹ Смотрите «Предисловие», *выше*, стр. 6.

² Стр. 81.

Повелителю правоверных». Этот главарь мятежников, как нам известно, поднял свое знамя восстания в Персии и в Армении за несколько лет до описываемых событий. Он разбил армию халифа и долгое время оказывал сопротивление имперским войскам. И подобного рода предупреждение, как об одной из грозящих опасностей, занимающей на тот момент людские помыслы, было бы естественным и абсолютно уместным сделать именно в предполагаемое — и никакое другое! — время.¹ Более того, побуждая своего друга представить хотя бы одно пророчество, которое бы исполнилось от начала эры Мухаммеда, Аль-Кинди указывает, что период, прошедший с начала этой эры, составляет «чуть более двух сотен лет». Автор использует именно это выражение для уточнения времени, благодаря которому каждый может посчитать, что речь идет о {26} 215 году хиджры, когда эта работа была предположительно написана.² В то время, как случайные упоминания дат и исторических событий довольно аккуратно и удачно указывают на время написания работы, на протяжении всего документа не встретишь ни одного анахронизма и ни одной натянутой или нелепой аллюзии, что, если бы автор писал в более позднее время, было бы вряд ли возможно при охвате столь обширного исторического периода.

Еще более удивительным является уместность и верность политических аллюзий. Все идеологические утверждения автора находятся в точном соответствии не только с традициями династии Аббасидов, но и с мнением халифского двора, состоявшего из приверженцев фракции Алидов, которые открыто признавали мутазилитов. Придворные Аль-Мамуна были исключительно веротерпимы; а сам халиф незадолго до этого решился сделать заявление, что Коран является сотворенным, а не вечно существующим. О династии Омейядов говорится с ядовитым сарказмом; господство Йезида названо в «Оправдании» «царством террора»; а об Аль-Хаджадже с его тиранией, который запятнал свою репутацию искажением Корана, упоминается в самых резких выражениях, вполне свойственных духу того времени. Абу Бекр, Омар и Осман рассматриваются автором как узурпаторы божественного права наследования, которое (как подразумевается) принадлежит Али на законных основаниях. Едва ли следует обращать внимание читателей на то, как гармонично все это соответствует настроениям, {27} господствовавшим как раз при дворе Аль-Мамуна. Причем подобные рассуждения определенно не были бы встречены подобной терпимостью уже сорок или пятьдесят лет спустя.³

Свобода, с которой автор «Оправдания» обсуждает ислам, могла быть позволительна лишь при абсолютно веротерпимом дворе правителя, и ни при

¹ Стр. 47. Имя напечатано неправильно: *إتابك الخزمى*. Но нет сомнений, что правильным прочтением является «Бибек Хуррами»: *بابك خرمي*.

² *لأن هذه نيف ومائتا سنة قد مضت من ذلك الوقت* Эти слова означают «две сотни и еще несколько лет», или чуть больше двухсот. Указ против догмы о предвечности Корана был издан, я думаю, приблизительно в 211 или 212 году хиджры, и рассматриваемая нами дискуссия могла иметь место год или два спустя, то есть, где-то в 215 г. хиджры.

³ Смотрите текст моей лекции на тему «Ранний халифат», “Early Caliphate,” Smith & Elder, 1881, стр. 21.

каком другом. Наш Апологет, оставляя в стороне пророческие притязания Магомета, порицает некоторые из его поступков в весьма энергичных выражениях, осуждает предписания ислама, особенно те, что касаются женщин, и обличает «джихад» с поистине убийственной критикой. Сложно понять, как могли терпеть мусульмане столь резкие нападки на свою веру даже при дворе Аль-Мамуна. Ну, а при любом другом халифе у «Оправдания» было столь же мало шансов увидеть свет, как у его автора — сберечь на плечах свою голову. Если эта работа и получила возможность к распространению (как мы предполагаем), то ее автор должен быть благодарен за это, в первую очередь, своему крайне веротерпимому времени.

Эти замечания особенно актуальны в отношении раздела, касающегося Корана, поскольку мне кажется наиболее вероятным, что «Оправдание» было написано вскоре после знаменитого указа Аль-Мамуна, в котором отрицалась извечность существования Священного Писания мусульман. Композиция Корана высмеивается нашим автором самым язвительным образом. Сначала, дескать, идея была внушена неким монахом-христианином, затем какие-то раввины добавили в Коран всяких иудейских рассказов и детских сказок. Тексты собирались абсолютно случайным и беспорядочным образом. Помимо официальной редакции, навязанной единоличным решением диктатора Османа, {28} и впоследствии искаженной Аль-Хаджаджем,¹ в распоряжении Али, Обей Ибн Кааба и Ибн Масуда находились свои собственные различные варианты. Тексты Корана были собраны (если только отчасти не сочинены!) самыми разными людьми, и после этого бессистемно свалены в одну кучу. Соответственно, в тексте оказалось довольно много противоречивых, бессвязных и бессмысленных отрывков. Большая часть этого раздела «Оправдания», несомненно, перекликается с теми характерными аргументами, которые выдвигали, хотя, разумеется, в более почтительных выражениях, его современники мутазилиты-рационалисты. Их взгляды встретили поддержку у Аль-Мамуна. Ибо, как мы знаем, Аль-Мамун после весьма жарких и продолжительных споров согласился с концепцией рукотворности Корана. Таким образом, эта часть документа вполне соответствует общим настроениям, царившим при дворе халифа в то время. И, как мы видим на самом деле, автор отводит обсуждению этой темы очень много места, пользуясь представившейся ему возможностью. Необходимо заметить, что многословные мусульманские предания, несмотря на свою тогдашнюю популярность в народе, не пользовались у автора никаким авторитетом. Подобного рода свободомыслие получило развитие при Аббасидах: идеи множились, подобно грибам после дождя, пользуясь успехом у пришедшей к власти партии. Впрочем, уже совсем скоро это новое поколение свободомыслящих людей подвергнется преследованиям, и жестокие гонения обрушатся на головы всех неортодоксальных мыслителей. Никогда, ни до, ни после этого момента, в истории ислама не существовало таких прекрасных

¹ Изменения Аль-Хаджаджа (который определенно был выставлен в ложном свете и подвергся поношениям со стороны Аббасидской фракции), кажется, по большей части ограничивались лишь отдельными добавлениями. Похоже, он лишь кое-где ввел в текст Корана диакритические знаки. Смотрите «Ибн Халикан» Слейна, Slane's "Ibn Khallikân," том i., стстр. 359, и ссылку 14, стстр. 364. Но при дворе Аббасидов считалось вполне нормальным обливать грязью этого прославленного, хотя сурового и жестокого, вице-халифа из рода Омейядов.

возможностей для выражения своих собственных убеждений, какими успел воспользоваться наш Апологет. Находясь под сенью {29} самого халифского двора, он осмелился защищать свои взгляды и оспаривать доводы противника, рука которого буквально покоилась на рукояти карающего меча ислама.

Аль-Кинди делает сильный упор на лицемерие иудеев и бедуинов, живших в эпоху становления ислама. Он указывает на поверхностность их обращения в веру, раскрывает низкие и корыстные побуждения, которыми они руководствовались, принимая ислам. Во время великого отступничества, последовавшего незамедлительно после смерти пророка, они были вновь обращены в мусульманство, «одни из страха под угрозой меча, другие, прельстившись властью и богатством, третьи же были влекомы своею похотью и наслаждениями этой жизни». Точно таким же образом, продолжает автор, складывались в те дни дела и с иудеями и магами. И для поддержания своей точки зрения он далее цитирует отрывок из речи халифа, записанной на одном из собраний, на которых тот имел обыкновение выступать. Этот отрывок столь знаменателен, и так хорошо раскрывает характер Аль-Мамуна, что я рискну удлинить свою работу и приведу его здесь целиком:

РЕЧЬ АЛЬ-МАМУНА.

Я нисколько не сомневаюсь в том (да благословит тебя Господь, друг мой!), что ты помнишь то, что происходило на собрании у Повелителя правоверных, которому было донесено обо мне одним из его придворных — дескать, он, хотя внешне и мусульманин, в душе своей остается нечестивым магом. На что сам халиф, как мне после сообщили, отвечал следующее:

«Клянусь Господом! Я прекрасно знаю, что такой-то и такой-то (тут халиф называет целый ряд своих советников), хотя и исповедуют своими устами ислам, на самом деле чувствуют себя свободными от религии. Они стараются, чтобы я заметил их вероисповедание, но их подлинные убеждения, которые мне хорошо известны, являются прямо противоположными тому, о чем они заявляют. Они принадлежат к тому классу людей, что принимают ислам не из-за какой-то особой любви к нашей вере, но рассчитывают приобрести от этого выгоду, {30} получив доступ к моему двору. Они хотят разделить славу, богатство и власть нашего государства. У этих людей нет никаких внутренних убеждений в том, что они провозглашают во всеуслышание. Воистину ситуация с ними, по моему мнению, очень точно соответствует случаю с теми иудеями, которые, когда вокруг был уже провозглашен ислам, сами продолжали держаться за свою Тору и Закон Моисея. И, разумеется, мне известны и такой-то, и такой-то (при этом халиф перечислил целую вереницу своих придворных), кто являлись христианами, и приняли ислам не по своей воле. Они и не мусульмане, и не христиане, но выдают себя не за тех, кем являются. Но как мне обращаться с подобного рода людьми, когда я знаю, что на всех этих неверных лежит проклятие Божие? В то время как некоторые из них оставили веру магов (наиболее нечестивую и мерзкую из всех религий!), на них была возложена обязанность твердо придерживаться

своей нового вероисповедания, которое они приняли. Вот, что они должны были делать, вместо того, чтобы притворяться и лицемерить! То же самое относится и к тем, кто оставил христианскую веру (религию, наиболее расположенную из всех прочих к принятию лучезарного сияния ислама и истины его исповеданий). Однако в этом деле я располагаю и примером, и прецедентом самого Пророка (да будет благословенно его имя!¹). Ибо много было и среди его соратников, и друзей, и ближайших родственников таких, кто торжественно заявлял, что будут следовать за ним и быть ему во всем помощниками. Однако же он (да пребудет на нем благословение!) прекрасно знал, что они все время оставались лицемерами, в душе своей противившимися тому, что говорили их уста. Они не прекращали упражняться во зле, составляли заговоры и искали его падения. Они помогали идолопоклонникам в борьбе с ним: доходило до того, что целая их группа залегла однажды в условленном месте на дороге, чтобы внезапно напугать его мула, и тот скинул бы своего седока и убил бы его. Но Господь избавил его и защитил от всех их коварных ухищрений, и от зла, с которым они надеялись его посетить. {31} Несмотря на все это, он до самого конца обращался с ними с должным почтением, вплоть до того самого дня, когда Господь забрал его дух к Себе. Таким вот образом он добротой и почтением оградил себя от их махинаций. Из этого необходимо сделать вывод, что и мне надлежит во всем следовать его примеру. Они же все по смерти Пророка впали в отступничество, и устремились, как в душе своей, так и внешне, как тайно, так и на людях, к разрушению ислама и уничтожению государства. Так продолжалось до тех пор, пока Господь не прекратил это бедствие и не исцелил нас от раскола. Он сделал это, вложив в сердца некоторых из этих отступников похотливую жажду власти и любовь к миру сему. В результате укрепилось правительство, утихли разногласия — и все это благодаря доброте, терпению и духу примирения. Вот таким путем Господь исполнил то, что Он приуготовил для нас: и здесь мы не должны воздавать славу или благодарность никому иному, как только Одному Господу! Итак, отныне я не желаю упоминать ничего из того, что мне доводилось слышать и видеть в отношении подобного рода моих придворных. Да будет мне дано обращаться с ними с учтивостью и терпением, пока Господь не рассудит между нами, “ведь Он — лучший из судящих”».²

Разумеется, если бы мой господин, Повелитель правоверных, не произнес эти слова открыто в уши нашей знати на своем совете (да превознесет их всех Господь!), и весть об этом не распространилась по округе, а все присутствовавшие при этом не рассказали всем, отсутствовавшим, я не решился бы упомянуть об этом здесь. Ты сам —

¹ Вошедшее в привычку набожное восклицание при упоминании Пророка, которое повсеместно используется магометанами, встречается во всей рукописи лишь в этом месте — в обращении халифа. Больше ни в одной из частей «Оправдания» подобного выражения нет.

² Цитируется по Суре х. 107[109]. Там, где сохраняется смысл английского текста, цитаты из Корана приводятся в переводе И.Ю.Крачковского. — *Прим. перев.*

свидетель, что я не прибавил ничего своими словами. Теперь я лишь хочу тебе напомнить (пока еще не слишком много времени прошло) о том, что происходило на этом совете, чтобы лучше прояснить столь важную тему величайшего отступничества. Я хочу показать, что люди вовсе не впадали в свое отступничество из ислама, в который они якобы обратились. Они становились отступниками, переходя в него не из ислама, а из состояния любви к миру сему, и это именно они строили это государство, в котором они же сегодня и проживают. В подтверждение этого, если будет на то воля Господа, мое послание послужит ответом для {32} всех просвещенных людей, которые смогут воспользоваться моею книгой.

(См. стр. 66 арабского оригинала).

Для кого-то может показаться и странным, что халиф позволил себе высказываться столь категоричным образом относительно многих из своих собственных придворных, да еще и прилюдно. Однако нет никакого сомнения в том, что подобное выражение сильных чувств действительно соответствует тому, что мы знаем о характере и принципах Аль-Мамуна. Это, в общем, характерно как для тех общественных и религиозных деятелей, что превалировали в Мерве, где Аль-Мамун впервые принял сан халифа, так и для жителей Багдада, где он вскоре после того утвердил свой двор. Крайне сложно поверить, что кто-нибудь мог решиться сфабриковать подобного рода речь. Если же предполагать ее достоверной, то вряд ли ее мог цитировать кто-либо из писателей, не будучи современником Аль-Мамуна.

Здесь я должен вновь обратить внимание читателя на то, каким сильным свидетельством являются сами по себе эти заметки, если участники спора и в самом деле являлись теми, кем нам их представляют, то есть, лицами вполне определенного положения при дворе халифа Аль-Мамуна. Конечно же, «Оправдание» благодаря своей древности и риторике вполне может говорить само за себя, обладая достаточными внутренними достоинствами. Однако нет никаких сомнений, что этот спор приобретает совершенно новую окраску, и наш интерес к нему только усиливается, когда мы понимаем, что его участники — не выдуманные кем-то, а абсолютно реальные персонажи.

Во-первых, разберемся с «**Хашимитом**». Я не собираюсь особо возражать, если его предлагают воспринимать как некий обобщенный образ, выдуманное лицо, введенное в повествование с целью представить точку зрения ислама. Дескать, это просто марионетка, призванная вызвать на смех аргументы «Христианина». Такова была реакция одного из ученых представителей «улемы»¹ в Константинополе, когда я показал ему свою книгу. Однако же главной причиной для таких его рассуждений послужило его собственное убеждение, что ислам в ней представлен явно слабо, и в действительности {33} можно было бы привести

¹ Улема — общее название для ученых-богословов и правоведов в исламских странах. При большевистской власти все улемы в среднеазиатских городах подлежали обязательному физическому уничтожению, как «подпольные антисоветские организации», подобно аристократии, выходцам из духовенства и нелояльной коммунистам части интеллигенции в России. — *Прим. перев.*

гораздо более сильные аргументы в его защиту.¹ В противоположность этому мнению можно было бы сказать, что личность и характер Мусульманина в обоих посланиях вырисовывается с завидным постоянством. Когда бы о нем ни говорилось, все его слова и все представления о нем отвечают образу хашимита из рода Аббасидов, его родству и отношениям с халифом, его дружбе с нашим Апологетом. Этому отвечает и гарантированная ему для дискуссии свобода и безопасность. Кроме того, мы видим гораздо больше свидетельств, чем просто один-два случая из его личной жизни. Подобным образом, нам в глаза бросается интересный отрывок об использовании креста, где Аль-Кинди напоминает своему товарищу, что тот с завидным постоянством использовал этот символ в минуты опасности. Не раз вырывалось из его груди и обращение ко кресту, что могло бы свидетельствовать о добродетели христианского символа.² В одном из таких случаев Аль-Кинди напоминает своему другу место, где это случилось: Сабат Аль-Медайн. Часто он ссылается и на слова, используемые его оппонентом другой дискуссии, о «душе». Желая высмеять замечание, что имя Магомета безусловно должно быть написано на небесном троне Божиим, Христианин заявляет, что никто, даже из сторонников его товарища, принадлежащих к его партии, не верит в это утверждение. И вновь, он приносит свои извинения за определенную горячность его языка, напоминая своему другу, что тот *сам* затеял всю эту

¹ Равным образом он протестует и против слова «Кариб» (стр. 3 арабского текста), которое мусульмане применяли по отношению к христианам.

² На самом деле крест — символ языческий, а не христианский. Вот, что пишет в своем словаре греческих слов Нового Завета У. Э. Вайн (Oliphants Limited, London, 1967, стр.256):

«СТАВРОС обозначает, прежде всего, прямостоящий столб или кол. На такие столбы прибывались гвоздями подлежащие казни злоумышленники. И существительное “ставрос”, и глагол “ставро-”, то есть, “прикреплять к столбу или колу”, следует изначально отличать от общепринятой церковной формы “креста” в виде двух перекрещенных балок. Последний своей формой обязан символу из древней Халдеи. Он использовался в качестве знака божества Таммуза (знак имел форму Т, мистической греческой буквы “**тау**”, с которой начиналось его имя) в этой стране, и в прилежащих землях, включая и Египет. К середине третьего века по р.Х. церкви либо отделились, либо существенно извратили ряд доктрин христианского вероучения. Для того, чтобы повысить престиж этой погрязшей в отступничестве церковной системы, в ряды членов церкви стали массово приниматься язычники, независимо от их возрождения по вере. Им, как правило, позволялось сохранять свои языческие знаки и символы. Таким образом, это “Тау” или Т, в его более употребляемой форме, где верхняя перекладина оказалась немного опущенной, было перенято в качестве символа креста Христова.

Что же касается буквы “**хи**”, или Х, которая предстала в видении Константину, и, по его словам, заставила его принять сторону христианской веры, то эта буква являлась начальной в слове “Христос”, и не имела ничего общего со словом “крест”... Сам же метод казни был позаимствован греками и римлянами от финикийцев».

Таммуз служил вавилонянам божеством весны. Он считался мужем или любовником богини Иштар (Астарты). Последователи этого культа были убеждены, что каждое лето Таммуз сходит в подземный мир мертвых, для того, чтобы заменить там Иштар: это отчасти напоминает нам Христа, умершего ради искупления Своей невесты, Церкви, как сообщества Его святых. Христианам следует быть осторожными в этом очень важном вопросе: отвергая жертвоприношение, **единожды** совершенное Христом на Голгофе, мы начинаем служить придуманному людьми идолу Таммузу, а не подлинному Богу, Властителю неба и земли. — *Прим. перев.*

дискуссию.¹

В отношении же самого **Аль-Кинди**, его личность постепенно проступает перед нами на протяжении всего «Оправдания». Будучи сильным приверженцем несторианского вероисповедания, он подчеркнуто отрешается от религии иудеев и магов, о которых, {34} при каждом удобном случае, он отзывается с наиболее оскорбительными эпитетами. Отдавая должное хашимитам за их самое высокое положение среди всех прочих курайшитов, он с постоянно похвалюбою напоминает о более высоком и подлинно царском достоинстве Бени Кинда — настоящей голубой крови арабов, чье превосходство безоговорочно признавалось по всему Аравийскому полуострову. Также, со своей собственной точки зрения, он говорит о своих скорбных чувствах, как исмаилит, когда веские аргументы заставляют его признавать первоочередность линии Исаака перед Исмаилом. Это постоянное признание своих собственных знаний, своего опыта и прекрасного понимания, как человеческого мира, так и различных религиозных и философских систем, которому сопутствует осознание собственного превосходства автора, окрашено в легкие тона тщеславия, которое сквозит в его словах на протяжении всего повествования.

Добавим ко всему этому, что помимо всего того, что в нашем понимании грешит и поспешностью выводов, и даже нелогичностью, работа в целом характеризует автора просто-таки выдающимся владением арабским языком. По временам спор — как, например, в отрывке о джихаде и мученичестве — достигает высшей точки весьма чувственного красноречия, что свидетельствует о том, что перед нами человек примечательных знаний и талантов. Таким образом, наш Апологет никак не может быть какой-то темной личностью. Невозможно найти никаких убедительных доказательств тому, что он в действительности не являлся тем, кем совершенно естественно и с завидным постоянством предстает нам в своем «Оправдании»: а именно, отпрыском благородного арабского племени Кинда, принадлежащим тому его ответвлению, которое предпочитало неуклонно придерживаться вероисповедания своих предков. Для того же, чтобы в этом персонаже подозревать какого-либо благочестивого мошенника, я, при всем своем старании, не вижу никаких разумных оснований. {35} Даже если внутренние побуждения и свидетельствовали бы в пользу такой гипотезы, в подобного рода предположении не может найтись никаких выгод.

Итак, подведем итог. Мое мнение таково: этот труд, уже по своему содержанию, представляется подлинной композицией, вполне соответствующей тому времени, в котором, по содержащимся в тексте утверждениям, он был написан. Далее: существует достаточно серьезная возможность, можно даже сказать, уверенность, что эта работа была написана каким-то ученым христианином, человеком, достигшим определенного положения при дворе халифа Аль-Мауна, и носившим родоплеменное прозвище «Аль-Кинди». И еще: считаю своим долгом отметить, что было бы справедливым предположить, что «Оправдание» написано в качестве ответа на то обращение, что предшествовало ему по времени. То есть, наше «Оправдание» — ответ на другое, мусульманское, «Оправдание», адресованное бона фиде своему другу мусульманином Абдаллою Аль-Хашими, двоюродным братом халифа.

¹ См. стр. 95, 114, 121, и 129.

Существуют весьма серьезные основания для таких утверждений, даже не говоря о свидетельстве Аль-Бируни. Впрочем, это свидетельство, как мы уже видели, неопровержимо доказывает тот факт, что рассматриваемый нами труд был актуален уже в четвертом столетии хиджры. Уже тогда он был известен именно как работа автора, чье имя упоминается в кратком вступлении к «Оправданию». Свидетельство Аль-Бируни, на мой взгляд, ценно в первую очередь тем, что устраняет какие-либо сомнения, которые без него могли бы возникнуть у широкого круга читателей. То есть, не будь у Аль-Бируни упоминания об «Оправдании», мы наверняка бы усомнились, что в самом сердце исламского государства мог возникнуть документ, написанный в столь бесстрашном духе противостояния магометанской религии. Даже если бы мы и допустили такую мысль, то уж точно бы посчитали, что подобного рода оскорбительная выходка должна была быть немедленно наказана. Религия в мире ислама настолько тесно переплетается с гражданской властью, что {36} власть предержавшие мусульманского государства постоянно пребывают в готовности отбить любую атаку на ислам, которая для них равноценна государственной измене и выглядит не подлежащим прощению грехом. Однако свидетельство Аль-Бируни говорит нам о том, что, сумев пережить свое время, рукописи «Оправдания» и в самом деле ходили по рукам в магометанской стране — и это спустя полтора столетия после того, как оно было написано. Причем, это является едва ли не большим чудом, чем то, что оно вообще вышло из-под пера своего автора: ибо при веротерпимости халифского двора свободомыслящего Аль-Мамуна оно вполне могло появиться на свет. Спустя лишь несколько лет, уже после Аль-Мамуна, такое вряд ли было возможно. Можно несколько не сомневаться в том, что когда в исламской империи вновь возобладали ортодоксальные взгляды на религию, ситуация резко изменилась. «Оправдание» неминуемо должно было быть подвергнуто резким нападкам консерваторов с целью искоренения всякой мысли о нем. Ведь эта работа не только оскорбляла официальную религию исламского государства, но и поддерживала вышедшие из моды политические цели. Дело в том, что автор «Оправдания» утверждал за Али право на власть от Бога, называл Абу Бекра узурпатором и критиковал характер соединения текстов Корана. Тем не менее, рукописные копии «Оправдания», исключительно благодаря его интересному содержанию, успели получить столь широкое распространение за время правления Аль-Мамуна и его непосредственных преемников (которые также разделяли взгляды мутазилитов), что полностью искоренить информацию о работе Аль-Кинди, вне всякого сомнения, стало уже невозможным. Таким образом, в различных регионах исламского мира, пускай и в тайне, сохранялось немало копий этой необычной работы. Но вот почему эта примечательная книга столь мало известна и так низко ценится в христианских странах — это очень странно. Не только странно, но, на мой взгляд, просто непостижимо.¹

¹ Первая причина весьма простая. «Оправдание» Аль-Кинди было написано на арабском языке, и до Мьюира жители немусульманских стран практически ничего об этой работе не знали. Второй момент: вопрос о подлинности этого документа. Как будет видно далее из текста, автор «Оправдания» излагает взгляды, которые получили свое развитие в христианских краях гораздо позже времени правления Аль-Мамуна (начало девятого века). Например, в те времена «флер-делиз» еще символизировал для жителей Франции Христа — белый цвет его лепестков ассоциировался с Его чистотой. И лишь несколько столетий спустя, с развитием соответствующей

Что же, будем полагать, что время для этой работы еще наступит. Как бы то ни было, остается вопросом, кем же был на самом деле наш загадочный «Аль-Кинди, христианин». В письме {37} доктора Штайншнайдера профессору Лоту высказывается одно интересное предположение, которое может пролить свет на личность автора «Оправдания». Доктор Штайншнайдер пишет об **Евстафии Аль-Кинди**, о котором, в числе прочих имен христиан и иудеев, упоминает Касири в своем труде «Библиотека Арабика». Там он представлен в качестве одного из переводчиков Аристотеля или переписчика работ греческих философов. Уж не это ли наш с вами «Апологет»?¹

Нельзя исключать, что дальнейшие исследования в этом направлении, а может быть, и в других направлениях, сумеют пролить больше света на вопрос об авторстве нашего «Оправдания». С этой целью можно было бы сравнить с вышедшим из печати текстом другие рукописи, хранящиеся как в библиотеках Европы, так и на Востоке. Посредством такого сравнения мы могли бы в достаточной степени исправить текст, очистить его от ошибок — в особенности те пассажи, которые выглядят в рукописях, с которых готовился к печати наш экземпляр, весьма нечетко, затрудняя их понимание.²

Эта проблема, по моему мнению, вполне достойна внимания {38} даже наиболее выдающихся из наших ученых-ориенталистов. Ведь «Оправдание» по своему характеру является абсолютно уникальным документом. По своей древности, по дерзости языка, по своей риторике и силе, эта работа не имеет себе аналогов в анналах истории каких-либо противостояний магометанству. И потому любого рода исследование, которое могло бы пролить свет на происхождение этого документа, на жизнь его автора, на обстоятельства, сопутствовавшие написанию «Оправдания», равно как на проблему подлинности самой работы и подлинности имеющихся в нашем распоряжении текстов, должно иметь не только чисто

доктрины, церковники начинают трактовать геральдический смысл белого трилистника как символ загадочной Троицы. Непонятно, каким образом автор «Оправдания» оказывается в состоянии столь бойко излагать учение о Боге, «Едином в трех лицах». Разве только речь идет о какой-то самостоятельно развившейся среди арабов-христиан ереси. Еще более невероятным представляется образ его противника: «Хашимита». В Коране христиане обвиняются не в учении о Троице, о которой во времена Мухаммада не было и понятия, но в том, что они помимо Бога-Отца обожествляют Христа и Его мать, Марию. Удивительно, что оба спорщика совершенно обходят вопрос о культе Богоматери, уже в те времена столь широко распространенном и в римской церкви, и в византийской. Третья причина, самая важная: «Оправдание» Аль-Кинди — документ, могущий иметь какую-либо научную или богословскую ценность, но не имеющий никакого отношения к подлинному благовестию. — *Прим. перев.*

¹ Письмо доктора Штайншнайдера было опубликовано на странице 315 журнала »Zeitschrift der Morgenländischen Gesellschaft«, том xxix. Вот отрывок из Кашири, относящийся к этой теме:

الكندی كتاب الإلهیات . . . وهذه الحروف نقلها بسطات

«Bibliotheca Arab. Hist. Michaelis Casiri,» *Matrili*, 1760 г. от р. X., том i, стр. 310.

² В Париже хранится один из подобных манускриптов, который де Саси упоминает под номером 257 в «Библиотеке Орьенталь», «Bibliothèque Orientale». Также существует и другой экземпляр рукописи, про который говорит Штайншнайдер — уже под номером 112: »Kindi, Jacob? Vertheidigung der Christlichen Religion gegen den Islam, in Karschunischnen MSS«. Смотрите его »Polemische und Apologetische Literatur in Arabischer Sprache«, Leipzig, 1877, стр. 131. Во второй из этих двух рукописей письмо Аль-Хашими (как нам говорится) приведено в сокращенной форме.

литературный интерес. В некотором отношении такие исследования могли бы иметь и практическое значение. Ведь и по сей день остается актуальной та борьба, которую вели некогда «Абдалла-Хашимит» и «Абд Аль-Масих Аль-Кинди, Христианин», во дни халифа Аль-Мамуна.

В заключение, я считаю своим долгом выразить свою признательность профессору Игнатиусу Гвиди из Рима, доктору Фрицу Гоммелю из Мюнхена и доктору Штайншнайдеру из Берлина, за их любезно оказанную мне помощь в проведении моего исследования. Говоря о профессоре Гвиди, я обязан произнести слова благодарности ему за переписку для меня того текста, в котором Абу Юсуф Аль-Кинди выступает в качестве оппонента доктрины о Троице.

ОПРАВДАНИЕ АЛЬ-КИНДИ

В ОТВЕТ НА ПИСЬМО

АБДАЛЛАХА-ХАШИМИТА

ПИСЬМО ХАШИМИТА

Аль-Кинди (стр. 2-23).

ЭТО ПИСЬМО защитника мусульманской религии начинается с пожелания мира и милости. Подобное начало, весьма необычное для обращения магометан к неверным, он оправдывает, приводя в пример Пророка, который не делал различий ни в характере речи, ни в обращении, между «зимми» (иудеями и христианами, находящимися под защитой ислама) и настоящими верующими.¹ Затем он говорит о почтении, которое было оказано Аль-Кинди халифом, который приходится тому двоюродным братом, и о своем собственном уважительном отношении к Аль-Кинди. Упомянув о благородном происхождении своего друга, Абдаллах выражает восхищение его исключительным благочестием, культурой и ученостью. После чего в полном соответствии с учением мусульманского Пророка он предлагает своему другу принять ислам, и в дружелюбной и любезной манере обсудить сравнительные достоинства своих религий.²

Он сам, судя его словам, хорошо знаком с христианской религией во всех ее разновидностях. Оказывается, он читал Священное Писание иудеев и христиан, и некоторые из книг, в него входящие, он {40} перечисляет по порядку. Абдаллах прекрасно ориентируется в догматах различных христианских сект: «малакитов», принадлежащих к Римской католической Церкви; «якобитов», почитаемых автором за самых безрассудных схизматиков (еретиков); и «несторианцев», к числу которых принадлежит его товарищ. О последних он отзывается самым благожелательным образом; ибо именно несторианская ветвь христианства была знакома Магомету, и ее сторонники восхвалялись им в Коране. Абдаллах-«хашимит» показывает свою осведомленность в ритуалах, молитвах, постах и праздниках различных церквей. Как видно, он не только посещал их монастыри и святые места, но и беседовал с их епископами, священнослужителями и учеными мужами. Нет, он явно не принадлежит к толпе простонародья, которая привыкла поносить всех христиан скопом, без разбора. Хорошо разбираясь в их сектах и учениях, он может по достоинству оценить то, что могло быть в них хорошего. Таким образом, он подходит к кульминационному моменту своего послания, где призывает своего друга отречься от своих ошибочных взглядов и принять великую ортодоксальную веру Авраама, их общего предка, со всеми благословениями

¹ Смотрите, например, послание Мухаммеда к Иоанну ибн Рубаа, вождю христиан в Айле — «Жизнь Магомета», стр. 457.

² Он цитирует Суру ххix. 46: «Не спорьте с людьми Книги иначе, как наиболее любезным образом» (Крачковский: «И не препирайтесь с обладателями книги, иначе, как чем-нибудь лучшим...»).

ислама, подразумевающимися для его адептов. Затем он напоминает об установлениях магометанской религии и обязанностях ее приверженцев, как-то молитвах, постах и паломничестве. Также он говорит о долге вести джихад, священную войну. Он обращает внимание своего друга на райские наслаждения, его ожидающие, и предупреждает о необходимости предпринять определенные усилия, если тот желает избежать наказания в аду. Свои призывы он подкрепляет многочисленными цитатами из Корана. Его другу необходимо лишь принять ислам, истинную веру, и он будет по достоинству оценен при дворе халифа, оценен так, как подобает его благородному происхождению. Тогда все блага ислама будут для него доступны, и он разделит их с другими правоверными — как в этой жизни, так и в грядущей. Среди магометанских привилегий он упоминает о возможности иметь сразу четырех жен (с которыми можно развестись, если они ему разонравятся), помимо рабынь-наложниц.

{41} Свое обращение он заканчивает дружественным призывом; но, если его друг, несмотря ни на что, не пожелает расстаться с христианскою верою, настоятельно просит его ответить на это послание без страха и лицепрития, под высочайшим ручательством самого халифа, гарантирующим Аль-Кинди абсолютную безопасность.

ОТВЕТ Аль-Кинди.

Вступление (стр. 24, 25).

Аль-Кинди начинает свое «Оправдание» также с приветственного обращения, в котором выражает признательность за интерес, проявленный к его благоденствию и уверение в своей неизменной дружбе. Он возносит молитву о долголетию и процветании халифа, чье благорасположение он принимает с благодарностью, для выражения которой невозможно отыскать достойных слов. Далее следует призыв с мольбою о помощи и ведении к Господу, обещавшему Своим рабам, когда их поведут к правителям и царям за Него, не заботиться о том, как или что говорить, «ибо в тот час дано будет вам, что сказать» и т.д. (Здесь Аль-Кинди цитирует Евангелие от Матфея х. 18, 19).

О Троице (стр. 25-41).

Первый раздел этого послания посвящен защите доктрины Троицы, в которой все аргументы в оправдание этого учения, в нашем понимании, зачастую довольно слабы и натянуты. Его друг призывал его принять единую для всего человечества веру, или веру «ханифитов», которой придерживался Авраам, их общий предок. На это наш Апологет отвечает, что вера «ханифа»-Авраама была в действительности идолопоклоннической религией сабеев, которую исповедовал библейский патриарх прежде чем обратиться к служению Единому истинному Богу. «Которую из этих двух религий Авраама, — спрашивает Аль-Кинди, — я должен принять? Если речь идет о служении Единому Богу, я отвечу, что откровение, полученное об этой вере Авраамом, было унаследовано Исааком, а не Исмаилом, и {42} наследниками по его линии являются не арабы, а израильтяне; и это они, а не вы должны призывать меня обратиться к этой вере». После приведения некоторых доводов метафизического характера в пользу доктрины

Троицы, он обращается к цитатам, в основном из книг Ветхого Завета, с целью показать, что таинство Троиинства Божия, хоть и не раскрытое человечеству полностью до пришествия Христа, было ясно предсказано в иудейских Писаниях. Он утверждает, что Троица, в равной степени, как и «Сыновство» Мессии, неверно освещается в Коране, и что концепция о присутствии в Святой Троице женского начала была заимствована Магометом от иудеев. Он отрицает, что, как утверждается в Коране, христиане считают, что «Бог — Один из Трех», или что «существуют три Бога» — это обвинение основывается на еретических учениях сект, подобных «маркионитам»,¹ «невежественным псам», которые, по мнению автора, не заслуживают даже того, чтобы называться христианами. Далее он призывает к сокровенному знанию своего друга, которое непременно должно привести его к пониманию истинного христианского учения, распространяемого Церковью, о том, что «Бог — Един в Трех лицах».

Здесь наш автор приводит множественные цитаты из книг Ветхого Завета. Например, он упоминает о замене Исаака жертвенным овном; говорит об откровениях «Иеговы»: «**Аз есмь, Кто Аз есмь**» (в русском «Синодальном» переводе: «**Я есмь Сущий**»²) и «Бог Авраама, Исаака и Иакова». Он указывает на употребление множественного числа в таких выражениях, как «Сойдем вниз», которое, по его мнению, согласно правилам древнееврейского языка, никак не является признаком особого уважения, но, напротив, должно свидетельствовать о тайне Троиинства в Едином. Ведь Авраама посетили сразу три ангела! Автор продолжает свои примеры: «Господь Твой есть Господь Един»;³ «**Бог** сотворил

¹ Маркион, живший во втором веке от р. Х., был пастором церкви в Риме. Испытывая на себе сильное влияние гностицизма, разработал свой собственный Канон Священного Писания, в который включил только Евангелие от Луки и послания, написанные апостолом Павлом. Рассорившись с римскими христианами, основал свою собственную церковь. Гностики противопоставляли «дух» и «материю», и, по мнению некоторых современных ученых, заявляли, что существуют два бога: «злой», ветхозаветный («Бог иудеев»), виноватый в том, что в мир пришло зло, и «добрый» — «Бог Нового Завета». Гностицизм привел к существенному росту антисемитизма среди христиан, начавших ненавидеть все, связанное с иудаизмом. Иисус для гностиков был лишь «духом», «призраком», поскольку «хороший» «дух» не мог объединиться с «плохой» «материей». Мусульмане переняли от христиан-гностиков идею о том, что «дух»-Иисус покинул «тело» перед началом страданий на кресте, и вместо него умер некий «человек». Гностики принижали роль веры в спасении, отдавая предпочтение особому знанию («гнозису»), которым Христос якобы наделил избранных. В воскресение «материального тела», явившегося воплощением зла, гностики не верили, и отрицали физическое воскрешение Христа. Впрочем, гностики не были едины в своем учении, под этим понятием объединяются очень многочисленные группы христиан с весьма разными взглядами. Гностики, главный грех которых — непомерная гордыня, повинны не только в развитии антисемитизма, но и монашества, явившегося прямым следствием их крайней асоциальности и склонности к аскетизму. — *Прим. перев.*

² Ответ Бога на сомнение Моисея прост: «Я — Тот, Кто Я есть». То есть, как бы мы его ни называли, Бог остается Богом. «И сказал Моисей Богу: вот, я приду к сынам Израилевым и скажу им: Бог отцов ваших послал меня к вам. А они скажут мне: как Ему имя? Что сказать мне им? Бог сказал Моисею: Я есмь Сущий. И сказал: так скажи сынам Израилевым: Сущий *Иегова* послал меня к вам». (Исход 3:13-14). Конечно же, не «Сущий», и уж тем более не «Иегова» (такой огласовки УНВН никогда в действительности не существовало), а «**Тот, Кто есть**, Тот и послал меня к вам». — *Прим. перев.*

³ Второзаконие 6:4: «Слушай, Израиль: Господь, Бог наш, Господь один есть!» Странно, каким же

небеса Своим **Словом**, и Своим **Духом**» (Псалом 32:6);¹ напоминает о «троесвятости» {43} в Книге Исаяи и т.д. Наш Апологет, по его убеждению, «мог бы пролить целые потоки подобных свидетельств, если бы это не сделало его книгу излишне многословной и утомительной для чтения».²

Претензия Магомета на роль пророка — достойный повод для спора (стр. 41).

Далее наш автор переводит свое внимание на призыв своего товарища. Что касается личности Магомета, в связи с тем, что он был потомком такого выдающегося человека, как Аль-Хашими, Аль-Кинди не может сказать о нем ни единого обидного слова.³ Но его притязания на роль пророка — дело совершенно иного рода, и эти притязания он считает вполне возможным обсудить в открытой дискуссии. Призыв о принятии веры, исходящий от любого человека, за исключением, разумеется, какого-нибудь тирана, должен быть основан на определенных основаниях, достаточно веских, чтобы считаться убедительными. Поэтому он желал бы обсудить жизненный путь Пророка от начала до конца. {44} Это можно считать достойным противостоянием, в котором дух разделения и фанатизм спорщикам следует отбросить в сторону.

Краткое описание жизни Магомета (стр. 42,43).

образом знаменитое «шма» может быть использовано в качестве аргумента против Единобожия? В иврите здесь используется форма «Адонай» («Господь»), а не множественное число «Элохим» (в русском: «Бог»). Сравните, также, например, Евангелие от Марка 12:29: «Иисус отвечал ему: первая из всех заповедей: слушай, Израиль! Господь Бог наш есть Господь единый». — *Прим. Перев.*

¹ Синодальный вариант: «Словом Господа сотворены небеса, и духом уст Его — все воинство их».

² Здесь доводы автора по временам выглядят такими же нелепыми, как попытка доказательства существования «трех ипостасей» цитированием стиха «Бог Авраама, Бог Исаака и Бог Иакова». Среди цитируемых выражений, в которых используется множественное число, нижеследующее принадлежит книге пророка Даниила: «Бог говорит к тебе, о царь, говоря: “К тебе **МЫ** говорим, Навуходоносор”», — не «Я говорю», — выражение, которого я не обнаружил. [В русском синодальном переводе: «Еще речь сия была в устах царя, как был с неба голос: “тебе **говорят**, царь Навуходоносор: царство отошло от тебя!”» — Даниила 4:28]. Многие аргументы Аль-Кинди почти не содержат в себе критики, особенно в плане метафизическом, хотя возможно они были отброшены ради сохранения той чисто полемической формы, что была принята в те времена. Однако единственным доводом в этом отрывке, который вызывает у меня большие сомнения относительно его действительного хождения в среде мусульман или же его перевода, заключается в том, что «ханифитская» религия Авраама должна была являться не общечеловеческой единой верой (как об этом ясно заявляется в Коране), но неким идолопоклонничеством сабеев. Для поддержания своей точки зрения наш автор искажает текст Корана, когда приписывает Магомету следующее выражение: «Я — **первый** мусульманин». Читатели-магометане не без основания смогут опровергнуть подобное искажение своего Священного Писания.

³ Наш автор никогда не упоминает Пророка по имени, но, как правило, употребляет расхожее выражение «Твой Господин» («Сахиб»).

Затем следует краткое жизнеописание Пророка. Еще в раннем детстве Магомет остался сиротой без средств существования. Подобно многим арабам он был идолопоклонником. Он поднялся из социальных низов и разбогател только после своей женитьбы на Хадидже. Именно тогда он задался целью преобразовать свой народ, объявив себя вождем арабов. Однако, потерпев поражение вследствие гордости и жестокосердия своих соотечественников, Магомет присвоил себе пророческий сан, и начал призывать принять его учение арабов — невежественную и развращенную расу, которая не знала ни начала, ни конца того пути, на который она собиралась вступить. ступала. Он пытался завоевать их симпатии, сыграв на национальном пристрастии к набегам и грабегам. И подобного рода набеги, как, например, налет на караван, принадлежавший Абу Джалю, привели Магомета к тому, что ему пришлось спешно покинуть Мекку после своего тринадцатилетнего служения, всего лишь с четырьмя десятками последователей. Он укрылся в Медине, небогатом городке, чьими обитателями были по большей части иудеи. Впервые его истинный характер открылся взору мединцев, когда он несправедливо захватил участок земли, принадлежавший двум малолетним сиротам, чтобы построить на нем мечеть.¹

Военные походы и разбойничьи набеги (стр. 44-47).

Следующий раздел посвящен разбойным набегам и военным экспедициям, которые производились уже из Медины. Первые три, совершенные под командою соратников пророка, описываются Аль-Кинди с большим чувством. Хамза, посланный с тремя десятками воинов, встретился под Алисом с отрядом Абу Джалю, который насчитывал три сотни воинов. Товарищ Магомета, не найдя смелости атаковать противника, ретировался. Так сравни же этот эпизод, предлагает Аль-Кинди, с той помощью, которую Бог {45} оказал Иисусу Навину во время его завоевания Земли обетованной, где один израильтянин обращал в бегство тысячу, а двое противостояли десяти тысячам.²

Если Хамза, очевидно, что человек верующий и твердый последователь Магомета, отступил перед отрядом Абу Джалю, поганого идолопоклонника, где же тогда была Божия поддержка и содействие ангелов? Вождь воинства Господня предстал Иисусу Навину близ Иерихона, и стены этого города обрушились до своего основания от одного лишь звука еврейских труб.³ Какую параллель этому может предоставить нам ислам? Следующая операция была предпринята под предводительством Абу Обейды, который с семьюдесятью сторонниками Магомета вошел в Батн Рабиг с намерением атаковать Абу Суфьяна, в чьем распоряжении находились две сотни воинов. Однако архангел Гавриил не

¹ Этот короткий рассказ из жизни Магомета не только способен привести читателя в замешательство, но в отдельных местах вообще не соответствует действительности, как, например, явная клевета относительно захвата Магометом земли каких-то «сирот». — Смотрите «Жизнь Магомета», стр.181.

² Иисус Навин v. и vi.

³ I книга Царств ix, Матфея xviii. 16.

поспешил прийти Абу Обеиде на помощь, и тот вернулся из оказавшегося бесплодным похода с пустыми руками. Как не похоже все это на историю Моисея, к которому, по утверждению самих же мусульман, пришел на помощь Гавриил, и потопил четырехсоттысячную армию фараона, отправив ее на дно морское! В третьем случае, для нападения на караван под Харрар был направлен Саад с отрядом из двадцати человек; однако этот караван ушел оттуда днем раньше, и Магомет ничего об этом не знал. Если бы Магомет был истинным пророком, делает заключение автор, он воистину не мог бы оказаться в таком неведении; ибо признаком истинного пророка является умение открывать невидимое, как в случае из Ветхого Завета, когда Самуил сказал Саулу о том, что нашлись пропавшие ослицы его отца. Наш Спаситель говорил, что «при устах двух или трех свидетелей будет твердо всякое слово»; а здесь, по мнению Аль-Кинди, перед нами сразу три убедительных свидетельства.¹

Первые три военные экспедиции, возглавляемые лично самим {46} Магометом, также завершились неудачей, ибо он упустил свою добычу, и вынужден был вернуться. Он совершенно упал духом. «Теперь посуди сам, — продолжает наш автор, обращаясь к своему оппоненту, — является ли Магомет на самом деле пророком, как ты утверждаешь? И что может быть общего у пророков с такими преступными делами, как грабежи и мародерство? Почему же он не предоставил заниматься набегами и разбоем бандитам и разбойникам с большой дороги? Скажи мне, какая тогда разница между твоим Учителем и Бабеком Хуррами, чье восстание принесло столько горя нашему господину, Повелителю правоверных, и бедствий всему простому народу?»² Я прекрасно понимаю, что ты не можешь ответить на этот вопрос. Но такая политика продолжалась на протяжении всей жизни твоего Господина, до самой его смерти. Если какой-либо из караванов оказывался недостаточно охраняем, он атаковал его, захватывал товар и убивал людей. В тех же случаях, когда караваны были под довольно сильной защитой, твой Учитель отступал и обращался в бегство. Всего было двадцать девять кампаний, в которых твой Учитель принимал участие лично, не считая небольших набегов и ночных вылазок, а также девяти решительных сражений. Остальными экспедициями руководили его соратники.

Убийства по приказу Магомета

¹ Следует заметить, что отрывки из Священного писания наш Апологет, как правило, цитирует в полном объеме, без сокращений.

² Бабек «Хуррами» («Веселый» или «Праздный») поднял знамя восстания на территории Персии в двести втором году хиджры. Развивая первоначальный успех, через десять лет он перенес свои действия уже на территорию Междуречья, а в двести четырнадцатом году хиджры — примерно когда было написано наше «Оправдание», или незадолго до этого — ему удалось полностью уничтожить армию халифа. Восстание продолжалось в течение двадцати лет, причем Бабека отличала исключительная жестокость и эксцессы. Лишь в двести двадцать втором году хиджры он был смещен с поста вождя в результате переворота и убит. Говорят, что в ходе этого восстания мятежниками было убито свыше двухсот пятидесяти тысяч воинов халифа и шесть военачальников. См. труд Вайля: »Geschichte der Chalifen«, iii. 301; а также Сейла: “Koran,” Prel. Discourse, том I, стр. 213. Ужас, в который приводило людей одно лишь упоминание имени Бабека во время написания «Оправдания», делает эту иллюстрацию очень действенной.

(стр. 47-48).

Еще более странными и вопиющими были распоряжения, отданные твоим Учителем, с целью убить некоторых неугодных ему людей. Так Ибн Раваха был послан уничтожить иудея Осейра ибн Зарима, которого он вероломно убил; а Ибн Омейр получил задание покончить с {47} Абу Афеком, тоже иудеем. Этот Абу Афек был уже дряхлым и беспомощным стариком, и Ибн Омейр предательски заколол его насмерть в его постели во время сна только за то, что тот с презрением отзывался о твоём Учителе. Так ответь же мне теперь, умоляю тебя, слышал ли ты где-нибудь или читал о подобном — о столь вопиющем злодеянии?! Существует ли какое-то откровение, одобряющее такое убийство; и что это за закон, позволяющий убивать человека просто за то, что с его уст слетели слова порицания. Совершил ли этот пожилой человек, получивший смертельный удар исподтишка, что-нибудь более или менее заслуживающее смертной кары? Если он говорил правду, следовало ли его за это убивать? И даже если он солгал, за это еще никого не предавали смерти. Если он солгал, то уж скорее его следовало бы выпороть, чтобы впредь он воздерживался ото лжи. Друг мой, ты прекрасно знаешь (да благословит тебя Господь!) как недопустимо беспокоить птичку среди ночи, отдыхающую в своем маленьком гнездышке; сколь же непозволительней убивать человека, спящего в своей постели, и только за то, что он говорил оскорбительные речи! Ужель такой проступок заслуживает смерти? Я не нахожу такому деянию оправдания: ни по закону Божьему, ни по закону разума, ни по закону природы. Нет, клянусь жизнью! все это — не что иное, как старые проделки сатаны, какими он отличался еще по отношению к Адаму и его потомкам. Они прекрасно нам известны еще со времен грехопадения! И как только могло так оказаться, что, согласно твоим словам (да ведет тебя Господь прямым путем, друг мой!), твой Учитель “был послан в качестве благословения и милосердия ко всему человечеству”?»¹

Прочие военные походы
(стр. 48, 49).

{48} Далее Аль-Кинди упоминает еще об одном или двух военных походах, предпринятых еще при жизни пророка. Абдалла ибн Джахш, посланный с небольшим разведывательным отрядом в Мекку, напал на идущий из Йемена караван, и, убив его вождя и захватив добычу, доставил ее в Медину, где Магомет, взяв причитающуюся ему пятую часть, роздал оставшиеся трофеи захватившим караван воинам. Вопрос о справедливости данного поступка в свое время не поднимался из-за того, что граждане Медины смотрели на многие деяния Магомета сквозь пальцы, но наш автор предоставляет своему другу возможность вывести свое собственное заключение.²

Изгнание Бени Кайнокаа.

¹ Про эти убийства читайте в «Жизни Магомета», стр. 249 и 362.

² «Жизнь Магомета», стр.216.

В равной степени не имеющим оправдания было и бесчеловечное обращение с обитавшим в окрестностях Медины иудейским племенем Бени Кайнокаа. Это племя безо всякой вины или какого бы то ни было объяснения, выглядящего правдоподобным, было подвергнуто осаде и вынуждено сдаться, вняв голосу благоразумия. Абдалла ибн Обей, старый их союзник, вступился за Бени Кайнокаа; благодаря его заступничеству Магомет сохранил жизни членам этого племени; но, изгнав их в Сирию, он захватил все их имущество и разделил среди своих соратников.¹ «Хотел бы я знать, — говорит Аль-Кинди, — как твой Учитель сумел примирить со своей совестью захват имущества у людей, которые ничем не обидели его, и с которыми у него не было никакого повода для вражды, за исключением разве что его желания ослабить их влияние — и еще того, что они были богаты. Такого обыкновения нет среди пророков, как, разумеется, и среди людей, которые веруют в Бога и в Последний день».

Поражение при Оходе.

«Я мог бы рассказать еще о множестве подобных случаев, но, думаю, это лишь утомит читателя. Да и того, что я сказал, вполне достаточно для примера. Однако мне надлежит напомнить тебе о том, какая жалкая участь постигла твоего {49} Господина на поле боя под Оходом. Тогда ему выбили нижние передние зубы справа, да вдобавок разорвали губу и всю щеку. Он получил рану в висок от руки Отбы. Вспомни, что случилось там с Тальхою, который потерял несколько пальцев на руке, пытаясь отразить удар меча, который Ибн Камеа обрушил на голову Пророка.² Так сравни же с этим то, что сделал наш Господь, Спаситель мира, когда один из Его учеников отрубил у Него ухо.³ Тогда Мессия вернул отрубленное ухо на место, и оно вновь стало таким же целым, как и другое. Так вот, когда подобное произошло с Тальхою, то, если бы твой Господин, ради защиты которого его товарищ потерял свои пальцы, исцелил его покалеченную руку, тогда, конечно, перед нами оказалось явное доказательство того, что он — пророк. Но где же такое знамение? Где же были все ангелы Божии, что не поспешили прийти ему на помощь? Отчего же они не спасли его от потери зубов, отчего не прикрыли от удара его щеку? Отчего допустили, что по лицу его струилась кровь? Ведь он — Пророк из пророков, Избранный из избранных, Посланник Господа! Ну, и где были Божьи ангелы, что не спасли его, как спасали они пророков древних дней?

¹ Там же, стр. 250.

² «Жизнь Магомета», стр. 270.

³ Из английского текста не совсем ясно, имеется ли в виду ухо Самого Иисуса, или Его ученика. В Новом Завете говорится, что пострадавшим был вовсе не один из учеников, но, напротив, **один из нападавших**: «Симон же Петр, имея меч, извлек его, и ударил первосвященнического раба, и отсек ему правое ухо. Имя рабу было Малх» (Евангелие от Иоанна 18:10). Также: «...И один из них ударил раба первосвященникова, и отсек ему правое ухо. Тогда Иисус сказал: оставьте, довольно. И, коснувшись уха его, исцелил его» (от Луки 22:50-51). Однако христианина формального вовсе не трогает, что Иисус исцелил Своего **врага**: эти люди, не имея понятия о том, что такое любовь, обращают внимание лишь на само «чудо». Подобное отношение к Священному Писанию для таких эгоистов очень характерно. — *Прим. перев.*

Как спасали они Илию от приспешников царя Ахава;¹ Даниила — от львов царя Дария; Ананию и его братьев, благочестивых юношей — от огненной печи Навуходоносора; как спасали они других пророков и святых людей Божиих.² И, однако же, как ты утверждаешь, Адам и все человечество были сотворены исключительно ради твоего Господина, чье имя, вдобавок ко всему, еще и написано на троне Божиим!

Теперь я обращаюсь к другому вопросу. Вот, рассмотрим теперь характер жизни твоего Учителя. Скажем сразу, жизнь его вовсе не отвечает той похвальбе, что он был якобы «ниспослан в качестве Милости и Благословения человеческой расе». Скорее напротив, главным предметом его заботы {50} и главной целью в жизни было брать себе в жены прекрасных женщин; он нападал на жившие окрест племена, убивал и грабил соседей, а их женщин угонял к себе в полон в качестве наложниц. Основным наслаждением для него, по его же собственному признанию, было сладкое благоухание, да женщины: странные доказательства его призвания пророка!³ Его любовную историю с Зейнаб, женою Зейда, я не желаю и обсуждать, поскольку уважаю свою книгу. Разве что процитирую один отрывок, который, по его же собственным [Мухаммеда] словам был ниспослан ему с небес как раз по этому поводу:

И вот ты говорил тому, кого облагодетельствовал Аллах и кого ты облагодетельствовал: “Удержи при себе свою жену и побойся Аллаха!” И ты скрывал в своей душе то, что обнаруживал Аллах и боялся людей, а между тем Аллаха следует больше бояться. Когда же Зайд удовлетворил свое желание по отношению к ней, Мы женили тебя на ней, чтобы для верующих не было стеснения с женами их приемшей, когда они удовлетворят свои желания. Дело Аллаха свершается! Нет на пророке греха в том, что установил Аллах для него, согласно обычаю Аллаха, относительно тех, которые были раньше. Дело Аллаха было решением предрешенным. (Сура xxxiii. 37, 38).⁴

¹ См. 3 Книгу Царств. Интересно, что в действительности пророкам Божиим приходилось несладко, и Илия являлся исключением из общего правила: «Он сказал: возревновал я о Господе Боге Саваофе, ибо сыны Израилевы оставили завет Твой, разрушили жертвенники Твои и пророков Твоих убили мечом; **остался я один**, но и моей души ищут, чтоб отнять ее» (3 Царств 19:14). — *Прим. перев.*

² Откуда взялась у мусульман убежденность в непременном избавлении Богом Его пророков от опасности? Если не считать «Оправдание» Аль-Кинди фальшивкой, то можно предположить, что какие-то еретические идеи восточного христианства нашли свое отражение в мусульманских верованиях. Другой вариант: наоборот, автор «Оправдания» испытывает влияние ислама. На деле, к сожалению, отличительной чертой пророка Божия зачастую становятся шрамы на теле и в душе: «Кого из пророков не гнали отцы ваши? Они убили предвозвестивших пришествие Праведника, Которого предателями и убийцами сделались ныне вы, — вы, которые приняли закон при служении Ангелов и не сохранили» (Деяния 7:52-53). — *Прим. перев.*

³ Здесь я намеренно опускаю в своем переводе противоречивый абзац (стр. 50, строки 4 и 5), который, возможно, и добавляет смысл к этому отрывку. Помимо всего прочего, он основывается на никуда не годном предании.

⁴ См. «Жизнь Магомета», стр. 302.

Этого примера должно быть вполне достаточно для тех людей, кому доступно разумение».

Неприятность с Айишю.

{51} Далее Аль-Кинди разбирает историю с ночным приключением Айиши — ее прогулку с Сафваном. Это происшествие в свое время в Медине вылилось в большой скандал, и у Магомета пробудились подозрения в отношении своей любимой жены. Однако же, когда Али обратился к нему по этому поводу, дело кончилось следующим откровением свыше: **«О, пророк Божий! Господь не стесняет тебя в этом отношении, и кроме нее существует еще много других женщин».** «Но это его не убедило, — пишет Аль-Кинди, — по причине его чрезмерной влюбленности в Айишу, которую единственную из всех прочих он взял в жены еще девочкой. Она же, будучи молодой и очаровательной, полностью завладела его сердцем, что и послужило причиной возникшей впоследствии вражды между Али и Айишю, не прекращавшейся на протяжении всей их жизни. В общем, в конце концов, он возвещает о приходе откровения, свидетельствующего в пользу невинности Айиши. Это место в Суре Нур: «Воистину, те, которые порочат замужних женщин...» и т.д.¹ Эта история примечательна сама по себе, и не требует от меня подробно на ней останавливаться».²

Жены Магомета.

Затем в тексте следует перечисление жен Магомета, с примечаниями относительно некоторых из них. Омм Сальма, по утверждению нашего автора, обладала весьма ревнивым нравом, и не очень-то стремилась разделить высокую честь, размышляя над предложением ей руки пророка. Женщина объясняла, что у нее на руках несколько детей, требующих постоянного внимания, на что Магомет выразил свою готовность позаботиться об их воспитании вместо матери. В этом плане он ее обманул, так и не сдержав своего обещания.³

{52} Относительно Зейнаб Аль-Кинди сообщает, что Магомет трижды отсылал ей ее порцию мяса, и она всякий раз швыряла ему это мясо в лицо. В итоге он поклялся ей, что не приблизится к своим женам в течение целого месяца, однако у него не хватило терпения. Пророк не дождался окончания месяца и

¹ У Крачковского: «Те, которые бросают обвинение в целомудренных...» или: «...те, которые бросают обвинения в своих жен...» (Сура xxiv, сразу в нескольких аятах).

² «Жизнь Магомета», стр. 313.

³ Соответственно, Аль-Кинди называет ее «обманутою». Ее колебания и обещание пророка бесспорно нашли свое отражение в исламском предании; но сам я не могу вспомнить ничего похожего на утверждение, что не став заниматься воспитанием ее детей и не усыновив их Магомет тем самым «обманул» эту женщину. Смотрите «Жизнь Магомета», стр. 300.

вошел к своим женам после двадцати девяти дней воздержания.¹ Сафия, иудейка, получила наставление от пророка, после того, как ее начали дразнить прочие его жены, ее «сестры», отвечать им: «**Аарон мой отец, Моисей — мой дядя, а Магомет — мой муж!**» Гордая Мулейка, происходившая из племени Кинда, в ответ на предложение пророка стать его женою, воскликнула: «**Что-о-о? Неужели Мулейка отдаст себя торговцу!**»² Остальные жены практически лишь упоминаются по имени, больше о них мало что говорится. Всего же у Магомета было пятнадцать жен и две наложницы-рабыни.

«Павел, Апостол, говорил: “Цель того, у кого есть жена — заботиться, как ему угодить ей” и т.д.³ И он говорил истину, ибо мужчина постоянно занят тем, что может понравиться его жене. Также и наш Спаситель говорил: “**Никакой человек не может служить двум господам в одно и то же время; он должен будет служить одному, пренебрегая другим**”.⁴ Теперь, если получается так, что мужчина не в состоянии служить даже одной-единственной жене и угождать ей без того, чтобы не пренебрегать своим Создателем, насколько же больше ущерба должно было быть нанесено твоим Учителем, когда он пытался угождать сразу пятнадцати женам, не считая еще двух рабынь-наложниц?! Да еще добавь к этому, что он постоянно был вовлечен во всякие набеги, налеты и военные походы. То он приготавливал {53} своих воинов к этим набегам, то рассылал соглядатаев к соседним племенам, то ночи напролет размышлял над тем, как ввести своих врагов в заблуждение: как поубивать их мужчин, женщин обратить в рабство, и завладеть их имуществом. Ну и где же, в таком случае, мог твой Учитель отыскать время, свободное от всех этих дел, чтобы вместо всех своих забот и наслаждений заняться постом и молитвою, богослужением и медитацией — чтобы подготовить себя к жизни грядущей? Я полностью уверен, что ни один пророк из прежних времен не напоминал его подобными делами».⁵

¹ Событие, послужившее причиной для клятвы Магомета, также стало поводом для еще худшего скандала. — «Жизнь Магомета», стр. 442.

² Наш автор подчеркивает превосходство происхождения из рода Кинда над корейшитским. Бени Корейш изначально считалось племенем, занимавшимся торговлей. Мы увидим, что в дальнейшем он опять к этому вопросу вернется.

³ 1 Послание Коринфянам vii. 32, 33. «...Неженатый заботится о Господнем, как угодить Господу; а женатый заботится о мирском, как угодить жене. Есть разность между замужнею и девицею: незамужняя заботится о Господнем, как угодить Господу, чтобы быть святою и телом и духом; а замужняя заботится о мирском, как угодить мужу» (7:32-34).

⁴ Евангелие от Матфея 6:24: «Никто не может служить двум господам: ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить; или одному станет усердствовать, а о другом нерадеть. Не можете служить Богу и маммоне». Арамейское слово «маммона» означает вовсе не деньги, но нечто, **доверенное** человеку — тот же корень, что и в слове «аминь»: «верно», «верный». Этот корень послужил именем халифу Аль-Мамуну, «**Доверенному**», в то время как его брат был назван «Аль-Амин», «**Верный**». — *Прим. перев.*

⁵ Вообще-то, пророки бывали разные. Мухаммед характером и наклонностями больше всего напоминает Давида: великого царя и пророка Израиля. Наверное, автор «Оправдания» ничего не знал о Давиде, который очень много внимания уделял воинскому искусству, а в плане увлечения прекрасным полом явно превосходил пророка арабов, многие из своих браков совершившего вовсе

Пророчество и очевидность миссии от Бога (стр. 53-57).

Следующая часть «Оправдания» отведена вопросу о пророчестве и о доказательствах того, что эта миссия поручена человеку Богом. Аль-Кинди разделяет дар пророчества на две категории. **Первое:** Откровение, данное в прошлом, подтверждавшееся чудесами: например, как это было с Моисеем, или при сотворении человека. **Второе:** Откровение о будущем, подтверждающееся исполнением предсказания. Исполнение могло быть либо немедленным, как в случае с Исайей, когда тот предсказал разгром армии Сеннахериба, царя Мосула. Такого же рода незамедлительное исполнение пророчества касается и болезни Иезекииля. Иного плана пророчество о Земле Обетованной: здесь исполнение его несколько откладывается, как и в случае с возвращением народа Израиля из вавилонского плена. Пророчество о пришествии Мессии, Его смерти, и рассеянии иудеев — произнесенное устами Исаяи, Иеремии и Даниила — относится к этому же роду. И подобного рода доказательства требовались от всех, кто заявлял о своей миссии пророка; и этих людей принимали или отвергали именно на основании такого подхода. Мессия же, Спаситель мира, был самым величайшим из всех остальных пророков. Все прочие пороки являлись всего лишь рабами великого Бога; но Мессия был Его Сыном возлюбленным, и Он Сам воодушевлял людей на пророчества. Он знал все, невидимое. Никакое сердце не могло оставаться закрытым от Него, никакие тайны не были властны над ним; и Он предсказал все, что должно случиться в будущем. В подтверждение Аль-Кинди приводит пророчества Иисуса о разрушении {54} Храма, о Своей собственной смерти, и о преследовании Его учеников, которые должны последовать вслед за этим.¹ Иисус поведал Своим ученикам о смерти Лазаря, а потом воскресил его обратно к жизни. Далее наш автор делает заключение, рассказывая о трехкратном отречении Петра, также предсказанном нашим Спасителем, и о том, как Петр горько сожалел о своем поступке.

Чего не хватает в случае с Магометом (стр. 57).

«Так расскажи мне, — продолжает Аль-Кинди, — какие события предсказал **твой** Учитель, что он сумел предугадать, благодаря чему ты считаешь его за пророка? Если ты собираешься убеждать меня, что это благодаря ему нам стали известны истории тех пророков, что были до него — таких, как Ноя, Авраама, Исаака, Иакова, Моисея, Мессии и других — так у меня на это есть готовый ответ. А именно, он рассказал нам то, что было ему самому заранее известно, и о чем даже наши собственные дети читают в школе.² А если ты

не из плотских побуждений. — *Прим. перев.*

¹ Евангелие от Матфея xxiv. 1, 2.

² Интересно, изучали ли эти истории арабские дети до Мухаммеда, и ходили ли они в школы вообще? В библейском понимании, «пророк» — это не предсказатель будущего, но тот, кто вообще

собираешься упомянуть о других историях, например, об Аде и Самуде, о Салихе и его Верблюде, о Слоне¹ и тому подобное, я отвечу, что все это — безыскусные выдумки, сказки старых бабушек. Мы, арабы, слышим такие рассказы и днем, и ночью, и они никак не могут служить доказательством какой-либо миссии, возложенной на человека Богом. Таким образом, свидетельства о том, что случилось в далеком прошлом, здесь не проходят. Однако, если ты хочешь убедить меня, что он предсказал то, что произойдет в будущем, тебе надлежит ввести какие-либо временные промежутки. Ведь с тех пор прошло уже больше двухсот лет, и, конечно же, хоть что-нибудь из того, что он предсказал, должно было давно уже свершиться. Но ты прекрасно знаешь, как знаем и мы все, что из уст твоего Господина никогда {55} не выходило ни единого слова пророчества! Так что и второй твой довод здесь не уместен.

Магомет отрицает чудеса (стр. 58).

Вот так обстоят наши дела. Ладно, давай посмотрим, есть ли у нас какие следы доказательств второго рода, то есть, следы чудес. Вот, Магомет сам говорил нам, и говорил вполне ясно, что ему было сказано [Всевышним]: «Ничто не удерживало Нас от того, чтобы послать тебя с чудесами, но те, что были в древние времена, сочли их ложью».² Однако, клянусь жизнью, какой же, исходя из всех правил логики, может последовать из всего этого вывод? Ты сам знаешь (да наставит тебя Господь!), и все, кто слышит мое “Оправдание”, тоже должны знать, что твой Учитель отрицает здесь силу чудес в качестве доказательства его миссии, поскольку сам он не имеет власти их показывать! Ведь не для такого объективного человека, как ты, отворачивать свое лицо от истины.

Завоевание сарацинами Персии не может служить доказательством (стр. 58, 59).

Если же ты собираешься заявить, в качестве доказательства его служения от Бога, что твой Господин и его сотоварищи, будучи весьма слабы и немногочисленны, подмяли под свой сапог мощное царство Персии, со всеми его ресурсами, войсками и военными приспособлениями, тогда мы ответим тебе словами нашего Господа, что он сказал сынам Израиля. “Не потому, что твой Господь возлюбил тебя превыше всех прочих народов, даровал Он тебе победу над

говорит напрямую от Бога. Именно об этом даре советует нам просить Всевышнего апостол Павел: «Достигайте любви; ревнуйте о *дарах* духовных, особенно же о том, чтобы пророчествовать», предупреждая перед этим: «Если имею *дар* пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что *могу* и горы переставлять, а не имею любви, — то я ничто» (1 Коринфянам 14:1, 13:2). — *Прим. перев.*

¹ Арабские мифы и легенды.

² Сура xvii. 60. У Крачковского: «Нас удержало от того, чтобы отправить со знаменами, только то, что они сочли ложью первые».

Аморреями и Ферезеями, чтобы ты мог убивать их, разграблять их земли и захватывать их города. Но по причине {56} нечестия этих народов и увеличения их мерзостей дарует Он тебе победу над ними»¹. Так Он обращался даже с Иерусалимом — Его избранным городом! — обителю Его пророков, местом свершения великих чудес и знамений, где хвала Господу и молитвы не умолкали ни днем, ни ночью. Иерусалим был тем местом, где не было недостатка в ответе на молитвы, он воистину служил обиталищем для всякого рода благословений свыше. Но когда его жители восстали против Него, и стали поклоняться иным богам, которых сами себе придумали; отвергнув Его знаменья и позабыв о тех милостях, что Он творил для них, они начали воображать, что сумели покорить эту землю благодаря своим собственным силам. И тогда Господь решил предать Иерусалим в руки самого нечестивого из представителей всего человечества: царя Навуходоносора, мерзкого идолопоклонника. Он умертвил жителей города, принадлежавших к избранному народу, и увел остаток к себе в плен [в Вавилон], вместе с их малыми детьми. Он разрушил Обитель, названную именем Самого Бога, и забрал оттуда священные сосуды, которые находились в этом храме. Сосуды эти он увез с собою в мерзостный Вавилон, чтобы использовать их там в служении идолам. Так что же, ты станешь утверждать, что этот Навуходоносор, который осадил и взял приступом Святой город, и навлек на головы его жителей все эти несчастья, являлся пророком, поскольку сотворил все это? А ведь точно так же получилось все и с великим царством Персии — в случае с твоим Господином и его последователями. Ибо все население Персии составляли магичародеи, нечестивые и мерзкие: отбросы человечества, навоз, а не люди, самый развращенный народ из всех наций. Они поклонялись солнцу и огню; брали в жены своих собственных дочерей, сестер и матерей; восставали против истины, и в суете своей превозносили себя превыше всякой меры. В своем язычестве они приписывали свойства божества тем, кого {57} Господь не делал богами; над Его дарами они надругались и развратили всю страну, а сами были убеждены, что их процветание — результат действия их собственной мудрости и силы. Вот потому-то Господь и предал их в руки тех, что разграбили их страну, поубивали их мужчин, разрушили их обители, семьи их забрали в полон, и все богатства их присвоили себе. Так что не осталось в той земле ни одной женщины-персиянки, которую не превратили бы в наложницу, и никого из их детей не осталось, кого не заковали в цепи рабства и не угнали на чужбину. Ибо таким образом Господь судит людей неправедных!»

Отрицание чудес в Коране (стр. 60).

¹ Парафразировано из Второзакония ix. 4, 5: «Когда будет изгонять их Господь, Бог твой, от лица твоего, не говори в сердце твоем, что за праведность мою привел меня Господь овладеть сею землею, и что за нечестие народов сих Господь изгоняет их от лица твоего; не за праведность твою и не за правоту сердца твоего идешь ты наследовать землю их, но за нечестие народов сих Господь, Бог твой, изгоняет их от лица твоего, и дабы исполнить слово, которым клялся Господь отцам твоим Аврааму, Исааку и Иакову». [То есть, народы, населявшие Землю обетованную до Израиля, были наказаны за свои грехи; а израильтяне получили туда доступ не по своим собственным заслугам. Победа для завоевателей является скрытым испытанием. — Прим. перев.]

Возвращаясь к объяснению Магомета, что тот не был наделен свыше даром творить чудеса, чтобы народ, как в стародавние времена, не посчитал чудотворство надувательством, наш автор повторяет: «Клянусь жизнью! Какую странную причину для любого человека, обладающего разумом, он предлагает! Ну, допустим, что иудеи в те давние дни посчитали за обман чудеса, творимые их пророками, и отвергли их — так что из этого? Ведь что касается арабских племен, они-то никогда не называли чудес обманом, поскольку из среды арабов никогда не выходило ни одного пророка. И апостолов не было в Аравии: ни чудотворцев, ни каких других. Весьма сомнительно, что, если бы твой Господин показал бы им что-нибудь, похожее на чудо, они бы отнеслись к этому с таким же недоверием и посчитали все дело за мошенничество. Разве мы не видим сами, как множество этих же самых арабов согласились принять его служение, хотя не видели от него никаких чудес, и слыхом не слыхали ни о каком волшебстве с его стороны? Но ты-то отлично знаешь (да сохранил тебя Господь!), что этот довод не выдерживает никакой критики.

Сказочные истории привнесены преданием (стр. 60-64).

Однако если мы теперь отложим в сторону Коран {58} и обратимся к преданиям, с их легендами и сказочными историями, то найдем среди них немало настоящих сказок для излишне доверчивых людей. Например, рассказ о волке, который остановился перед Магометом, завывая. А тот обернулся к своим сотоварищам, объясняя им, что этот волк является посланником к нему от лесных зверей: «Таким образом, если вы пожелаете, — заключил Пророк, — мы можем связать их какими-нибудь обязательствами, которые они не должны будут преступать; ну, а если вы хотите иначе, давайте, отпустим его на свободу». Его спутники отвечали, что они не думают навязывать зверю какие-либо условия. Тогда Магомет подал зверю знак тремя своими пальцами, после чего волк повернулся и побежал прочь. Как поразительно! — с явной иронией продолжает Аль-Кинди, — что Магомет оказался наделен даром понимать бессвязное ворчание волка! Предположим, он бы заявил: «**Этот волк — посланник от Всевышнего ко мне**», решился бы кто ему возражать? Подобного рода сказки, брат мой, предназначаются лишь для людей неграмотных, для полнейших невежд, которые не имеют ни малейшего понятия ни о разуме, ни о законах доказательности».

Еще одна история о волке, который заговорил с одним из товарищей Пророка, встречает у Аль-Кинди такой же скепсис. Странно, добавляет он, что в обоих этих удивительных случаях чудеса находятся в прямой взаимосвязи с животным, которое в Священном Писании упоминается в качестве «хищника». Подобные метафоры не предназначены для людей, обладающих интеллектом, и наш автор не считает необходимым долго на них задерживаться. С такую же язвительной усмешкою он встречает и известную легенду о быке, который заговорил. То же самое и о козе, чье опустевшее вымя наполнилось молоком, набухнув от одного прикосновения Магомета; и о дереве, которое откликнулось на зов Пророка, вспахав по дороге землю своими корнями. Подобного рода предания

отвергаются даже самими магометанами — теми, кто достаточно развит. Больше внимания у Аль-Кинди отводится истории о чуде с «зажаренным плечом барашка», {59} которое, будучи посланным к Пророку Зейнаб, его женой-иудейкой, само сказало ему, что оно отравлено. От этого куска ел Бишр, отчего и умер.

«Либо Магомет лишь один слышал, как жареное плечо заговорило — но тогда, почему же он скрыл все это дело и не предупредил Бишра (одного из избранных гостей), чтоб тот от него не ел? Либо все, находившиеся в гостях, слышали это, но тогда и сам Бишр должен был воздержаться от риска. От этого вопроса никуда не денешься. Или, предположим, что Бишр съел отравленное мясо, находясь в полной безопасности в компании пророка, которого Господь постоянно слышит и которому всегда готов прийти на помощь. Всевышний всегда отвечает Магомету на молитвы: отчего же, скажи на милость, твой Господин не помолился своему Господу, как поступали пророки древних дней, которые заступались за людей, и мертвые по их молитве воскресали к жизни? Например, хотя бы как Илия воскресил умершего сына вдовы, или как его ученик Елисей вернул жизнь сыну сонамитянки?¹ После смерти Елисея, его добродетель оставалась даже в мощах этого пророка Божия: так что покойник, положенный на его могилу, вдруг ожил и поднялся на ноги. Ты знаешь, что это — истина, ибо эта история изложена в Священном Писании, и ты, может быть, читал Книгу Царств. Здесь в тексте нет различия между иудеями и христианами, поскольку, хотя наши религии и различаются, мы соглашаемся с ними относительно этих истин. Итак, почему же, когда Бишр поел отравленного мяса, яд в нем не утратил своего действия? Ведь тогда это воистину оказалось бы знамением — свидетельством пророческой избранности твоего Господина! Все пророки и святые люди прежних дней были надежно укрыты Господом от всяких невзгод и случайных нападков неверующих — в соответствии с обещанием нашего Господа Его ученикам, находящемся в Святом Евангелии. Оно исполнилось для них в Его словах: «Если вы будете пить смертельный {60} яд, он не повредит вам»; то есть, если вы предупредите народ, что люди должны слушаться Евангелия, тогда это предсказание сбудется. Поскольку они так и сделали, то их послание оказалось подтвержденным этими чудесами. И вот, таким образом, великие люди и всевластные цари, все философы и ученые мужи древности, все умудренные опытом судьи и все прославленные мудрецы земли стали их слушать. Они послушались их без малейшего понуждения жезлом, без угрозы мечом или пикою, и не за достоинства их происхождения или близости к Пророку. Не было у этих мужей, несших Евангелие, ни мудрости мира сего, ни особого красноречия, они не обладали ни силою убеждения, ни

¹ Про Илию: 3-я Книга Царств 17:8-24. Про Елисея: 4-я Книга Царств 4:8-37. Обратите внимание на предупреждение Христа против неверующих, кто, подобно Аль-Кинди, требует знамений: «И сказал: истинно говорю вам: никакой пророк не принимается в своем отечестве. Поистине говорю вам: много вдов было в Израиле во дни Илии, когда заключено было небо три года и шесть месяцев, так что сделался большой голод по всей земле, и ни к одной из них не был послан Илия, а только ко вдове в Сарепту Сидонскую; много также было прокаженных в Израиле при пророке Елисее, и ни один из них не очистился, кроме Неемана Сириянина» (Евангелие от Луки 4:24-27). Именно после этих слов, разрушающих их надежду на спасение, иудеи в первый раз попытались убить Иисуса. «Если Моисея и пророков не слушают, то если бы кто и из мертвых воскрес, не поверят» (от Луки 16:31). — *Прим. перев.*

тонкостями рассуждения, и не соблазняли народ ни мирскими похотями, ни послаблениями в моральных установлениях. Но единственным оружием их был голос истины, подкрепленный чудесами, которые человеку не под силу осуществить.¹ А в результате к ним пришли и цари, и все великие люди земли; все философы оставили свои собственные системы мировоззрения, и со всею своею мудростью и знанием решили перенять образ жизни святых, отложив радости этого мира и оставив все свои привычки. Они решили последовать группе бедных людей: рыбаков и сборщиков налогов,² у которых не было ни имени, ни высокого положения. Эти люди не делали никаких важных заявлений, кроме того, что они обязуются повиноваться заповеди Мессии — Того, Кто даровал им власть творить всякие чудеса. И вот это-то, если тебе будет угодно (да благословит тебя Господь, мой друже!), и есть подлинные доказательства служения от Бога, а не такие глупые вещи, что рассказывал твой Господин, в которых нет и доли истины. Что же до чуда с пустым кувшином, в который, как нам говорят, он опустил свою руку, и из него потекла вода, напоившая и их самих и их {61} скот: этот рассказ исходит от Мухаммеда ибн Исхака [и] Зохри,³ а такого авторитета явно недостаточно. Ведь даже сами рассказчики преданий не могут согласиться между собою, правда это, или нет. Таким образом, никаких исторических доказательств чудесам Магомета нет, и его претензия на роль пророка ничем не подтверждается. Вместо совершения подлинных чудес, заявление твоего Господина о том, что он — пророк, подкреплялось лишь простою силою меча. И кто бы ни усомнился в том, что он — пророк, посланный Богом, заплатил за свои колебания жизнью, или же выкупал свою безопасность за деньги, соглашаясь платить дань, в качестве цены за свое неверие.

Магомет предупреждал свой народ
не верить лживым сказкам (стр. 64).

¹ Какой прямой контраст во всем этом с распространением ислама, навязываемым народам силою меча, при содействии «помощников» из Медины и т.д. [В отношении «чудес» людям следует быть крайне осторожными. Антихрист, которого многие выдают за Христа, имеет лишь внешний вид Спасителя, но все его лжепророки говорят, как дьявол. Библия предупреждает нас об этом: «И увидел я другого зверя, выходящего из земли; он имел два рога, подобные агнчим, и говорил как дракон. Он действует перед ним со всею властью первого зверя и заставляет всю землю и живущих на ней поклоняться первому зверю, у которого смертельная рана исцелела; и творит великие знамения, так что и огонь низводит с неба на землю перед людьми. И чудесами, которые дано было ему творить перед зверем, он обольщает живущих на земле, говоря живущим на земле, чтобы они сделали образ зверя, который имеет рану от меча и жив. И дано ему было вложить дух в образ зверя, чтобы образ зверя и говорил и действовал так, чтобы убиваем был всякий, кто не будет поклоняться образу зверя» (Откровение 13:11-15). — *Прим. перев.*]

² Мытарей в Израиле никак нельзя было назвать людьми «бедными». Грешными и презренными — да, но никак не бедными, поскольку все они были откупщиками. Для того, чтобы получить право на сбор пошлин, римские законы требовали от желающего заниматься этим уплатить большую сумму денег вперед. — *Прим. перев.*

³ В арабском тексте выглядит так, как будто «Зохри» является титулом Ибн Исхака. Вероятно, это типографская опечатка, поскольку Зохри процветал при дворе лет на пятьдесят ранее. См. «Жизнь Магомета», стр. 603. Относительно упоминаемого здесь инцидента, см. там же, стр. 369.

Наконец, может ли отыскать более существенное доказательство, если ты намерен судить без лицеприятия (да благословит тебя в этом Господь!), чем то, что сам же твой Учитель раз и навсегда отмел почву для любых подобных сказок и измышлений. Ведь он открыто и ясно сказал: “Никогда не бывало такого пророка, чтобы люди не выдумывали лжи на него; и я — не исключение, чтобы мой народ не начал слагать обо мне небылиц. А потому, когда бы вы ни услышали что-либо обо мне, обращайтесь к той Книге, которую я вам оставил. Если ней все согласуется с тем, что вы обо мне услышите, и в ней упоминается именно то, что обо мне говорят — тогда истинно, что я говорил такое. Однако же, если в Книге об этом ничего не сказано, тогда я свободен от этих рассказней, и то, что обо мне говорят — ложь. В таком случае, я этого не говорил и не делал”.¹ Так рассуди же, мой {62} друг, рассуди сам, совпадают ли все эти истории, что ходят в народе, со всем тем, что записано в Коране. Если о них хоть что-нибудь в нем упоминается, если можно будет в его тексте отыскать хоть какие-то следы этих рассказов, тогда, что ж: клянусь жизнью! я сразу же признаю, что все это — правда, и твой Господин и в самом деле совершил все эти чудеса. В противном же случае, он не имеет никакого отношения ко всем рассказням, и они представляют собою не что иное, как безосновательную ложь. Все это — выдумка, за которую сам он не несет никакой ответственности.

Предание о том, что Магомет воскреснет через три дня по смерти (стр. 64).

Из такого же рода, хотя и значительно хуже, и то предание, что рассказывает о погребении твоего Господина. Он якобы пожелал, как говорится нам в истории, чтобы его не хоронили в течение трех дней. Дескать, он ожидал, что Господь вознесет его на небо, точно таким же образом, как Он вознес нашего Спасителя Христа. То есть, он был облечен слишком большим почетом, чтобы просто оставаться после смерти на земле. И потому, вроде бы, после его смерти тело оставалось непогребенным до четвертого дня. И лишь когда разложение зашло слишком далеко, его похоронили.²

¹ Какое мудрое решение; однако, учтем, что Мухаммед не успел оставить нам при жизни канонического текста Корана. Еще лучший совет дает апостол Иоанн: «Духа Божия (и духа заблуждения) узнавайте так: всякий дух, который исповедует Иисуса Христа, пришедшего во плоти, есть от Бога; а всякий дух, который не исповедует Иисуса Христа, пришедшего во плоти, не есть от Бога, но это дух антихриста, о котором вы слышали, что он придет и теперь есть уже в мире» (1 Иоанна 4:2-3). Мистики-церковники, не знающие Бога, извратили смысл этого прекрасного совета неверным толкованием слова «исповедовать». В греческом языке это слово означает «говорить то же самое, повторять», а «признавать» — более узкое значение. То есть, настоящий дух от Бога должен не просто признавать, что Христос «пришел во плоти» — ибо в этом для сатаны нет проблемы (как бы его служители ни уверяли нас в обратном), но **повторять то же самое**, чему учил Христос, пришедший во плоти. Любое учение, противоречащее учению Христа, записанному на страницах Евангелия, не может быть от Бога. — *Прим. перев.*

² Далее здесь следуют не имеющие непосредственного отношения к теме наблюдения о том, какое участие в похоронах Магомета принимали Али и Аббас. Эта часть работы Аль-Кинди, похоже, была в некоторой степени повреждена, и целостность изложения нарушена. Ведь целью написания

Отступничество арабов (стр. 65).

Ведь после его смерти не было ни одного из последователей твоего Учителя, кто бы не оказался отступником, за исключением небольшой кучки его соратников и близкой родни. Да и те руководствовались лишь непомерными амбициями, да стремлением захватить власть. В этот момент Абу Бекр, проявив недюжинную энергию, хитрость и смекалку, устроил так, что власть сама попала к нему в руки. Али это несказанно рассердило, и весь народ склонялся к его поддержке, {63} нисколько не сомневаясь в том, что именно ему надлежит наследовать пост халифа. Увы, бразды правления были вырваны из его благородных рук, по причине любви арабов к миру сему и их жажде власти.¹ Вот так Абу Бекру удалось утвердиться на вершине правления, пока племена, впавшие в отступничество, не были возвращены обратно в лоно ислама. Некоторые поддались на уговоры, некоторым польстило уважительное обращение с ними мусульман. На кого воздействовали убеждением, на кого — хитростью, а на кого — страхом, загоняя в новую веру мечом. Некоторые из арабов попались на приманку власти, земных богатств, похоти и удовольствий, плотских наслаждений. Вот так и получилось в итоге, что все они были обращены в веру чисто внешне, а не по своим внутренним убеждениям».

Речь Аль-Мамуна, в которой он говорит, что мусульманам следует стыдить отступников за их податливость к мирским похотям (стр. 66).

Чтобы подтвердить выдвинутый им тезис, наш Апологет цитирует речь, которую халиф Аль-Мамун произнес на собрании своих придворных. В своей речи Аль-Мамун сравнивает притворное обращение в ислам магов, иудеев и христиан, объявлявших себя мусульманами в его время, с таким же лицемерием иудеев и притворщиков во времена пророка Магомета. Халиф оправдывает примером Пророка свою терпимость к отступникам, и напоминает о том, как мусульмане усовещивали отступников, указывая на их уязвимость перед мирскими похотями и побуждениями: дескать, не следует ли и мне поступать, как Магомету?²

Магомет, в отличие от Моисея или Иисуса Навина, не явил никаких чудес, чтобы оправдать свое обращение к мечу (стр. 68-70).

этого отрывка, очевидно, было показать, насколько далеки могут быть предания от настоящей жизни Пророка.

¹ Все эти утверждения, хотя и находятся в очевидном противоречии с историческими свидетельствами, вполне отвечают проалидским настроениям, существовавшим при дворе Аль-Мамуна. Сторонники партии Алидов при этом халифе пользовались очень сильным влиянием.

² Этот момент приводится без сокращений в предваряющем мою книгу эссе. Смотрите выше, стр. 29 печатного оригинала.

Автор «Оправдания» поясняет, что если бы Моисей или Иисус Навин сами напали на жителей Ханаана и умертвили бы их, а семьи угнали в плен и землю бы разграбили, тогда подобного рода действия Магомета нельзя было бы вменить ему в вину. Но хананеи были перебиты, {64} возражает Аль-Кинди, в результате наказания свыше, и действия израильтян были оправданы предшествующими им чудесами и знаменами, о которых он напоминает своему другу. Причем, говорит он, и иудеи, и христиане, несмотря на взаимную вражду, соглашались в оценке этих событий. «Покажи мне, — продолжает он, — хотя бы намек, хотя бы какое-нибудь свидетельство какого-нибудь чуда, совершенного твоим Господином для доказательства его миссии от Бога. Докажи, что все его убийства и разбои совершались, подобно деяниям пророков древних лет, по повелению Божию. Я знаю, что ты не в состоянии этого сделать. И потому тебе надлежит воздерживаться (да откроет тебе глаза Господь!) от того, чтобы обвинять или вредить тем, кто отрицает, что твой Учитель был послан насаждать свою религию огнем и мечом, как апостол Божий. Не трогай тех, кто почитает его за искателя приключений, искавшего своей собственной выгоды, и опиравшегося на свою родню, на свой клан и на своих сограждан. Если кто-либо отвергает притязания, подобные [заявлениям твоего Господина], не будет справедливым обвинять таких людей за это. Наоборот, если подходить к вопросу без лицепрития, подобных упрямцев следовало бы похвалить и выделить за их желание постичь истину. А способствование укоренению заблуждений и выдумок никак не отвечает требованиям разума или справедливости. Такого рода методы — оружие иудеев и язычников, которые привыкли действовать ложью, как и отец их — Дьявол, о чем и Иисус Христос, наш Спаситель, говорил в Своем Святом Евангелии.

Аль-Кинди призывает своего друга
подумать над заявлениями Иисуса Христа,
подкрепленными Его чудесами (стр. 70, 71).

Теперь поговорим о твоём предложении, чтобы я принял ислам. Предположим, что я безо всяких возражений соглашусь на твоё приглашение и ничем не засвидетельствую своё обращение: считаешь ли ты такое поведение соответствующим правильному курсу? Убежден, что нет. И рассуди сам, друг мой, как бы я мог пойти на такое, когда мой Господь, Мессия, говорит мне в Своем {65} Святом Евангелии, что **«все пророки пророчествовали до времени Моего прихода, то есть, до времени Моего появления. С этого момента прекращается появление пророков; и всякий, кто приходит после Меня, заявляя, что он — пророк — все равно, что волк или разбойник: такого не принимайте»**.¹ Так ответь же мне,

¹ Возможно, это место имеет отношение к Евангелию от Иоанна х., или Деяниям хх. 29. [В 10 главе Евангелия от Иоанна речь идет о тех, кто пришел до Христа: «Все, сколько их ни приходило предо Мною, суть воры и разбойники; но овцы не послушали их. Я есмь дверь: кто войдет Мною, тот спасется, и войдет, и выйдет, и пажить найдет. Вор приходит только для того, чтобы украсть, убить и погубить. Я пришел для того, чтобы имели жизнь и имели с избытком» (от Иоанна 10:8-10). Скорее, Аль-Кинди ссылается на слова Иисуса о том, что будет после Его смерти. См. Евангелие от Матфея 24:24 или от Марка 13:22: «Ибо восстанут лжехристы и лжепророки и дадут знамения и чудеса, чтобы прельстить, если возможно, и избранных». Еще один вариант: автор «Оправдания» чисто по-магометански интерпретирует слова Христа об Иоанне-Крестителе, как конец вереницы

мой добрый друг, коль скоро я отвратился бы от предсмертной заповеди моего Господа, Спасителя мира, и позволил бы себе быть искушенным великолепием и суетою мира сего, плотскими похотями этой жизни, и принял бы твое предложение безо всяких доказательств — неужели такой человек, как ты, наделенный в полной мере и праведностью, и разумом, одобрил бы грех столь отвратительный? Я так не думаю. И невозможно для такого человека, как я, отойти в сторону от своих убеждений. О нет, мой друг! Скорей уж это я начну взывать к твоему разуму, и стану упрашивать тебя, отложив в сторону все мысли о твоём происхождении и родстве,¹ прислушаться к моим доводам, к словам твоего доброго советника и искреннего друга. Подумай-ка, вспомни о том, что написано в Святом Евангелии! Как наш Господь, Мессия, говорил Своим ученикам: «Воистину многие пророки и цари желали видеть то, что вы видите, и не увидели, и услышать то, что вы слышите, и не услышали».² — Так как же можешь ты, читая такие слова, по-прежнему любить жизнь мира сего, которая столь быстро проходит мимо и исчезает?!» Эта часть «Оправдания» о роли чудес заканчивается здесь полным красноречия отрывком, призванным свидетельствовать в пользу христианства. Автор призывает признать превосходство его религии в том пути, которым она распространялась: не силою, не благодаря чьим-то амбициям, не по каким-то низменным желаниям или плотским причинам, но просто путем выбора и убеждения, основанном на неопровержимых и несравнимых ни с чем чудесах Христа и Его учеников.³

Три «диспенсации»:
от Бога, от природы, и от сатаны
(стр. 72-75).

{66} Переходя к другому аргументу, Аль-Кинди считает аксиомою, не

«особых» пророков, и как прекращение откровения Божия вообще: «Ибо говорю вам: из рожденных женами нет ни одного пророка больше Иоанна Крестителя; но меньший в Царствии Божием больше его» (от Луки 7:28). В его патерналистском мировосприятии, Иисус Христос — всего лишь точная копия исламского Мухаммеда. Важное свидетельство в пользу того, что автор книги был по своей ментальности мусульманином, пускай и окрашенным в цвета христианства: несмотря на всю его символику, он воспринимает Бога чисто по-восточному. И еще одно важное заключение: здесь мы видим, как близко смыкается восточное христианство с исламом, и откуда берутся корни религии Мухаммеда. — *Прим. перев.*]

¹ Автор имеет в виду, что его противник принадлежит к традиционно исламскому роду. — *Прим. перев.*

² Очень точная цитата из Евангелия от Матфея 13:17 или от Луки 10:24: «Ибо сказываю вам, что многие пророки и цари желали видеть, что вы видите, и не видели, и слышать, что вы слышите, и не слышали». — *Прим. перев.*

³ С момента обращения римского императора Константина его новая религия постепенно становится государственной и распространяется «сверху»: к сожалению, как раз по тем причинам, которые отрицает Аль-Кинди. Согласно легенде, сам Константин перешел в христианство в благодарность за видение во время сражения. Он увидел на небе знак «Х» и услышал слова: «Сим победишь». (См. примечание на стр. 33). — *Прим. перев.*

требующей доказательств, что в мире существуют три «диспенсации», к одной из которых неизбежно должна принадлежать религия Магомета.¹ **Первая:** от Бога; **вторая:** от природы; и **третья:** диспенсация сатаны.

Первая «диспенсация», Божия, названа так потому, поскольку сформирована «по шаблону» Самого Бога. Она выходит за пределы [человеческого] разума, и превосходит любой другой порядок вещей, перенимаемый человеком от природы. То же самое относится и к Евангелию: это — «диспенсация благодати», принесенная и утвержденная Иисусом Христом.² Коран называет ее «светом ведения и направлением для благочестивых».³ Эта диспенсация основывается на благосклонности, милости и прощении, с учетом того, что наш Спаситель нам заповедал: одолевать зло добром, по примеру нашего Отца небесного.⁴ **Вторая «диспенсация»** является законом разума или природы, который находит себе отражение в тексте Закона Моисея: «око за око» и так далее. То есть, это закон равного воздаяния: плати добром за доброе, но воздавай злом за причиненное тебе зло. Таким образом, он полностью отличается от Евангелия, которое во всем следует примеру Бога, Его милостивому обращению со Своими творениями. **Третья же «диспенсация»** — это царство «Лукавого» [т.е. сатаны],

¹ «Диспенсация» («промысел», «произволение») — богословский термин, подразумевающий, что на различных этапах истории Бог проявляет Себя человеку по-разному. Его корень — латинское слово, обозначающее распределение. Цель теории о различных «диспенсациях»: навязать людям представление, что Бог ограничивает «распределение» Своей благодати строго определенными рамками, которые преступить не может. Например, для периода времени от Моисея до Иисуса действует некая «диспенсация закона» — то есть, «ветхозаветный» Бог управляет миром посредством «диспенсации Моисея». После прихода Иисуса отношение Бога к человеку якобы кардинально меняется, и наступает «диспенсация благодати» и т.п. Здесь виден налет гностицизма, которому было присуще четкое различие между «злым Богом» Ветхого Завета и «Богом благодати» Нового Завета. Тем самым богословами, не понимающими подлинного характера Бога, делается попытка умалить роль Христа, предупреждающего: «Не думайте, что Я пришел нарушить закон или пророков: не нарушить пришел Я, но исполнить. Ибо истинно говорю вам: доколе не прейдет небо и земля, ни одна иота или ни одна черта не прейдет из закона, пока не исполнится все. Итак, кто нарушит одну из заповедей сих малейших и научит так людей, тот малейшим наречется в Царстве Небесном; а кто сотворит и научит, тот великим наречется в Царстве Небесном. Ибо, говорю вам, если праведность ваша не превзойдет праведности книжников и фарисеев, то вы не войдете в Царство Небесное» (Евангелие от Матфея 5:17-20). Мьюир словом «диспенсация» передает некий устоявшийся порядок вещей, присущий, согласно мистицизму Аль-Кинди, не просто Богу, но «Богу христиан» — религии гностиков; «Богу иудеев» — иудейскому сообществу; и «сатане». — *Прим. перев.*

² Матфея v. 44.

³ Сура v. 53. У Крачковского: «И отправили Мы по следам их Ису, сына Марйам, с подтверждением истинности того, что ниспослано до него в Торе, и даровали Мы ему Евангелие, в котором — руководство и свет, и с подтверждением истинности того, что ниспослано до него в Торе, и руководством и увещанием для богобоязненных» (Сура 5:50).

⁴ См. Римлянам 12:21: «Не будь побежден злом, но побеждай зло добром». Также и Евангелие от Матфея 5:44-45, 48: «А Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас, да будете сынами Отца вашего Небесного, ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных... Итак будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный». — *Прим. перев.*

тирания, беспредельная власть несправедливости. Будучи обеспокоенным, что вступает здесь на довольно зыбкую почву, Аль-Кинди энергично возражает на неудовольствие своего товарища: да, они находятся в пылу серьезного спора, и он не может себе позволить обойтись без того духовного оружия, благодаря которому он надеется достичь победы. И не будет справедливым обвинять его за это, потому что прежде он сам терпеливо сносил в равной степени сильное ожесточение со стороны своего товарища.

Начиная с молитвы о том, чтобы Бог наставил своего {67} товарища, он спрашивает его: к какой из трех вышеназванных «диспенсаций» следует относить вероисповедание его Господина? «Если ты заявишь, “К Божией”, я отвечу тебе на это, что наш Господь Христос, еще за шесть сотен лет до твоего Учителя, уже явил нам эту диспенсацию. И с самого дня Его вознесения на небеса — по сей день! — Его последователи соблюдают данные Им заповеди, и будут блюсти их до скончания века. Более того, я серьезно сомневаюсь, что твои сотоварищи могут смыслить хоть что бы то ни было в этом законе благодати и милости, поскольку и во времена твоего Господина слышали они о нем немного. Если же ты скажешь, “К природному порядку вещей”, к закону разума и справедливости, который был задолго до того открыт Моисеем, и содержится в Торе — тогда, ясно как Божий день, нам следует считать ложью и пиратством присвоение себе кем бы то ни было [помимо Моисея] авторства этого закона. В таком случае, у нас остается лишь третья диспенсация: закон сатаны, злодеяние и насилие.

Так рассмотри же все (да наставит тебя в этом Господь!) взглядом, который не уклоняется от истины, и пойми, кому принадлежит управление вещами в этой диспенсации, откуда ты ищешь себе поддержки, и чьи принципы ты практикуешь. Если это не сатанинская диспенсация, тогда скажи мне, с каким же новым порядком вещей пришел твой Господин, и какой закон, если не этот, он нам открыл, чтобы я мог посчитать его достойным моего принятия. Ибо я бы не отказался от истины, от кого бы она ни исходила.¹ Возможно, ты ответишь, что твой Учитель соединил две предыдущие диспенсации воедино, то есть, закон Мессии с законом Моисея. Получается, надо следовать закону “жизнь за жизнь, зуб за зуб, нос за нос” и так далее, а вслед за этим идут заповеди нашего Господа: “но если вы прощаете, это ближе к {68} Милости”.² Но ты прекрасно знаешь, что

¹ Аль-Кинди пытается расставить для своего противника чисто философскую ловушку, нарушая основные законы логики, на которую он любит ссылаться. Скорее всего, он вообще не знаком с логикой, если предлагает выбрать «из трех», отрицая один из четырех законов мышления, *tertium non datur*, «третьего не дано». Это больше подходит для базарного спора, где сила голоса важнее обдуманых аргументов. Нисколько не удивительно, что подобное «христианство» вымерло вместе с Аль-Кинди, но странно, что британец Мьюир («джентльмен»?) не считает подобное поведение недостойным. Аль-Кинди мог бы предложить своему сопернику выбрать, с кем тот: «с Богом», или «с сатаной», и объяснить, как он сам понимает «Бога» и «сатану». Вместо этого он противопоставляет Моисея Христу (как же тогда Богу судить мир, и какой смысл в Христе без Моисея?!), и тут же примешивает некую «третью диспенсацию», как будто речь идет о трех продавцах гнилых фруктов на восточном базаре. — *Прим. перев.*

² Сура v. 53. Сура ii. 238; v. 9. Возможно, связано с Посланием Иакова 2:13: «Ибо суд без милости не оказавшему милости; милость превозносится над судом». Вот что говорит Христос в Нагорной проповеди: «Вы слышали, что сказано: око за око и зуб за зуб. А Я говорю вам: не противься злему. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую» (от Матфея 5:38-39). Аль-Кинди

эти два закона противоречат один другому, они не могут сосуществовать вместе: это все равно, что говорить, что один и тот же человек одновременно и сидит, и стоит. Или, что он слепой, но видит, здоровый, но больной, в одно и то же время. Так что я не думаю, что ты сочтешь мой довод совсем уж несостоятельным. Кроме того, подобное соединение двух диспенсаций должно было бы происходить на основании двух разных источников: Евангелия и Торы. Ну, предположим, ты скажешь: “Я признаю обе эти диспенсации”. Я не думаю, чтобы ученые мужи, приверженцы какой-либо из них, согласились бы тебя признать; ибо они унаследовали свои собственные верования, и держат в своих руках свои верования неповрежденными. Они ответили бы тебе, что ты просто ворующий их учения. Э-э-э, нет, покажи-ка нам лучше что-нибудь свое, что ты сотворил своими собственными руками, а не позаимствовал у нас — что-нибудь новое! Вот тогда мы готовы будем признать, что ты, действительно, прав и справедлив. Эх, разве не из-за того у тебя проблемы, что ты укрываешься в третьей диспенсации, и ищешь помощи именно оттуда — сколько бы ты этого ни отрицал?! Ибо я не знаю, не ведаю, чтобы ты когда-нибудь соглашался, что твой Господин называл себя простым последователем Моисея или Мессии — наоборот, я вижу, что ты отводишь ему столь высокое положение, что если бы не он, то ни Адам, ни весь этот мир не был бы сотворен. А то, что твой Господин был не в состоянии творить чудеса (как и он сам признавал, что не было у него на то силы), что же это, как не доказательство, что в мире не существует никакой четвертой диспенсации? Но тогда, если существует всего три порядка вещей, и с первыми двумя пришли Моисей и Мессия, что же остается для твоего Учителя в качестве третьей диспенсации? Уж и не знаю, какой из вариантов ответа мне выбрать. Умоляю тебя, друг мой, будь честен с самим собою, и не уклоняйся {69} от моего вопроса, ибо это было бы противу правил нашего спора. Не можем же мы согласиться с тем, что религия — один из тех вопросов, от которых мужам, наделенных разумом и пониманием, возможно уклоняться. Напротив, нам должно все испытывать и обсуждать, и не пренебрегать проверять все вещи посредством правильных принципов. Да наставит тебя Господь в Своей благодати на истину, да укрепит тебя, чтобы ты оставил ложь!

КОРАН, как свидетельство миссии Магомета (стр. 75-90).

Теперь мы подошли к тому, что ты считаешь за настоящую твердыню в твоих руках: к Книге, которую ты держишь. Твой довод состоит в том, что сам факт повествования в твоей Книге о пророках и Мессии должен неизбежно подтверждать дарование ее в качестве откровения от Бога. Ведь твой Господин был неграмотным, и не мог узнать обо всем этом никаким другим путем, кроме прямого откровения свыше. Опять же, как ты утверждаешь, “ни человек, ни джинн

же «бьет» в ответ, да еще и оправдывается: «ты меня первого обидел!» В повседневной жизни принципом «зуб за зуб» такие люди не ограничиваются, им за «зуб» подавай всю «голову». Когда же их хватают с поличным, они критикуют Закон Моисеев и сразу же вспоминают о «гуманности».
— *Прим. перев.*

не могли сотворить такого”¹. И потом: “А если вы в сомнении относительно того, что Мы ниспослали Нашему рабу, то принесите суру, подобную этому, и призовите ваших свидетелей, помимо Аллаха, если вы правдивы”². А вот еще: “Если бы Мы низвели этот Коран на гору, ты бы увидел ее смиренно расколовшейся от страха пред Аллахом”. Ну, и тому подобные излияния. И это, в твоих глазах, служит основным доказательством заявлений твоего Учителя, которое ты смеешь приравнять к чудесам, подобно переходу через Чермное море, остановке солнца на небе, к воскрешению мертвых, и прочим чудесным деяниям пророков старых дней и Мессии. О, клянусь жизнью! подобного рода довод сумел сбить с толку многих людей. Но это — всего лишь хилая увертка, никчемная пустышка! Ибо ответ на нее близко, {70} он здесь, у нас под рукою, и я покажу тебе его. Он недалек от нас, так что ты сможешь видеть его своими глазами. Да, горьким тебе покажется разоблачение, но оно все равно наступит в конце!»

Далее Аль-Кинди переходит к обсуждению происхождения Корана, которое длится немало времени.³ Вкратце, он утверждает следующее. «Сергий, монах-несторианец, был изгнан из монастыря и отлучен от церкви за какое-то прегрешение. Чтобы заслужить себе прощение, он отправился миссионером в Аравию, и достиг Мекки, где обнаружил живших там иудеев и идолопоклонников. Там он повстречался с Магометом, с которым вступил в доверительную беседу. Убедив араба последовать его вере, Сергий обратил его в несторианство. Таким образом, Магомет, будучи наставлен в учении Нестория, оставил язычество и стал учеником этого [христианина-еретика]. И вот это событие, помимо пробуждения у Магомета ненависти к иудеям, повлекло за собою благожелательное упоминание о христианах в Коране, а именно, “[что более всех людей сильны ненавистью к уверовавшим иудеи и многобожники, и ты, конечно, найдешь,] что самые близкие по любви к уверовавшим те, которые говорили: ‘Мы — христиане!’ Это — потому, что среди них есть иереи и монахи и что они не превозносятся”».⁴ Дело шло до того хорошо, что Магомет совсем было уже вступил в христианскую веру, но в это время Сергий умер. После чего два ученых иудея, Абдалла и Кааб, воспользовались представившейся им возможностью и быстро снискали расположение твоего Господина. Они притворились, что полностью разделяют его [и Сергия] верования, и готовы во всем служить ему последователями. Таким-то образом им удалось скрыть свои истинные замыслы и выиграть время. Аль-Кинди продолжает:

¹ Сура ii. 23.

² Сура lix. 21.

³ Это продолжительное отступление от темы насчет Корана сильно расцвечено преданиями, что были сильно распространены среди сторонников Аббасидов и Алидов. Большая часть этого текста — чистая выдумка, романтизм, не опирающийся ни на какие исторические факты. Но у нас нет никаких сомнений в том, что именно такого рода истории пользовались большой популярностью при дворе Аль-Мамуна. Там широко приветствовались аргументы любого рода, призванные отрицать извечность существования Корана. Разумеется, наш автор старается использовать это модное веяние, тут и там вкрапляя подходящие напоминания.

⁴ Сура v. 85 (82).

«Затем, уже после {71} смерти Пророка, когда Али замкнулся, укрылся ото всех и отказался присягать на верность Абу Бекру, эти двум иудеям удалось отыскать затворника. Нечестивцы постарались убедить Али принять на себя роль пророка, для которой, как они оба утверждали, он вполне годился, и пообещали наставлять его так же, как Сергей наставлял Магомета. Али, тогда еще совсем юный и неискушенный, согласился их внимательно выслушать, и был наставлен в тайне от остальных мусульман.¹ Впрочем, еще до того, как им удалось полностью достичь своей цели, Абу Бекр прознал о проделках двух заговорщиков и послал за Али. Тот, находя дальнейшее продолжение затворничества бесполезным, решил отказаться от своих претензий на власть. Но этим иудеям к тому времени уже удалось подделать текст того Корана, который Магомет оставил в руках у Али: а именно, того самого Корана, который был основан на Евангелии. Именно тогда эти иудеи смогли дополнительно вписать в текст Корана всяких историй из Ветхого Завета, частей из Закона Моисея, да еще стихов, подобных этому: “Христиане говорят, что иудеи — ничто, и не основаны ни на чем; а иудеи говорят, что это христиане не основаны ни на чем, а ведь они читают Книгу. Так, как они, поступают невежественные люди — говорят прежде времени. Тогда, как Господь будет судить меж ними в день Воскресения относительно того, в чем они расходились”.²

Отсюда же пошли и всякие противоречия в Коране: отрывки, которые были найдены в одном источнике, разнятся от отрывков, происходящих из другого. Так было, например, с частями “Пчела” (“Пчелы”), “Муравей” (“Муравьи”) и “Паук”.³ А когда Али отчаялся сам унаследовать пост халифа, он, в конце концов, решился предстать {72} взору Абу Бекра — спустя сорок дней после кончины Пророка. И вот, когда он начал произносить клятву на верность Абу Бекру, как халифу,⁴ тот не преминул задать ему следующий вопрос: “О, отец Хасана, что же заставило тебя откладывать так долго?” На что тот поспешил ответить: “**Я был занят, собирая**

¹ Вряд ли «юный и неискушенный», поскольку ему тогда должно было быть уже больше двадцати шести лет.

² Сура ii. 113. Вариант Крачковского: «И говорят иудеи: “Христиане — ни на чем!” И говорят христиане: “Иудеи — ни на чем!” А они читают писание. Так говорят те, которые не знают, подобное их словам. Аллах рассудит между ними в день воскресения относительно того, в чем они расходились» (Сура 2:107).

³ Суры xvi. xxvii, xxix.

⁴ Арабское слово «халифа» происходит от глагола «халф»: «оставлять позади, за собою». Понятие «халиф» изначально означало «заместителя» или «наследника»: то есть, того, кто должен был стать духовным и политическим вождем общины мусульман по смерти Мухаммеда. («Вождь» по-арабски — «иман»). Слово «халифа» встречается нам в Коране в Суре 2:28, где говорится об Адаме: «И вот, сказал Господь твой ангелам: “Я установлю на земле **наместника**”» (так у Крачковского). А также в Суре 38:25, где этот термин употреблен уже в отношении Давида: «О Дауд, Мы сделали тебя **наместником** на земле, суди же среди людей по истине и не следуй за страстью, а то она сведет тебя с пути Аллаха!» В обоих случаях, ясно, что «халифом» должен быть тот, кого предварительно назначили. Мухаммед, не позаботившись перед смертью назначить себе заместителя авторитарным решением, создал на будущее большие проблемы последователям своей религии. — *Прим. перев.*

текст Книги Господней, поскольку Пророк поручил это моим заботам!” Задумайся, друг мой, каков же должен быть смысл его ответа, когда он говорит, что был занят, “собирая Книгу нашего Господа?” Ты прекрасно знаешь, каким образом тиран Хаджадж “собирал” страницы Корана, повыбрасывая значительную часть текста. Эх, до чего же вы обмануты! Книга Божия не “собирается”, и не может быть утрачена никакая часть ее! Ты, и те, кто разделяют твои убеждения, отлично знают, и вовсе не возражают тому, о чем я только что сказал, поскольку и сама эта идея взята из тех ваших преданий, с которыми вы все соглашаетесь. Ведь согласно одним источникам, первый экземпляр Корана был передан в руки корейшитам; почему Али, когда пришел, наконец, к власти, немедленно приказал доставить ему эту копию. Иначе рукопись могла бы быть подделана: в нее могли что-нибудь добавить, а то, как знать, и выбросили бы из нее часть текста. И это была та самая [правильная] копия, которая полностью отвечала тексту Евангелия: ее передал Магомету Сергей.¹ И вот, когда Али отвечал в таком духе Абу Бекру, как мы уже сказали выше, люди, находившиеся рядом, сообщили, что и них с собою есть такие же листочки и всякие обрывки с записанными на них отрывками Корана, как у Али. Вот тогда и было решено собрать все сохранившиеся кусочки с записями текстов Корана “со всех краев”. Так народ начал собирать различные части текста Корана, сохранившиеся в памяти разных людей. Как, например, Суру “Барат”,² которую всю записали под диктовку от какого-то араба, которого как-то встретили {73} в пустыне. Или прочие части от совершенно случайных людей, или от всяких делегатов и ходоков, которые навещали Пророка. Это все — помимо того, что было переписано с каменных скрижалей, с пальмовых листьев, с лопаток животных, и тому подобного. И все это поначалу не было объединено в одну книгу, а сохранялось в виде отдельных отрывков, на разрозненных листах бумаги: все записывалось по методу, изобретенному коварными иудеями. Именно таков и был замысел этой зловредной парочки.

После всего этого люди обнаружили, что они читают Коран по-разному. Одни читали в соответствии с вариантом, бывшим у Али (и эти люди следуют ему вплоть до сегодняшнего дня!) Другие же читали так, как им позволяла та коллекция текстов, о которой мы только что упомянули. Третьи же стали читать так, как это делали арабы пустыни, внося в текст по своему невежеству множество добавок и изменений. Одна группа читает так, как привык читать текст Ибн Масуд, не забывая о наставлении твоего Господина: “Кто желает читать Коран во всей его первоначальной чистоте и свежести, пусть читает так, как читал Ибн Омм Мабад”. А ведь он [Ибн Мабад] привык повторять весь текст самому [Магомету] один раз в году, а в тот год, когда тот умер — перечитал ему весь Коран дважды. Однако же, другие люди читают Коран [в той манере], как это всегда делал Обей ибн Кааб, и тоже следуя завещанию твоего Учителя: “Лучший чтец среди всех вас — Обей!” Впрочем, по характеру чтения Обей и Ибн Масуд были очень близки один к другому.

¹ Тут наш Автор заявляет нам, что этого Сергея соратники Пророка называли еще «Гавриилом», а порою — «Верным Духом». То есть, теми самыми эпитетами, которые относятся к тому ангелу, который, спустившись с небес, передал Коран Магомету.

² Сура ix.

Так и получилось, что к тому времени, когда к власти пришел Осман, народ повсюду читал Коран по-разному. Али же искал повода для выдвижения обвинений против Османа, в тайне желая его {74} смерти.¹ Любой из чтецов мог продекламировать какой-то отдельный стих по-своему, а другой чтец — совершенно по-иному, и каждый из них уверял, что его прочтение точнее, чем у его соседа. И начинался у них спор; а в результате пошли изменения и противопоставления и в самом тексте, в одних копиях больше, в других — меньше. Когда об этом донесли Осману, тот сообразил, что халифату угрожает раскол, разделения и дальнейшие ссоры между людьми и, как следствие, отступничество. Потому то он и приказал собрать воедино все оставшиеся листы и кусочки с текстами, все, что у него было, включая и ту копию, что была написана первой. Но того текста, что сохранялся в руках у Али, это никак не коснулось. То же самое касается и тех, кто последовали Али в чтении его [правильной] рукописи. Знаменитый чтец Обеи к тому времени уже умер. Что же касается Ибн Масуда, у него потребовали отдать его экземпляр Корана, но он отказался это сделать. За это упрямство он был смещен со своей должности, и Абу Муса занял вместо него пост градоправителя Куфы.² Затем [помощники халифа] приказали Зейду ибн Сабиту, а вместе с ним и Абдалле ибн Аббасу (а другие говорят — Мохаммеду, сыну Абу Бекра) просмотреть и исправить весь текст, удалив из него все то, что было повреждено. Однако оба они были очень молоды,³ и оттого им велели, в тех случаях, когда у них возникнут разночтения в тексте, или разногласия относительно значения какого-нибудь слова или имени, брать за пример тот диалект, на котором говорило племя Корейш. И действительно, у них возникли разногласия по очень многим вопросам. Например, там, где Зейд писал «Табух», Ибн Аббас писал: «Табут». Когда же это рецензирование было закончено, были составлены сразу четыре копии {75} полного текста Корана. Одну рукопись отослали в Мекку, а другая предназначалась для Медины. Третью копию отправили в Сирию, и она сохранилась до сих пор в Малации (Мелитене). Тот экземпляр, что оказался в Мекке, сохранялся до того времени, когда город подвергся осаде взбунтовавшегося Абу Сарайи (то есть, когда Кааба была в последний раз разграблена — в двухсотом году хиджры). Он не унес рукопись с собою, но, как предполагается, она сгорела во время большого пожара, охватившего город. Мединский экземпляр был утрачен, когда в халифате воцарился террор, то есть, во дни Йезида ибн Маувии. Четвертая же копия была доверена для хранения жителям Аль-Куфы, которая в те годы являлась центром ислама. Да, Куфа тогда пребывала истинным домом для соратников Пророка.

¹ Очень важное замечание, поскольку оно предшествует рассказу о рецензии текста Корана Османом. Кроме того, здесь автор напрямую обвиняет Али в преднамеренном замысле лишить Османа жизни.

² Его смещение с должности — исторический факт, но случилось это совсем по другой причине, чем та, о которой здесь говорится.

³ Здесь наш автор не совсем точен. Во время хиджры (бегства Магомета из Мекки в Медину) Зейду было одиннадцать лет, а Абдалле — шесть. Таким образом, ко времени рецензирования Османом Корана они должны были достигнуть возраста, соответственно, в тридцать и тридцать пять лет.

Люди говорят, что эта рукопись и по сей день находится где-то в этом городе, но это совсем не так, поскольку четвертая копия пропала во время восстания Мухтара.¹

Так вот, после всего того, о чем мы рассказали выше, Осман приказал принести ему все листочки и копии, на которых были записаны тексты Корана, и уничтожил их, пригрозив всем, чтобы никто не подумал сохранить у себя что-либо. Таким образом, сохранились лишь какие-то жалкие остатки, которые люди сумели у себя припрятать, все по разным местам. Не осталось ровным счетом ничего, что могло бы указать на действительно существовавшие разночтения. А ведь вообще-то, как люди говорили, Сура Нур (xxiv) раньше была длинее, чем Сура Бакр (ii),² а, например, Сура Ахзаб (xxxiii), была совсем искажена, и теперь она неполная. Также рассказывали, что изначально не было разделения между Сурой Барат (ix) и Сурой Анфаль (viii), и потому-то мы видим, что в первой из них отсутствует обязательное для других сур начало: “Во имя Бога Милостивого и Милосердного”. Похоже обстоит дело и с двумя “сурами-заклинаниями”,³ о которых Ибн {76} Масуд как-то сказал, когда их решили добавить в Коран: “Не добавляй в то место того, чего в том месте нет”. И, наконец, можно вспомнить и речь Омара, которую он произнес на кафедре [Большой Мечети в Медине]: “Да не говорит никто, что **‘Стиха о побиении камнями’** нет в Книге Божией — ибо воистину сам я читал: **‘Мужчина и женщина, которые сотворят блудодеяние, да будут оба побиты камнями’**. И если бы [я не опасался, чтобы] люди не начали говорить: ‘Омар добавил в Коран то, чего там на самом деле нет’, я бы собственной рукою вписал в текст подобный стих”.⁴ Похожий случай произошел и во время заключения Омаром другой своей речи. Он заявил: “Воистину, я не знаю ни одного человека, который решился бы утверждать, что порядок временного брака (‘Аль-Мута’) не прописан в Книге Господа, ибо, по истине, я своими глазами видел его там! Но, к сожалению, это место выпало. И воистину Господь не самым лучшим образом вознаградит того, по чьей вине это место отсутствует, ибо тому человеку было оказано доверие, и он не оправдал доверия Господня, как и доверия Его Пророка. И воистину, многое из того, что принадлежало Корану, пропало подобным образом”. И еще в одном случае Омар сказал: “Господь задумал обращаться с людьми мягко, и потому Он воистину послал Магомета с верою широко открытой и всеобъемлющей”.

А Обеи ибн Кааб рассказывал, что есть такие две суры, которые он привык читать наизусть, как часть Корана: “Аль-Кануг” и “Аль-Витр”. И в них были такие слова: “О, Господь, мы просим у Тебя помощи, и прощения, и ведения, и мы

¹ Этот Мухтар был убит в ходе восстания, о котором здесь упоминается: 67 год после хиджры.

² Самая длинная сура в Коране.

³ Последние две суры Корана, каждая длиною в один-два стиха.

⁴ *Смотрите* «Жизнь Магомета» (1-е издание), том i, стр. xxv. [Вообще-то этот эпизод свидетельствует об аккуратном обращении арабов со своей Священной Книгой и об их особой щепетильности в этом вопросе. Омар имеет в виду, что он своими ушами слышал этот стих, хотя в Коран он и не записан. Вписывать же его туда он не решается. — *Прим. перев.*].

веруем в Тебя, и надеемся на Тебя”, — и так далее, вплоть до конца Суры Аль-Витр. Этих слов, про которые говорил Обей, и которые находились в первом собрании стихов Корана, больше в тексте Священной Книги нет.¹

{77} А вот, опять же, если говорить о стихе с установлением порядка “временного брака” (“Аль-Мута”), то это Али несет ответственность за то, что весь его текст полностью исключили из Корана. Говорят, что, став халифом, он однажды подслушал, как один человек декламирует этот стих. После этого Али велел бить его кнутом и всем запретил повторять его слова. Кстати, этот случай послужил одним из предметов укора его Айишею после «Верблюжьей битвы»: когда она возвратилась в дом Ибн Халафа (в Буссоре²). Ибо, помимо прочих претензий к Али, она говорила, что тот приказал бить человека из-за маловажного случая с чтением Корана, да еще и не только запретил повторять некоторые стихи, но и сам текст Священного Писания искажал. Более того, Ибн Масуд сумел сохранить у себя свою копию Корана, и после него его наследники столь же бережно хранили Книгу вплоть до наших дней. Она переходила из поколения в поколение точно так же, как вариант Али переходил от одного члена его семьи к другому.

А затем пришел черед этого Хаджаджа ибн Йусуфа, который собрал все копии Корана до одной, какие только смог достать, и приказал убрать из текста очень много стихов. Говорят, что среди таковых оказались и стихи, в которых содержалось откровение относительно дома Омейя, с конкретными именами людей, а также и о доме Аббаса — и тоже с конкретными именами. Шесть экземпляров нового текста, подвергшегося подобной обработке, были отправлены в Египет, Сирию, Медину, Мекку, Куфу и Буссору. После этого Хаджадж повелел принести к нему все собранные старые копии и уничтожить их — точно так же, как до него это сделал Осман.

И результат всего этих деяний является для тебя совершенно очевидным, ведь ты, друг мой, столь начитан в Священном Писании. Ты неизбежно должен был обнаружить, что все рассказы в твоей Книге перемешаны друг с дружкой, и находятся в абсолютном беспорядке. Это ли не свидетельство того, что много разных рук изрядно потрудились над вашим Писанием, создав в нем множество противоречий, добавив {78} изрядную порцию текста от себя — того, что им

¹ А. Джеффри в своем труде «Материалы по истории текста Корана» цитирует две суры, которые не вошли в канон, но приводятся в собрании Убай и Абу Мусы Аль-Ашари. Вот их полный текст:

«Сура отречения»:

«О, Аллах, воистину мы взываем к Тебе о помощи и просим Твоего прощения. Мы воздаем Тебе славу и не остаемся Тебе неблагодарными. Мы отрекаемся и оставляем тех, кто не повинуются Тебе».

«Сура поспешного служения»:

«О, Аллах, тебе мы служим, к Тебе мы возносим молитвы, и пред Тобою мы склоняемся. Мы спешим работать для Тебя, и Тебе мы с поспешностью служим. Мы надеемся на Твою милость и страшимся Твоего наказания. Воистину, Твое наказание всегда настигнет неверных».

Русский текст приведен по книге Х. Спенсера «Ислам и Божие Евангелие». — *Прим. перев.*

² Так Мьюир называет Аль-Басру. — *Прим. перев.*

нравилось, и повырезав все, что им не пришлось не по вкусу. И что же, все это — доказательства Откровения, которое было ниспослано с небес?

Более того, твой Господин был арабом, жил среди бедуинов-кочевников, и именно им, и на их языке, он посвящал всю свою писанину. Но ведь насколько примечательно, что арабы, в смысле нации, остаются неисправимыми язычниками — они безнадежно испорчены. Так каким же образом смог подобный народ получить от него тайны Господни: те истины, которым надлежало быть открытым лишь особому пророку? Ведь ты знаешь о враждебности Али к Абу Бекру или о вражде Омара с Османом. И вот, каждый из них сумел добавить в текст Корана то, что, как они считали, могло бы поддержать их собственные притязания на власть. И, напротив, то, что им могло повредить, они из текста удалили. Так скажи мне, каким образом мы можем теперь определить, что в Коране присутствовало изначально, а что в его тексте — подделка? И как насчет тех вырезок, что наделал позднее Аль-Хаджадж? Ты же прекрасно знаешь, какого рода верою обладал этот тиран, и как он относился к подобным вопросам. Так как же ты можешь терпеть его в качестве арбитра для Книги Божией?! Ведь это был человек, который никогда не упускал случая сыграть на руку Омейядам, причем, при любой представлявшейся ему возможности. А помимо всего этого, остаются еще и иудеи, которые также приложили свою руку к этому делу. Им ведь тоже удалось проташить на страницы Корана свои собственные идеи, которые, как они считали, помогут им в будущем вести свое подстрекательство и подрывную деятельность среди мусульман.

«И все, о чем я тебе здесь рассказываю, — продолжает Аль-Кинди, после весьма прочувствованного личного обращения к своему оппоненту, — я узнал из ваших же авторитетных источников. Ни единого аргумента я не выдвигаю просто так, чтобы он не был основан на свидетельствах, с которыми вы сами соглашаетесь. Да ведь в доказательство всего этого, у нас перед глазами текст самого Корана, который превратился в какое-то бессмысленное смешение стихов. Нет в нем ни порядка, ни системы! Более того, в невозможно проследить общий смысл, {79} поскольку один стих противоречит другому. Так вот, что может свидетельствовать о большем невежестве, чем попытки использовать подобную книгу в качестве свидетельства о пророческой роли — о роли Апостола Божия! И вы ставите ее наравне с чудесами, которые творили Моисей и Иисус! Нет никаких сомнений, что ни один человек, у которого сохранилась хоть крупинка здравого смысла, даже и не подумал бы использовать этот Коран для таких целей. И гораздо менее склонны к этому мы — люди, обладающие столь солидным знанием и истории, и философии. Нас такими обманными рассуждениями не затронешь!

А вот скажи-ка мне, что имел в виду твой Господин, когда говорил: “что ни люди, ни джинны, как бы ни старались, даже совместными усилиями, не смогли бы создать книгу, подобную этому Корану”?¹ Если здесь подразумевается, что язык Корана превосходит все другие литературные композиции по своей красочности, наш ответ будет следующим. Каждый из народов считает свой собственный язык самым прекрасным в мире. Арабы же почитают все прочие языки, за исключением

¹ Сура xvii. 89. У Крачковского: «Если бы собрались люди и джинны, чтобы сделать подобное этому Корану, они бы не создали подобного [хотя бы одни из них были другим помощниками]».

своего собственного, варварскими. Но, соответственно, и арабский язык, который они считают самым прекрасным из всех, прочие народы, со своей стороны, называют варварским.¹

Иностранные слова в Коране (стр. 85-86).

Может быть, здесь имеется в виду, вне какой-нибудь связи с языками чужестранцев, что язык Корана является некой несравнимою и совершенно чудесною моделью арабского языка? Ведь в его оригинальном тексте говорится: «Воистину, Мы ниспослали Коран на арабском языке, быть может, вы сумеете понять».² Тогда как ты объяснишь, что мы находим в этой Книге иностранные слова? Например, «намарик» — слово из персидского языка; или «мишкат» — слово из языка жителей Абиссинии?³ Вот уж, воистину, проблема либо с самим посланцем, {80} либо с его посланием!

Если б в арабском языке не существовало слов для того, чтобы выразить необходимые мысли, тогда следовало бы признать и само средство коммуникации, и, соответственно, все послание, несовершенным. Если же проблема в ином, тогда несовершенным является посланец.⁴ И далее Аль-Кинди уверяет своего оппонента, что проблема заключается не в послании, а в самом посланце. Он использует вполне уместный довод, приводя в пример существование среди арабов задолго до появления Магомета большого количества талантливых поэтов, вроде

¹ Скорее всего, употребление в данном контексте слова «варварский» — инициатива Мьюира. Понятие «варвар» перешло в европейскую культуру из греческого языка. Греки все прочие народы, не говорившие на их языке, привыкли называть «варварами», но отнюдь не из-за культурных различий, а по причине фонетической ограниченности своего языка. В частности, в современном греческом языке не только проблема с шипящими, но и с озвончением согласных. Звонкие согласные в нем практически отсутствуют, и для передачи иностранных слов кириллицей приходится использовать весьма громоздкие сочетания букв. В частности, русское слово «Богородица» в греческой транслитерации будет выглядеть так: «МΠΟΓΚΟΡΟΝΤΙΤΣΑ». (Учтите, что греческие буквы «дельта» и «гамма» похожи на русские «дэ» и «гэ» по написанию, но не по произношению соответствующих им звуков). Эллинам было очень трудно подражать чужим наречиям, которые они передразнивали: «вар-вар-вар». Иначе обстояло дело с евреями, которые Израиль считали «народом», а все остальные нации: «гоим», «язычниками». Здесь разделение было чисто религиозным, а не языковым. Каких убеждений придерживались в этом плане арабы, мы не знаем. Исходя из текста Корана, арабский язык назван в нем «чистым» просто потому, что он был понятен для арабов, а не по каким-то иным причинам. — *Прим. перев.*

² Крачковский: «Мы ниспослали ее в виде арабского Корана, — может быть, вы уразумеете!» (Сура 12:2). Смотрите также Суру xiii. 40; Суру xx. 111; Суру xxxix. 28; Суру xli. 2; Суру xlii. 6; и Суру xlv. 12.

³ «Намарик» — ковры или подушки; «мишкат» — светильник. В числе прочих неарабских слов, оказавшихся в Коране, Аль-Кинди упоминает также «сандус», шелк; «аль-астабрак», сатин или парчу; «абарик», бокал или кубок. Для нас этот аргумент может показаться довольно странным, но для самолюбия арабов, привыкших хвалиться полнотою и чистотою своего языка, он мог оказаться весьма язвительным. Нет никаких сомнений, что этот довод Аль-Кинди был с благосклонностью воспринят при дворе халифа.

⁴ Сура xliii. 57.

Имруля Кайса, и просто людей, обладавших даром красноречия. Он утверждает, что их язык превосходил язык Магомета, как в плане поэтического замысла, так и по красоте слога. Подобные обвинения бросались в лицо Пророку жителями Мекки, ибо, как нам известно, в итоге он повернулся к ним спиной, назвав их «вздорным народом». И, разумеется, сам Магомет признавал превосходство прежних поэтов, поскольку он приписывал их талант действию магических чар.¹ Появлению же в тексте Корана выражений из иностранных языков могли послужить две причины. Первая: скудость арабского языка — в то время, как его следует заслуженно признать обладающим одним из самых обширнейших словарных запасов среди всех прочих языков. Второй вариант: к написанию текста Корана приложили руку разные люди. Наш автор предоставляет своему другу самому решить эту дилемму.

Заявление о поэтической красоте Корана.

«Если, опять же, ты собираешься утверждать, что в тексте {81} Корана присутствует некая сверхъестественная языковая гармония и какой-то особо прекрасный ритм, особенная глубина замысла, то и на это я готов ответить. Подобные вещи следует определять посредством весьма точных измерений: чистоты и упорядоченности композиции, а также точности мысли и художественных образов — равно как и посредством их очарования. Однако твоя Книга от начала и до конца отличается разорванным ритмом, запутанностью композиции и какими-то затейливыми и совершенно бессмысленными отступлениями».

Что нового открывается в Коране (стр. 87-89).

И вновь Аль-Кинди возвращается к тому, что открывается в тексте самого Корана. Если говорить только лишь о тексте, наш Апологет задается вопросом, какого рода истину, хотя бы одну-единственную, мы в нем открываем, которая не была бы до этого известна с древних лет? Все новости, открываемые нам Кораном, выглядят, по его мнению, довольно потрепанными. «В наше время, — продолжает он, — человечество исследует каждую ветвь знания до степеней, которым не было равных в прошлые дни. Однако какое это может иметь отношение к тем сверхчеловеческим усилиям, которые требовались для совершения чудес, подобных чудесам, свершенным Моисеем и Иисусом? А истина, вкратце, заключается в том, что Коран с его разнообразными недостатками может представить нашему взору лишь одно чудо: чудо красноречия. Но и это чудо познания будет выглядеть таковым лишь в глазах грубых невежественных племен и варварских народов».

¹ Подобного рода обвинение часто выдвигалось мекканцами по адресу самого Магомета (Суры xxxiv. 43; xliii. 29; xlvi. 6). Однако у Аль-Кинди уже Магомету приписывается сетование на талантливых писателей, дескать, пользовавшихся для своего успеха волшебством. Таким образом, утверждал Магомет по мнению автора «Оправдания», их писания никоим образом нельзя сравнивать с подлинным откровением.

Те три лжепророка, что вышли на сцену во время зарождения ислама, сыграли такую же роль, что и Магомет. Здесь наш автор ссылается на отрывки из посланий Мосейламы, который, по его мнению, сумел бы увлечь за собою множество мусульман, если бы только в его распоряжении оказались «помощники», подобно тем, что поддержали в свое время Магомета.¹

{82} Здесь наш Апологет напоминает своему другу, что арабский язык является для них обоим наследием в равной степени: ведь их язык происходит от их общего предка, Йароба, правнука Исмаила. Получается, что они оба находятся в одинаковом положении. Так что, касаясь способности судить о красотах или несовершенствах арабской речи, его друг не обладает перед ним никакими преимуществами. Более того, попытку сослаться на реакцию и мнение чужеземных народов следует признать не более чем тщетным и обманчивым испытанием; ибо, когда им был предоставлен Коран, они не могли понять его содержания, и потому были вынуждены принять его на веру. Чужеземцы в своем невежестве совершенно не способны судить о языке этой книги. Одни только арабы пустыни еще продолжают говорить на чистом арабском языке, сохраняя его в полной неприкосновенности. Те же арабы, что жили в городах, пережившие на чужестранках, вскоре утратили простоту своей родной речи, и оказались не в состоянии выносить о ней какие-либо суждения. Его другу может быть под силу возразить, что корейшиты слыли самыми велеречивыми и искусными в стихосложении среди всех арабов, и, соответственно, находились в самом выгодном положении для того, чтобы судить о поистине неземной красоте слога Корана. На что Аль-Кинди готов ответить с характерным для него красноречием, утверждая превосходство речи как его самого, так и благородных предков его собственного рода. «Ты не будешь отрицать, что когда твой Учитель просил руки Мулейки, дочери Номана Аль-Кинди, она отвечала ему: “Что-о-о?! Чтоб Мулейка связала свою судьбу с человеком из рода торговцев?!” Ты хорошо знаешь, что корейшиты были всего лишь “купцами Аравии”, а Бени Кинда — ее “князьями”. Я говорю это не ради хвастовства, не кичась превосходством своего собственного рода над твоим, но просто для того, чтобы напомнить тебе, что Бени Кинда превосходило всех прочих арабов в красноречии {83} и красоте слога, будь то риторика или поэзия. Их цари, будучи во всем в нашей земле первыми, стояли во главе армий Аравии; и их слава была так велика, что персы и римляне почитали за честь просить руки их дочерей! В то же самое время весь мир заслуженно отдает должное и корейшинам, особенно твоему племени — Бени Хашим. Ну, разумеется, все это следует сказать и обо всей арабской нации, которую Господь отметил и знатностью, и особым благородством, превознося над всеми прочими народами земли».

Возвращаясь еще раз к признанию непоследовательностей в тексте Корана, солецизмов, было бы уместным сказать в ответ, что арабский язык, в первую очередь, получил воплощение в поэзии арабов. Не удивительно, что его лексический запас, который черпался из этого источника, был в связи с этим довольно ограничен, и, например, слово, которое использовалось персами для

¹ Я не знаю, до какой степени здесь наш автор ссылается на Мосейламу, поскольку высказывания, приписываемые этому человеку преданием, нельзя воспринимать серьезно. Это — полнейшая бессмыслица, суть которой невозможно постигнуть.

обозначения ковров — «намарик» — было арабам незнакомо. Правильно, соглашается наш Апологет; но, добавляет он, все это исходило из простоты арабского народа, который был чужд искусственным наслаждениям и излишествам роскошной жизни. В ходе времени арабский язык стал пополняться иностранными словами; и на этом смешанном языке люди стали писать стихи, которые так наловчились подражать древней поэзии полуострова, что стало сложно отличать подделки от подлинно арабских стихов. В наши дни даже специалисты в области риторики зачастую ошибаются, принимая фальшивку за подлинник. Изящество и свежесть языка, в равной мере, как и его восприимчивость к повседневным жизненным заботам, способствовали такой популярности арабской речи, что чужеземные идеи и метафоры, вообще-то чуждые безыскусной арабской жизни, стали выражаться стилем, с большой претензией на древность. Так каждый, привыкший излагать в те времена свои стихи лишь древним слогом, искал в столь изощренной форме расположения двора и {84} собственного продвижения вверх. С тех пор, как арабская речь стала искажаться и наполняться инородными вставками, уже не находилось никакой возможности толкования ее поэзии, кроме как признать, что она начала изменяться в сторону ухудшения языка. В связи с этим исламским богословам не оставалось ничего иного, лишь сослаться, что их священные книги говорят о каких-то «тайнствах Божиих».¹

Мирские искушения
используются для продвижения ислама
(стр. 90-92).

Встречающиеся в Коране высказывания о роскошной и полной наслаждений жизни открывают новую тему в «Оправдании». А именно: вопрос о мирских искушениях, которые в немалой степени использовались в целях продвижения ислама. Арабы, как известно каждому сведущему в истории, являлись народом бедствующим и варварским, питающимся ящерицами и подобного рода едой, которому было негде укрыться ни от палящего зноя летом, ни от холодного ветра зимой. Они были вечно голодны и наги. Что могли знать они о реках вина и молока; о редкостных фруктах и изысканных кушаньях; о кушетках из шелка и роскошного атласа, о бархатных подушках на парчовых коврах; о прелестных девушках, прячущихся в покрывалах, как жемчужины в своих раковинах; о дорогих кубках, расписанных великолепными узорами; о чудесных навесах над журчащими ручейками — вещах, присущих разве что дворцам Хосровов?² Но путешественники, возвращавшиеся домой из Персии, {85} быстро распространяли слухи об увиденных там предметах роскоши, и слухи эти породили жажду обладания дорогими вещами, а жажда обладания повлекла за собою и борьбу за

¹ Об этом упадке языка и подражании древней поэзии читайте »Bemerkungen über die Aechtheit der alter Arab. Gedichte«, Professor Ahlwardt, Greifswald, 1872; и »Beitrage zur Kenntniss der Poesie der alten Araber«, Theodor Nöldeke; а также мою статью «Древняя арабская поэзия, ее подлинность и аутентичность» в «Журнале Королевского азиатского общества», 1879.

² Все эти роскошные вещи упоминаются в Коране, как присущие раю; смотрите, например, Суры xxxvi. 41; liii. 23; lvi. 17.

них. Аль-Кинди говорит, что его друг должен помнить случай, когда наступающая мусульманская армия захватила корзины, наполненные изысканными дарами Персии; и как только воины вкусили персидских деликатесов, они стали говорить один другому: «Клянусь Господом! Даже если бы не было веры, за которую нужно было бы сражаться, эти вещи явно стоят того, чтобы за них воевать!»¹ Таким образом, мусульмане сражались против нечестивых народов, над которыми Господь позволил им одержать победу; так что они убивали их и разрушали их жилища, а за это те восставали против ислама и проливали невинную кровь. Ведь таким именно образом Господь поражает за грехи все высокомерные, жестоковейные народы, настраивая друг против друга.

Аль-Кинди продолжает перечислять различные классы общества, принимавшие ислам по низменным и недостойным мотивам. Он начинает с крестьян — людей смешанных кровей, что проживали в соседней с Аравийским полуостровом Халдейской дельте («Аль-Савад»): «Вы можете обратиться к ним по-арабски, и они могут ответить вам теми же словами, повторяя за вами, как попугаи; тем не менее, они остаются полукровками. Некоторые тайком хранят в глубине своей души мерзкие отбросы иудейской веры или религии магов; другие, гонимые поветрием дня, не могут вам сказать, в чем отличие их, неразумных скотоподобных тварей, от своего Создателя. Возвращенные с дикими зверями в голом поле, они подобны им, — нет, они еще более тупые и склонные к заблуждению, чем звери!»² И снова речь заходит о народностях, поклоняющихся идолам, {86} о магах и иудеях; о презренных народах низшего сорта, стремящихся за счет принятия ислама приобрести богатство и власть, а также получить доступ к общению с людьми учеными и знатными. Далее автор говорит о лицемерных мужчинах этого мира, которых привлекает в исламе возможность иметь по нескольку жен и наложниц, что запрещается, например, христианскою верою. Кроме того, существует категория людей распутных, всецело озабоченных лишь плотскими похотями, которые используют ислам как средство для достижения своих порочных целей. И, наконец, есть еще и такие горе-обращенные, кто благодаря исламу рассчитывает с легкостью раздобыть себе средства к существованию.

«Вот скажи мне, мой друг (и да благословит тебя Господь!), доводилось ли тебе слышать хоть об одном человеке в здравом уме — о каком-нибудь просвещенном и умудренном опытом муже, знающим Священное Писание — который бы отрекся от христианства по каким-либо иным мотивам, если не ради всех этих мирских соблазнов и наслаждений, кои можно получить только через твою веру? Или, скажем, ради доступа к некоторым удовольствиям, что запрещаются религией Иисуса? Ты не найдешь такого ни одного! ибо за исключением некоторых, соблазвившихся мирскими утехами, все остальные

¹ Эти слова были произнесены Халидом в своем обращении к армии арабов после одной из первых побед в Ираке. — «Летописи раннего халифата», "Annals of Early Caliphate," стр. 75.

² Сура vii. 180; xxv. 45. «Мы сотворили для геенны много джиннов и людей: у них сердца, которыми они не понимают, глаза, которыми они не видят, уши, которыми не слышат. Они — как скоты, даже более заблудшие. Они — находящиеся в невнимательности» (Сура 7:178). Читателей, уже знакомых с работами Мьюира, не должны удивлять его откровенно расистские взгляды. Ведь он жил задолго до Второй мировой войны, когда нацистскую идеологию еще не принято было подвергать резкой критике. — *Прим. перев.*

остаются тверды в своей вере. Находясь под защитой своего благодатнейшего Повелителя, они пребывают непоколебимыми в исповедовании своей собственной религии».

Осуждение отступников и еретиков (стр. 93, 94).

Определенные категории отступников и еретиков описываются в «Оправдании» в довольно резких выражениях. Это — лицемеры, что презирали Пророка и втайне нисколько не верили его притязаниям, хотя внешне, в то же время, выказывали приверженность мусульманской религии. Были такие еретики, которые утверждали, что Святой Дух разделился на три части, одна часть была дарована Иисусу, другая — Моисею, третья же — одному человеку, имя которого Аль-Кинди даже омерзительно {87} упоминать.¹ Причем, Магомет в этом распределении Святого Духа не принимает никакого участия. Таковы были наиболее дикие и варварские из всех раскольников. Далее следуют христианские отступники, принявшие ислам, и воспользовавшиеся этим обстоятельством, дабы третировать невинных и остающихся верными собратьев по своей прежней вере: «это — волки, разрывающие ягнят, как и предсказывал наш Спаситель». Для описания богохульств этого сатанинского отродья у Аль-Кинди не находится слов. Они любят хвастаться, что в состоянии сфабриковать любые предания, чтобы доказать все, что им угодно. Аль-Кинди вопрошает, как его друг мог бы прокомментировать одно такое воистину богохульное предание, рассказывающее о том, что Господь якобы отправил посланника к Абу Бекру, передать ему следующие слова: «О, Абу Бекр, Я весьма доволен тобою, доволен ли ты так же и Мной?»² Это была старая сказка: о том, что не было, дескать, никакого пророка, просто его последователи понапридумывали о нем всяких рассказней. Автор ссылается на множество подобного рода противоречивых преданий, касающихся призыва на молитву, «азана», погребальных обрядов, молитв, постов, праздников и т.д., утомительных в своих нескончаемых подробностях, с которыми его друг должен быть хорошо знаком. Вся эта часть послания пропитана едкой критикой всяких лжецов-лицемеров и богохульников. Автор говорит, что оставил бы в стороне их клевету на существующий строй и правительство, на поношение ислама, пророков, святых людей и т.д. Но их богохульства (как только что упомянутые) были столь омерзительны, что Аль-Кинди удивляется, как это они не были еще поражены ударом грома и {88} молнией, или что на них до сих пор не упали небеса и не раздавили их. Очевидно, что только по Своей великой милости и долготерпению Бог их щадит и дает им время на раскаяние.

Имя Магомета, начертанное на Престоле Божиим (стр. 94-96).

¹ Я даже не догадываюсь, о каком человеке здесь идет речь, см. также далее, стр. 89.

² Как правило, подобного рода примеры, способствовавшие умалению личности Абу Бекра, были популярны среди Алидов, при дворе Аль-Мамуна. Позже, после того, как сменилось еще несколько халифов, уже никто бы не осмелился повторять предания, которые могли каким-то образом бросить тень на образы первых трех правителей халифата.

Далее Аль-Кинди обращается к мусульманскому тщеславию, отвечая своему другу, который, превознося ислам, бахвалился тем, что Всемогущий Господь еще до сотворения мира начертал на Своем великом Престоле имя Пророка рядом с мусульманским кредо: «Нет Бога кроме Господа, и Магомет — Апостол Божий». С шутовой иронией Аль-Кинди спрашивает своего оппонента: было ли это написано специально для ангелов, чтобы они не забыли об этом? Как будто бы те, что пели хвалу своему Создателю, когда Тот произнес: «Да будет свет», могут забыть о каком-либо из Его деяний! Или это было написано для людей, для человечества? Если так, то как люди могут увидеть эту надпись, находясь на земле? Ну, а что касается Судного Дня, то тогда эта истина настолько ясно предстанет взору всех людей, что вряд ли понадобится какое-то дополнительное разъяснение. И Аль-Кинди отвергает подобную фантазию, как вовсе не стоящую его оппонента; и добавляет, что никогда не слышал, чтобы кто-нибудь из сотоварищей его друга придерживался бы таких взглядов — он даже не знает никого среди мудрых и наделенных разумом мусульман, кто бы поверил таким сказкам. Эта идея — нелепая фантазия, не самого высокого полета, заимствованная из материалистического представления иудеев о том, что Бог восседает на каком-то осязаемом троне.

Аргумент относительно семени Авраама,
 которому «отдается предпочтение
 из всего человечества» (стр. 91, 97).

«Как принято среди ваших проповедников, — продолжает он, — они предваряют свои проповеди следующим обращением: **“Господи! Да благослови Магомета и потомство Магомета, {89} так же, как Ты благословил Авраама и потомство Авраама!”** Произнося подобные слова, они думают, что, вероятно, уже сделали все необходимое, чтобы получить доступ к этим благословениям.¹ Теперь, представь себе, какая ужасная непочтительность связывать такую личность (Магомета), чье имя по твоим представлениям должно быть начертано на Сияющем Престоле Всемогущего, и ради одного которого, как говорят, был

¹ Апостол Павел разъясняет, что настоящим семенем Авраама является Христос, **предшествовавший** Аврааму в плане веры — веры не человеческой, но Божией. Завет о Христе был провозглашен Богом за четыреста тридцать лет до утверждения закона Моисея (Галатам 5:16-17). Тем самым, и все, **поверившие Богу**, являются в Его Христе сонаследниками благословений, обещанных Аврааму. «...Авраам поверил Богу, и это вменилось ему в праведность. Познайте же, что верующие суть сыны Авраама. И Писание, провидя, что Бог верою оправдает язычников, предвозвестило Аврааму: в тебе благословятся все народы. Итак верующие благословляются с верным Авраамом, а все, утверждающиеся на делах закона, находятся под клятвою. Ибо написано: проклят всяк, кто не исполняет постоянно всего, что написано в книге закона. А что законом никто не оправдывается пред Богом, это ясно, потому что праведный верою жив будет. А закон не по вере; но кто исполняет его, тот жив будет им. Христос искупил нас от клятвы закона, сделавшись за нас клятвою — ибо написано: проклят всяк, висящий на древе, — дабы благословение Авраамово через Христа Иисуса распространилось на язычников, чтобы нам получить обещанного Духа верою» (Галатам 3:6-14). Несторианец Аль-Кинди, подобно иудеям, лелеющим свой закон, но не имеющим веры, воспринимает «семя Авраама» иначе. Из-за этого он не в состоянии понять слова Иисуса: «прежде, нежели был Авраам, Я есмь» (Евангелие от Иоанна 8:58), и трактует их в некоем мистическом смысле. — *Прим. перев.*

сотворен и Адам, и весь существующий мир, — с потомством Авраама, которое включает в себя и хорошо известную тебе особу, чье имя я даже не решаюсь назвать в этом послании: рука не поднимается.¹ И, разумеется, о превосходстве израильтян над всеми остальными народами говорится вновь и вновь; в различных отрывках самого Корана, таких как, например, этот:

“О, дети Израиля! Помните ту благосклонность, когда Я был к вам благосклонен, и предпочел вас всему человечеству!”² — получается, что Он превознес их и над тобою, и над твоим Господином, о чем полнейшем превосходстве над другими людьми ты ранее упоминал». Как бы то ни было, Аль-Кинди высказывает эту идею в качестве простого «аргументум ад гоминем»,³ что вовсе не подразумевает, что сия мысль отражает его собственные чувства. Ибо на протяжении всего повествования автор аккуратно избегает ссылок на расовое превосходство или превосходство какого-то рода. Он понимает, что все человечество принадлежит к одной крови, все люди являются детьми от общего родителя — и единственную разницу между людьми он видит в сознании каждого человека и в его благодетели.⁴ И сказав ровно столько, сколько было необходимо, наш Апологет стремится избежать банальной клеветы, которую невежи и недоброжелатели {90} могли бы бросить ему в лицо, обвинив его в пренебрежительном отношении как к царственному роду и семье Пророка, так и к любому, принадлежащему к его расе.

Установления ислама (стр. 97-98).

Далее Аль-Кинди переходит к различным мусульманским обрядам и обычаям, которые ему предлагается принять. В отношении пятикратной

¹ И опять я не знаю, о каком потомке Авраама здесь может идти речь — столь отвратительном, что Аль-Кинди не желает даже упоминать его имя. [Вероятнее всего, ненавидящий иудеев Аль-Кинди подразумевает предавшего Христа Иуду Искариота. — *Прим. перев.*]

² Сура ii. 47, 123. Крачковский: «О сыны Израиля! Вспомните милость мою, которую Я оказал вам, и что Я превознес вас над мирами».

³ То есть, говорит не по существу, а в расчете на чувства оппонента. Мьюир имеет в виду, что Аль-Кинди на самом деле не верит в «превознесенность» Израиля над другими народами. Необходимо уточнить, что Израиль **в действительности** был поставлен Богом превыше всех прочих народов; и тем большая вина лежит на иудеях, отвергших своего Мессию и отвергающих Его до сих пор. Мусульмане, никогда не получавшие через Моисея Заповеди Божии, находятся по отношению к Богу наравне с прочими язычниками, в отличие от иудеев, перед глазами которых постоянно пребывает весь Закон, еженедельно читающийся в синагогах, а не какие-то смутные его начатки. К сожалению, иудеи не верят в то, что они читают: «Как вы можете веровать, когда друг от друга принимаете славу, а славы, которая от Единого Бога, не ищите? Не думайте, что Я буду обвинять вас пред Отцем: есть на вас обвинитель Моисей, на которого вы уповаете. Ибо если бы вы верили Моисею, то поверили бы и Мне, потому что он писал о Мне. Если же его писаниям не верите, как поверите Моим словам?» (Евангелие от Иоанна 5:44-47). «...Некоторые из фарисеев, бывших с Ним, сказали Ему: неужели и мы слепы? Иисус сказал им: если бы вы были слепы, то не имели бы на себе греха; но как вы говорите, что видите, то грех остается на вас» (от Иоанна 9:40-41). — *Прим. перев.*

⁴ Здесь Мьюир явно выдает желаемое за действительное. — *Прим. перев.*

ежедневной молитвы и ежегодного поста в месяце Рамадан, достаточно сказать, что его друг прекрасно знаком с такими ритуалами христианской диспенсации, которые исполнены гораздо большей набожности.¹ Что касается церемониального омовения, Аль-Кинди приводит слова нашего Спасителя, говорящего о тщете внешнего омовения, если внутренности полны могильных нечистот.² «Какой толк в вашем омовении рук и ног, — продолжает автор, — и в стоянии на молитве, когда сердца ваши жаждут кровопролития и насилия, стремятся к порабощению людей, к захвату в плен во время войны женщин? Не дал ли Наш Господь Иисус Христос нам лучший совет: “очистите сперва то, что внутри, а потом можете заботиться и о своей наружности?”» Говоря об обрезании, Аль-Кинди напоминает своему другу о том, что он сам, наряду с теми, кто придерживается сходного мнения, считает, что Магомет не был обрезан.³ Что же касается Иисуса, то, как объясняет автор, Он был обрезан только для того, чтобы исполнить закон. Этот закон с его жертвоприношениями, субботах, Пасхой и т. д. («закон, что был не добр»), будучи исполнен Христом, исчез, уступив место закону более высокому закону, закону всецело «духовному».⁴ Святой Павел учит нас, что обрезание ничто; а, если полагаться только на него — хуже, чем ничто. Короче говоря, и омовение рук, {91} и обрезание — вещи сами по себе нейтральные, и если их практиковали христиане, то только по привычке, ибо таков был обычай их предков, а не по обязанности.⁵

Запрет на употребление свинины

¹ Евангелие от Матфея 5:17: «Не думайте, что Я пришел нарушить закон или пророков: не нарушить пришел Я, но исполнить». Иезекииль 20:25: «И попустил им учреждения недобрые и постановления, от которых они не могли быть живы».

² «Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что очищаете внешность чаши и блюда, между тем как внутри они полны хищения и неправды. Фарисей слепой! очисти прежде внутренность чаши и блюда, чтобы чиста была и внешность их. Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что уподобляетесь окрашенным гробам, которые снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей мертвых и всякой нечистоты; так и вы по наружности кажетесь людям праведными, а внутри исполнены лицемерия и беззакония» (Мф 23:25-28) — *Прим. перев.*

³ 1 Коринфянам 7:19: «Обрезание ничто и необрезание ничто, но *все* в соблюдении заповедей Божиих». Галатам 5:2: «Вот, я, Павел, говорю вам: если вы обрезываетесь, не будет вам никакой пользы от Христа».

⁴ «Ибо весь закон в одном слове заключается: любви ближнего твоего, как самого себя» (Гал. 5:14). «Носите бремена друг друга, и таким образом исполните закон Христов» (Гал. 6:2) — *Прим. перев.*

⁵ Здесь мы вынуждены опустить несколько абзацев. На стр. 98 мы опускаем последние восемь строк, ибо содержащиеся там соображения по поводу обрезания инфантильны, они неделикатного характера. На стр. 100 мы опускаем первые пять строк, которые возможно и соответствуют действительности, но выражены грубой и оскорбительной форме. Нижняя половина стр. 102 (и следующие за ней первые восемь строк на стр. 103), где повествуется об Агари и современных обычаях арабов («Жизнь Магомета», 1-я редакция, том ii, стр. 108, примечания) одновременно и беспомощна, и чрезвычайно неуместна. Странно, как мог столь утонченный человек включить в свою книгу подобные отрывки. Но таков уж арабский обычай (*см.* там же, стр. 600), и исламский закон, касающийся взаимоотношения полов, эти отвратительные привычки отнюдь не улучшил.

(стр. 100-102).

Запрещение употреблять в пищу свинину оспаривается автором на основании того, что Бог сотворил все вещи «весьма хорошими»,¹ и нет в природе ничего самого по себе нечистого или запрещенного, за исключением только крови, мертвечины (падали — того, что умерло от естественных причин) и приносимого в жертву идолам. Все последнее употреблять в пищу недопустимо: таковы заповеди Господа.² Причина, по которой законом Моисея было запрещено употреблять в пищу мясо свиней, весьма любопытная. Египтяне поклонялись коровам, козам и так далее, как своим богам.³ В то же время, свиней, лошадей, верблюдов и т. п., напротив, они почитали «нечистыми», и приносили их в жертву своим божествам. Чтобы вконец избавиться от подобных иллюзий идолопоклонства, израильтяне стали приносить священных животных в жертву истинному Богу, а их мясо употреблять в пищу; в то время как мясо других животных, которые у египтян считались «нечистыми», было запрещено и употреблять в пищу, и приносить в жертву. Что же касается свинины, то для запрета на ее употребление в пищу у мусульман не было основания {92} большего чем, скажем, на мясо верблюдов, ослов или лошадей, которое было разрешено Магомедом. Разумеется, это вопрос вкуса, в котором каждый имеет свободу выбора, следуя своим собственным склонностям и предпочтениям. Более того, запрет на употребление свинины был введен в действие в результате распространения пагубного учения иудея Абдаллы ибн Салама, извратившего мусульманскую веру; а Магомед за это нововведение, последовавшее после его смерти, не должен нести никакой ответственности.

Паломничество и обряды в Мекке (стр. 103-108).

Приглашение совершать паломничество и соблюдать мекканские ритуалы было встречено Аль-Кинди с насмешкой: неужели его друг почитает его за ребенка или за дурака? «Разве ты не знаешь, — пишет наш Апологет, — что подобная практика существует в настоящее время у солнцепоклонников и брахманов в Индии? Они обходят вокруг храмов своего идола, с такими же точно церемониями, обнаженные и обритые наголо, или в легком платье, которое они называют “ихрам”. Единственная разница между вами в том, что у вас этот ритуал проводится только раз в году, и время его проведения сдвигается согласно лунному календарю. У них же подобный обряд проводится дважды в год, в определенное время, строго связанное с солнечной активностью: один раз весной, когда начинается жара, а другой раз осенью, с наступлением холодов.⁴ Таковы истоки

¹ «И увидел Бог все, что Он создал, и вот, хорошо весьма» (Быт. 1:31). — *Прим. перев.*

² «Воздерживаться от идоложертвенного и крови, и давленины, и блуда, и не делать другим того, чего себе не хотите» (Деян. 15:29). — *Прим. перев.*

³ В подтверждение своих слов он ссылается на книгу Исход viii. 26; а также приводит пример служения золотому тельцу, как пережиток египетского язычества.

⁴ Наш знакомый индеец называет этот весенний и осенний праздники «Рубби» и «Хурриф».

этих подлинно языческих обычаев. Ты прекрасно знаешь, что арабы практикуют их еще со дней основания Каабы; и твой Господин продолжал то же самое, с единственными внесенными изменениями: в связи с отдаленностью и нелегкостью пути он ограничил паломничество (“хадж”) до одного раза в году, и упразднил в одеянии паломника все, что выглядело слишком неподобающе.¹ Таким образом, {93} все твои обряды ничем не отличаются от языческих церемоний идолопоклонников и служителей солнца Индии. Ты должен знать о приписываемом Омару высказывании, которое он якобы сделал стоя возле Черного Камня и “Стоянки” (Авраама):² “Клянусь Богом! Я знаю, что ни один из этих камней не может принести ни пользы, ни вреда; но я видел, как сам Пророк целовал их, и поэтому я поступаю точно так же!” Не знаю, действительно ли эти слова были произнесены Омаром, или же нет, но я уверен в истинности того замечания, что было сделано насчет этих самых камней». Обрив голову и сбросив одежду, обходить предписанным ритуалом вокруг Каабы, бросая небольшие камешки в Мину, — бессмысленный и нелепый обычай, почитаемый некоторыми за акт служения Богу. Но подлинное поклонение Богу должно сопровождаться не такими глупыми и нелепыми церемониями, но обычаями, сообразными разуму, которые могли бы доставить радость Всемогущему Богу, и одновременно были бы поучительны для Его рабов, служа им в качестве наставления. В противном случае, отчего бы не сохранить и прочие предосудительные обычаи магов, которые считали вполне законным брать в жены своих собственных матерей, сестер и дочерей — и тому подобные мерзости?

«Но, что может быть более диким, — пользуется случаем добавить Аль-Кинди, — чем ваш собственный обычай, узаконивающий очередное вступление в брак даже после трижды повторенного развода?! А ведь, {94} согласно этому обычаю, какая-нибудь исполненная добродетели женщина, нежная и в высшей степени деликатная, мать целомудренных дочерей, сама, может быть, происходящая из благородного рода и почитаемая среди своих родных — живой образчик добродетели и утонченности! — должна смирить свою гордость, уступая похотливым объятиям любого наемного кавалера, прежде чем ей будет позволено воссоединиться со своим мужем. Насколько же омерзителен этот закон, он еще более гадок, чем дикие обычаи магов! И, тем не менее, ты призываешь меня принять такой отвратительный закон, как этот, — закон, при котором даже дикие звери, если бы они могли говорить, возопили бы со стыда!³ Да убережет меня Бог от совершения столь вопиющего насилия над собственным разумом и над своей природою! Да сохранит меня Господь от того, чтобы я оказался среди подобных грешников!

¹ Наш автор здесь заблуждается, ибо единственным изменением, сделанным Магомтом относительно сезона паломничества, было упразднение дополнительного месяца, так что дата начала хаджа все время сдвигается согласно лунному календарю, вместо того, чтобы оставаться постоянной в соответствии с лунно-солнечным годом. («Жизнь Магомета», стр. 486).

² «Макам». *Смотрите* «Жизнь Магомета», стр. 423 (также: 1-е издание, том ii, стр. 38).

³ Аль-Кинди привык использовать сильные выражения, но, в данном случае, их следует считать еще недостаточно сильными. *См.* «Жизнь Магомета», стр. 350.

Ты приглашаешь меня посетить Святые места, “эти благословенные и изумительные уголки”, как ты называешь их. “Изумительные”? Вообще-то говоря, друг мой, эти места и в самом деле должны вызывать изумление теми обрядами, что там совершаются: настолько они отвратительны здравому смыслу. Что же касается их “благословенности”, то хотел бы я знать, какого рода “благословения” снисходят на посетивших эти места паломников?¹ Из всех больных, увечных, прокаженных или одержимых бесами — хоть один возвратился из своего паломничества исцеленным? Такие благословения известны только в христианской религии! Господь всегда внимает плачу Своих рабов, уши Его открыты для них, при каких бы обстоятельствах их мольбы ни вырывались из их искренних сердец. Сам Христос обещал, что если двое согласятся на земле просить о всяком деле, то, чего бы они ни попросили, будет им дано».² Затем Аль-Кинди продолжает распространяться с весьма очевидным самодовольством об излечениях, состоявшихся по молитвам монахов, священников и «Святых людей Божиих», {95} которые происходили в церквях, монастырях и других святых местах, где люди имели обыкновение призывать имя Господне. Через такие молитвы Божьи благословения изливались на смиренных и благочестивых; и даже раскаявшиеся грешники имели право на милостивое благословение, как показывает наш автор, приводя в пример цитаты из притчи о Блудном сыне.³

«Теперь сравни, мой друг, твою веру с моей, и пусть ложное усердие не собьет тебя с пути, ибо это ничто иное, как сатанинские проделки, согласно выражению: “Воистину сатана является врагом человечества”.⁴ Разве ты не видишь (да будет милостив к тебе Господь!), что призываешь меня отвернуться от несказанно бесценных благословений, желанных даже ангелами, о которых мечтали и пророки, и многие цари, и святые старцы древности, чтобы обратиться к тому, чему противится моя душа, и что воистину невыносимо для моего разума? Позволь я себе согласиться с тобою, не думаю, что мне нашлось бы место среди людей верующих», — возражает своему оппоненту автор «Оправдания».

¹ Уточним: говоря здесь о «Святых местах», Аль-Кинди имеет ввиду не Иерусалим и Палестину, а Мекку. — *Прим. перев.*

² Иисус говорит о важности прощения: «Истинно говорю вам: что вы свяжете на земле, то будет связано на небе; и что разрешите на земле, то будет разрешено на небе. Истинно также говорю вам, что если двое из вас согласятся на земле просить о всяком деле, то, чего бы ни попросили, будет им от Отца Моего Небесного, ибо, где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них» (Евангелие от Матфея 18:18-20). — *Прим. перев.*

³ В этом разделе, в котором я сделал сокращений больше обычного, Аль-Кинди приводит цитаты из Псалмов xxxiv и cxlv; Евангелия от Матфея xviii. 19; x. 8.; и Луки xv. [Обратим внимание на сетование другого сына в конце этой притчи: «...Я столько лет служу тебе и никогда не преступал приказания твоего, но ты никогда не дал мне и козленка, чтобы мне повеселиться с друзьями моими; а когда этот сын твой, расточивший имение свое с блудницами, пришел, ты заколол для него откормленного теленка. (Отец) же сказал ему: сын мой! ты всегда со мною, и все мое твое, а о том надобно было радоваться и веселиться, что брат твой сей был мертв и ожил, пропадал и нашелся» (от Луки 15:29-32). — *Прим. перев.*].

⁴ Сура xii. 6; xvii. 53; xx. 30.

«Крестовый поход» сарацинов (стр. 108-121).

«И далее ты призываешь меня “ступить на **путь Господа**”, что означает вести войну против людей других религий, сражаться с мечом в руках, убивая людей и порабощая целые народы, покуда они не признают, что “нет Бога кроме Господа, и Магомет — Его Слуга и Апостол”. Или, если они откажутся, то пока не согласятся выплачивать дань своими собственными руками, и “не будут унижены”. Неужели ты действительно хочешь (да просветит тебя Господь!), чтобы {96} я начал исполнять дела сатаны, лишённого милосердия, который сначала обманул весь род человеческий, а затем, ожесточив людские сердца и наполнив их ненавистью, сделал их орудием в исполнении своих дьявольских козней, сея повсюду убийства, рабство и насилие?»

Противоречивые отрывки.

Теперь скажи мне, как можешь ты объяснить два ряда следующих взаимоисключающих стихов — ибо они очень явно противоречат друг другу! — что записаны в Книге, которую ты считаешь ниспосланной от Бога? Первый: “Да остаются среди вас люди, которые призывают к справедливости, предписывают праведное и запрещают злое; таковые будут благословлены”.¹ А вот другое: “Направление их принадлежит не тебе, но, скорее, Господь направляет, кого пожелает”.² И еще более сильно: “Если бы Господь пожелал, воистину все, кто есть на земле, уверовали бы, все до единого”.³ Так что же, разве ты станешь призывать людей уверовать; видя, что ни одна душа не уверует без повеления (или разрешения) Божия? Неужели ты не видишь, что эти заповеди абсолютно противоречат друг другу? Послушай еще одно место: “Скажи: ‘О люди! Пришла к вам истина от вашего Господа; и кто идет прямым путем, тот идет прямо для своей души, а кто заблудился, тот заблудился во вред ей; и я не поручитель за вас. Следуй же (О, Магомет) за тем, что внушается тебе, и терпи, пока Аллах не рассудит: ведь Он — лучший из судящих!’”

Так же и в другом месте говорится: “А если бы пожелал твой Господь, то Он сделал бы всех людей {97} одной веры”.⁴ А они не престают разногласить, кроме

¹ Сура iii. 104. У Крачковского: «...И пусть будет среди вас община, которая призывает к добру, приказывает одобренное и удерживает от неодобряемого. Эти — счастливы».

² Сура ii. 273. Крачковский: «Не на тебе лежит руководство ими, но Аллах ведет прямым путем, кого хочет» (Сура 2:274). Смысл переводов этого места на английский Юсуфали, Пиктала и Шакира такой же: «От Мухаммада не требуется их вести, но Аллах ведет, кого хочет». — *Прим. перев.*

³ Сура x. 98, 107. Крачковский: «А если бы пожелал твой Господь, тогда уверовали бы все, кто на земле, целиком» (10:99). О каком противоречии говорит Аль-Кинди? Разумеется, какая-то часть людей должна призывать остальных к вере в Бога и благим делам, и те, кто отказываются, должны понести наказание. Задача любого пророка — призывать к вере, а откликнутся ли люди на его призыв, или нет — зависит уже не от него, но от Бога. Нельзя войти в Царство Божие без применения усилий. — *Прим. перев.*

⁴ Сура xi. 119. У Крачковского: «А если бы пожелал твой Господь, то Он сделал бы людей народом

тех, кого помиловал твой Господь. Для этого Он их создал”. И снова твой Господин настойчиво повторяет, что он **был послан с милостью ко всему человечеству**.¹ “Милость” — в убийствах, грабежах и порабощении! Иудеи обвиняют твою Священную Книгу в том, что она противоречит самой себе. Я не стану употреблять столь непочтительных выражений в отношении самой Книги, но скажу я тебе вот что: друг мой, ты противоречишь сам себе! Ты не устаешь повторять, что твоя вера — это Богом данная вера; и тотчас же круто меняешь свою позицию, утверждая совершенно противоположное; ибо, в конце концов, чем еще являются все эти деяния — убийства и кровопролития, насилия и мародерства, порабощение мужчин и женщин — как не делом рук дьявола?

Если ты приведешь мне пример Моисея или Иисуса Навина в качестве прецедента, я потребую указать мне на такие же чудеса, которые они явили в подтверждение своих исключительных полномочий на ведение войны. Кроме того, они сражались с идолопоклонниками; в то время как здесь все ужасы войны: кровопролитие, насилие и порабощение — падают на головы против невинных людей — да нет! эти ужасы нацелены супротив самого народа Божия! Эти ужасы направлены на тех, кто исполняет Его заповеди, посвящая служению Ему всю свою душу и тело. Направлены на тех, кто верит в Его Мессию, служит Ему и ведется Им по пути праведному. И они направлены на тех, чьи вожди просто обречены оставаться благословенными и прославленными — как в этом мире, так и в грядущем.

Не удовлетворившись этим, ты продолжаешь и далее настойчиво называть все это “путем Господа”. Да запретит нам Господь Бог, чтобы таковым был Его путь, и чтобы {98} дети Его совершали подобные прегрешения! Ибо Он не любит согрешающих. И далее ты говоришь совершенно обратное этому: “Пусть не будет никакого принуждения в религии”.² И снова: “И скажи тем, кому даровано Писание, и язычникам: ‘Приняли ли вы ислам?’ И если они приняли, то пошли по прямому пути; а если они отвернулись, то поистине на тебе (о, Пророк) лежит только передача послания, ибо Бог наблюдает за Своими рабами”.³ А вот еще раз: “И если бы Аллах захотел, то не сражались бы те, кто был после них (т.е. после Иисуса и его апостолов), после того, как пришли к ним ясные знамения. Но они разошлись, и среди них были такие, что уверовали, и такие, что не верили. А если бы Аллах пожелал, то они не сражались бы, но Аллах делает то, что пожелает”.⁴ Еще в одном месте твой Господин обращается к неверным (“кафирам”) со словами:

единым», 11:120 (118).

¹ Эти слова не являются дословной цитатой; но выражения с таким смыслом встречаются в Коране не однажды, как, например, в Сурах xxi. 107 и xxviii. 47.

² Сура ii. 25.

³ У Крачковского: «И скажи тем, кому даровано писание, и простецам: ‘Предались ли вы?’ И если они предались, то пошли по прямому пути; а если они отвернулись, то на тебе — только передача, а Аллах видит Своих рабов» (Сура iii. 19).

⁴ Сура ii. 254.

“У вас — ваша религия, а у меня — моя!”¹ И, наконец: “Не спорьте с людьми Книги² иначе, как наиболее любезным образом”. И далее, несмотря на все это, ты побуждаешь своих людей с мечом в руках сражаться против других народов, разоряя и захватывая людей в плен, дабы силой заставить их принять твою веру против их воли. Так по какому же из этих двух направлений мне надлежит следовать: первому или последнему?

Один ряд отрывков отменяется другим.

{99} Ты можешь мне на это ответить, что один из двух рядов отрывков отменяется следующим. Но какой из них отменяет, а какой — отменен, ты точно сказать не можешь! По твоему собственному признанию, ты не способен ни доказать, ни привести по данному вопросу никаких точных сведений; и возможно ты ошибаешься, делая выбор в пользу одного, а не другого. Как можно отличить правду от лжи, когда два ряда высказываний, оба записанные в Коране, прямо противоречат один другому? И существует опасность, что та серия высказываний, которую ты считаешь истинной, и которой ты руководствуешься в своих действиях, может оказаться ложной, и ее-то и следует отбросить. Итак, поскольку каждый из этих двух вариантов и в самом деле опровергается другим, мы делаем вывод, что все эти стихи противоречат друг другу, и ни один из них не может быть повелением Господа.

А теперь скажи мне, слышал ли ты когда-нибудь своими ушами или читал в какой-нибудь книге, духовной или мирской, о каком-нибудь еще проповеднике, помимо твоего Господина, который насаждал бы свое учение силою? Или призывал бы людей веровать против своей воли: призывал с мечом в руках, под угрозой насилия и обращения в рабство? Даже вызывающие наше отвращение маги утверждают, что на Зердашта на горе Сайлан снизошло наитие свыше, и что Каштасаф и его народ уверовали, став свидетелями чуда воскрешения мертвого коня. Также и все двенадцать тысяч томов Книги Зендавесты были ниспосланы на всех человеческих языках: правда, если этих язычников спросить о смысле этих книг, никто нам его объяснить не сможет. Впоследствии, еще одно волшебное событие, как чудо воскрешения Феникса, было сотворено Буддою в Индии. Из чрева возвращенной к жизни чудо-птицы появилась девушка, которая изрекла пророчество и подтвердила, что [царевич] Будда действительно является образом Божиим, и его учение истинно. И это всего {100} лишь несколько примеров. Итак, мой друг, ты не найдешь в истории ни одного упоминания об учителе, ложном или истинном, не выдвигавшего никакого рода доказательств, которые можно было бы оценить относительно их истинности или ложности, за исключением твоего Господина. Ибо он не прибегал ни к какому иному доводу, насколько я могу судить, кроме силы меча. И не мог ты слышать ни от кого другого, кроме как от него, следующего рода заявлений: **“Кто не принимает меня**

¹ Суры six. 6 и xxix. 46. Крачковский: «У вас — ваша вера, и у меня — моя вера!» (109:6).

² То есть, иудеями и христианами. [У Крачковского: «И не препирайтесь с обладателями Книги, иначе как чем-нибудь лучшим»].

как Пророка и Апостола Божия, того должно предать смерти, имущество его отобрать, а его женщин и детей увести в полон”. И все это утверждалось без каких-либо доказательств на столь высокие притязания!

Что касается служения нашего благословенного Спасителя, то оно слишком священо и совершенно, чтобы приводить здесь его в качестве сравнения. Да ты и сам прекрасно обо всем осведомлен. Теперь ответь мне, мой любезный друже, как это человек твоей образованности и культуры мог решиться просить кого-нибудь, подобного мне, посвятившего жизнь изучению людей и различных явлений, принять веру, подобную этой, — меня, человека, читавшего слова Спасителя — Того, Кто является моим одеянием и моею праведностью и ночью и днем?! Ты только вслушайся в Его благословенный голос: “Будьте мягки со всеми людьми и милостивы; дабы вам быть подобно вашему Отцу на небесах, ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных”.¹ Так как же я могу, когда у меня в ушах не перестают звучать подобные слова, как могу я, взлелеянный в столь блаженной религии благодати и милости — религии, воистину превратившейся в часть моей плоти, моих костей, моей крови, да и всей жизни моей — ожесточить свое сердце (не приведи Господь!) и восстать против Бога?! Ужели мне поменять Его образ на Иблиса, врага рода человеческого и человекоубийцы — и начать убивать мечом? {101} Поражать мечом сынов народа, родного мне по крови — семени Адамова, сотворенного рукою Всемогущего? А ведь это семя сотворено по образу Всевышнего, Того, Кто сказал: “Не желаю смерти грешника: того, кто сегодня пребывает во грехах, а завтра, если раскается, будет принят Мною, как нежный Отец принимает Свое дитя!”»² После этого у Аль-Кинди следует красочное описание той славы и чести, которые снизошли на весь род человеческий благодаря воплощению Сына Божия, принявшего на Себя наше плотское обличье. И, будучи в образе человеческом, Он прислуживался ангелами, в этом же образе Он был наделен всей полнотой власти на земле и на небе. А ныне наш Брат восседает по правую руку Величия на небесах, и Ему надлежит в будущем вновь вернуться на землю для того, чтобы судить людей, ангелов и чертей. «Ужели, мой друг, ты пожелал бы, чтобы я

¹ Не совсем точная цитата из Евангелия от Матфея: «Вы слышали, что сказано: люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего. А Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас, да будете сынами Отца вашего Небесного, ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных. Ибо если вы будете любить любящих вас, какая вам награда? Не то же ли делают и мытари? И если вы приветствуете только братьев ваших, что особенного делаете? Не так же ли поступают и язычники? Итак **будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный**» (5:43-48). Также см. Евангелие от Луки 6:35-36: «Но вы любите врагов ваших, и благотворите, и займы давайте, не ожидая ничего; и будет вам награда великая, и будете сынами Всевышнего; ибо Он благ и к неблагодарным и злым. Итак, будьте милосерды, как и Отец ваш милосерд». — *Прим. перев.*

² Явная аллюзия с Книгой Иезекииль. «Разве Я хочу смерти беззаконника? говорит Господь Бог. Не того ли, чтобы он обратился от путей своих и был жив?» (Иез. 18:23) . Также: «Скажи им: живу Я, говорит Господь Бог: **не хочу смерти грешника**, но чтобы грешник обратился от пути своего и жив был. Обратитесь, обратитесь от злых путей ваших; для чего умирать вам, дом Израилев?» (33:11). — *Прим. перев.*

отверг милость и благодать Сына Божия? Неужели я должен уничтожать и порабощать родных мне по крови, кого Господь возвеличил столь необычным образом, позволив разделить Его божественную природу? Не приведи Господь такого! Прочь, прочь подальше от столь недостойных мыслей! — лучше буду искать у Господа защиты, чтоб не навлечь на себя ненароком гнев и ярость Всевышнего!»¹

Религиозные войны как «исцеление» свыше.

В случае, если бы его оппонент стал настаивать, по аналогии, что Богу свойственно насылать на людей смерть, голод, равно как и прочие бедствия, наш Апологет уже готов возразить ему на это — и вовсе не в том ребячливом стиле, к которому уже прибег однажды его товарищ, когда они обсуждали вопрос «о душе», которую **«Бог сотворил таковою»**. Вот что готов сказать Аль-Кинди: «Господь насылает смерть и несчастья на Своих рабов вовсе не из-за того, что Он ненавидит их и ищет, как бы им навредить. Ибо, в таком случае, зачем же Он вообще сотворил человечество? И зачем тогда Он стремится (а мы знаем, что Он и в самом деле стремится!) наполнить жизнь людей Своею милостью и благодатью? И зачем тогда Ему забирать людей от этой временной, преходящей и несовершенной {102} жизни, к жизни вечной и благословенной, к жизни на небесах? Нет уж, скорее, эти невзгоды и испытания, что обрушиваются на головы людей, служат своего рода подготовкой к жизни будущей: все эти испытания — ради получения награды в будущей жизни. Действия Всевышнего можно уподобить тому, как опытный и искусный врач, желая исцелить больного, прописывает занедужившему горькие порошки и отвратительные на вкус микстуры; порою морит голодом, а когда и прижигает каленым железом или отсекает члены своим острым ножом. И никто не скажет, что врач поступает так оттого, что ненавидит своего пациента, или испытывает к нему какую-либо враждебность! Наоборот, он причиняет страдальцу боль с конечной целью избавить его от боли и страданий, восстановить его здоровье, которое несет с собою людям так много благословений. Но тут ты мне, пожалуй, возразишь: “Бог мог бы сделать человека счастливым и безо всех этих испытаний!” Ну, разумеется, я соглашусь с тобою, он мог бы так сделать. Даже более того: Он мог бы и не создавать эту нашу землю вообще, но сразу, без каких-либо испытаний и препятствий, поместить людей в раю. Он мог бы сделать так с самого начала, не считаясь с тем, заслуживают они этого, или нет. Но Всевышний, руководствуясь Своею мудростью, которая не постижима человеческим разумом, сотворил и сей мир, и нашу жизнь, похожую на странствие. Он сотворил нас, как “сынов дороги”, что вынуждены останавливаться на ночь в караван-сараях или каком-нибудь постоялом дворе. И все это — лишь для того, чтобы Он мог, испытав нас какое-то время различными лишениями и голодом, переделать наши души и подготовить их к принятию того воздаяния, что ожидает людей в конце их жизненного пути: к принятию бесконечного покоя и счастья.

Так, что же делать, если твой Господин, учению которого ты предлагаешь

¹ Особо набожная форма восклицания, когда речь идет о чем-то величественном или ужасающем.

мне последовать, убивал, обращал в рабство, избивал плетьюми и изгонял мужчин и женщин с их собственных земель? Причем, делал он все это для того, чтобы добиться для них лучший условий существования, — тогда, клянусь жизнью! — вместо всего этого он бы должен оставаться терпеливым в своих увещаниях. Точно, ему бы быть доброму, да милостивому, и следовать во всем примеру Всевышнего и Святого. Но добротой и терпением он совсем не отличался, вплоть до самой своей кончины. И целью всех его проповедей было лишь возвеличивание самого себя, да его товарищей, {103} и установление его собственной власти, как он и сам заявил: “Пока они не станут платить дань своею собственной рукою и не будут унижены”.¹ Неужели тебе, о, мой обладающий взором друг, не понятно, что его желанием было не вывести людей из невежества к вере? И он ни в коей мере не добивался для них благоденствия и счастья; но, подобно прочим завоевателям, у твоего Господина было простое стремление, как можно более расширить границы своей империи! Однако же, в Книге, которую ты считаешь за Священное Писание, он сам утверждает, что ему было дано свыше следующее повеление: “И скажи тем, кому даровано Писание, и язычникам: **‘Приняли ли вы ислам?’** И... если они отвернутся, то поистине на тебе лежит только передача послания”.² Как же ты не понимаешь, что твоему Учителю было приказано лишь проповедовать им своими устами, но запрещено пускать в ход меч? Да просветит тебя Господь, друг мой, да поможет Он тебе избежать ловушки, что уготована для тебя в этом вопросе!»

Мученики-мусульмане по контрасту с мучениками-христианами (стр. 117-121).

После этого Аль-Кинди переходит к противопоставлению заслуг различных мучеников, представляющих две религии. «Меня весьма удивляет, — говорит он, — что вы зовете “мучениками” тех, что пали на войне. Ты должен был читать, не сомневаюсь, о том, как на протяжении истории последователи Христа предавались смерти и гонениям персидскими царями, да, впрочем, и повсюду. Так кто же более достоин прозвания “мученик”: эти страдальцы, или твои сотоварищи, что вели сражения ради мира сего и ради власти над ним?» Далее следует описание различного рода варварств и всякого рода казней, которым подвергали людей, исповедующих христианскую религию. Чем больше их казнили и убивали, тем быстрее распространялась их вера в народе: на место одного, погибшего, поднималась сотня новых христиан. В одном из таких случаев, когда было перебито особенно много народа, кто-то сказал {104} царю: «Их число постоянно возрастает, вместо того, чтобы (как ты рассчитывал) уменьшаться». «Но как же это могло случиться? — воскликнул царь. «Вчера, — пояснил ему придворный, — ты повелел предать смерти такого-то и такого-то; но в христианство тут же обратилось

¹ Сура ix. 30. Вариант Крачковского: «...Пока они не дадут откупа своей рукою, будучи униженными» (9:29).

² Сура iii. 19. См. примечание выше.

вдвое больше людей, чем мы казнили. А в народе говорят, что с небес сходил к этим мученикам-“исповедникам” какой-то человек и укреплял их в последний момент их жизни». Царь, удостоверившись, что все это и в самом деле так, и сам обратился в христианскую веру, и преследования христиан на этом прекратились. Все дело в том, что эти люди не считали свою жизнь ценной для себя, не дорожили ею. Одних пронзали насквозь, пока они были еще живы; у иных же отсекали один за другим их члены. Некоторых бросали живьем диким зверям на растерзание, а других сжигали на огне — тоже заживо. И это продолжалось очень долго: такую была судьба тех, кто исповедовал христианство. Ни в одной другой религии нельзя отыскать подобных параллелей: и все мучения переносились христианами с терпением, а порою даже и с радостью. История хранит предание об одном мученике, который улыбался в момент наивысшего страдания. «Ты улыбаешься из-за холодной воды, что тебе принесли?» — спросили его. «Нет! — отвечал страдалец, — я улыбаюсь юноше, что стоит рядом со мною и смазывает елеем мои раны — вот, кто заставляет меня улыбаться! Ибо боль моя ушла прочь, и, похоже, теперь она перешла из моего тела в тела моих мучителей!» Но этот ангел, можно возразить, вполне мог бы остановить занесенную над христианином руку его истязателя, и подобное чудо могло бы послужить их обращению в христианство. На это Аль-Кинди отвечает; истинно, если бы Бог пожелал, Он мог бы принудить всех людей принять христианскую веру. Однако в этом случае не осталось бы места для собственной славы человечества, которая заключается в его свободной воле. А вместе со славою человека исчезли бы и его заслуги, которые заключаются лишь в его повиновении воле Божией, без постоянного явления {105} спасительных чудес.¹ Все дело ведь в том, что чудеса требовались только для тех людей, что жили в стародавние времена: для того, чтобы сделать их веру более совершенной. Однако теперь все эти посреднические вмешательства ангелов прекратились, ведь отныне стало важным показать, что повиновение Богу основывается на свободных убеждениях и достигается посредством усилий человеческого разума. А если люди, при виде явных доказательств в качестве мучений христиан, отказываются принять истину, пока им не будут явлены какие-нибудь чудеса, Господь оставляет их прозябать в их заблуждениях.

Утверждая все это, тем не менее, наш Апологет придерживается взгляда, что совершение чудес, хотя и в скрытой от посторонних глаз форме, по-прежнему присуще христианской Церкви. Причем, из всех прочих религий, чудеса возможны лишь в христианстве. Он видел своими собственными глазами, а также слышал от весьма достоверных свидетелей, об исцелениях, совершаемых священниками и

¹ Религиозный фанатизм, как и фанатизм любого рода, никак не может служить свидетельством чьей-либо правоты. Подлинное христианство распространяется посредством проповеди Благой Вести о прощении человека его Создателем, а отнюдь не благодаря какому-то особому фанатизму приверженцев Христа. Не соответствует Библии и иное утверждение, о каком-либо принижении значимости чудес и знамений. См., например, Деяния 6:8: «А Стефан, исполненный веры и силы, совершал **великие чудеса и знамения** в народе». Настоящий христианин даже в момент мучений думает не о том, как «явить терпение», но об участи собственных мучителей: «[Стефан] преклонив колени, воскликнул громким голосом: Господи! не вмени им греха сего. И, сказав сие, почил» (Деян. 7:60). Вот такая любовь, когда убиваемый рассматривает своих убийц в качестве близких к нему людей, действительно, побеждает все. — *Прим. перев.*

монахами в своих святых обителях, в гробницах и церквях, посвященных первым мученикам христианства. Знает он и о ценности мощей мучеников и оставшихся после них реликвий. И мощи эти чудодейственны повсюду: во всех странах Востока и Запада, за исключением одной лишь земли Магомета, поскольку в Аравии никогда не было никаких достославных святителей, за исключением, разве что, Сергия и Бахиры.¹

«Теперь, посмотрев на все беспристрастным взглядом, — продолжает свое повествование Аль-Кинди, — скажи-ка мне серьезно, мой друг, какая их этих двух категорий людей больше заслуживает права называться мученическою? Называться “мучениками, павшими на путях Божиих”? Те ли, кто согласился отдать свою жизнь, но не оставить своей веры — те, кто слышав приказ, “падите ниц и поклонитесь солнцу и луне, или идолам, сделанным из серебра и золота, работе рук человеческих”, вместо того, чтобы поклоняться Истинному Богу? Те, кто решил отказаться от своей жизни, оставить {106} все богатство и покинуть даже своих жен и семьи — или же те, кто рыщет по всем землям, разоряет страны, оставляя после себя пустыню, грабит людей, разрушает все вокруг, мужчин убивает, а детей их угоняет к себе в полон, жен их и девушек заключает в свои незаконные объятия, а после всего этого восклицает: **“Джихад на путях Господа!”** И о таком человеке, который убивает других, или оказывается сам убит, должно говорить, что он “унаследовал рай”? Суди же праведно, друг мой, и реши для себя этот вопрос. Если грабитель, опустошающий дом, внезапно упадет в колодец, или стена падет вдруг на него, или хозяин дома бросится на него и нанесет решительный удар, так что тот лишится жизни — потребуют ли по такому случаю выплаты «денег за кровь»? Готов поспорить, что ни один кади не вынесет такого приговора! Но как, скажи на милость, может унаследовать рай человек, который внезапно нападает на других людей, которые сидят спокойно по своим жилищам? Ни он их не толком знает, ни они его, но он набрасывается на них, грабит и разоряет их дома, а самих обращает в рабство. Однако, этот человек, не удовлетворенный своим положением, вместо того, чтобы смирить себя перед Господом и просить у Него прощения за свои преступления — а ты имеешь в виду именно такого человека — убивает других, или его самого убивают! И ты говоришь, что “он заслужил себе рай”, и ты называешь подобных людей “мучениками на путях Господних”? Если таково твое окончательное суждение, то это суждение ни кого иного, как сатаны, врага Адама и всей расы человеческой. Да, эти мысли принадлежат врагу рода человеческого с древнейших времен! Но я-то хорошо знаю, что и разум твой, и чувство справедливости восстанут против подобных мыслей».

Здесь Аль-Кинди прерывает свое послание, чтобы извиниться за излишне горячие выражения. Нужно было ожидать, что от кремня непременно начнут отскакивать искры, когда ударяешь по нему железом. И это его друг повинен в том, что их дискуссия вышла за определенные рамки, а потому им следовало бы заранее согласиться на то, что с обеих сторон предусмотрена определенная степень терпения. Кроме того, доводы Аль-Кинди предназначаются {107} не для одного

¹ Нашему автору следовало бы напомнить об участии христиан Наджрана, с их епископом Косом, а также о мучениках из «огненных ям». См. «Жизнь Магомета», стр. v. и 84, а также Суру lxxxv.

его товарища, но для всех, кто может в будущем прочитать им написанное.

Временные удовольствия, предлагаемые исламом (стр. 121-123).

Что же касается временных наслаждений, предлагаемых в качестве повода для его обращения в иную веру, Аль-Кинди заявляет, что все они промелькнут в одно мгновение, подобно сновидению в ночи, или проблеску молнии. Да, такие вещи способны привлечь взгляд прохожего, но лишь на минуту, а потом все равно оставят его во тьме кромешной, еще более сгустившейся. Не таким должен быть конец разумного существа, обладающего даром бессмертия! Святые люди Божии, наоборот, старались избегать всех мимолетных мирских соблазнов. Коран говорит нам, что Всевышний «создал джиннов и людей только для того, чтобы они могли Ему служить».¹ Таким и должен быть конец настоящего человека! Но теперь его друг поворачивается совсем в другую сторону и пытается подцепить его на наживку совсем иного рода: «Бери себе в жены тех женщин, которые тебе нравятся — двух, трех, иль четырех! и девушек-рабынь в наложницы без счета!»² Ешь, пей и наслаждайся жизнью, подобно диким животным, которые не знают ограничений, ни благодаря разуму, ни через откровение. Что касаясь «перемены жен», и в особенности «тремякратно повторяющегося развода», то он уже говорил об этом. Последнее Аль-Кинди считает мерзостью, о которой предупреждал пророк Иеремия,³ запретив подобного рода вещи. Запрещено это и в иных религиях, у всех прочих народов, и Аль-Кинди не хочет добавлять грязи в свое послание, обсуждая столь непристойные вещи.

Благодарность за гарантии безопасности (стр. 123).

Подходя к завершению своего выступления против исламской веры, наш автор с благодарностью признает дарованные ему гарантии иммунитета и свободное обхождение с ним во время дискуссии. Разумеется, наш Спаситель

¹ Сура li. 56. Крачковский: «Я ведь создал джиннов и людей только, чтобы они Мне поклонялись».

² Цитата из письма его друга, стр. 20.

³ Иеремия iii. i. Второзаконие xxiv. 4. «Говорят: „если муж отпустит жену свою, и она отойдет от него и сделается женою другого мужа, то может ли она возвратиться к нему? Не осквернилась ли бы этим страна та?“ А ты со многими любовниками блудодействовала, — и однако же возвратись ко Мне, говорит Господь» (Иер. 3:1). «Если кто возьмет жену и сделается ее мужем, и она не найдет благоволения в глазах его, потому что он находит в ней что-нибудь противное, и напишет ей разводное письмо, и даст ей в руки, и отпустит ее из дома своего, и она выйдет из дома его, пойдет, и выйдет за другого мужа, но и сей последний муж возненавидит ее и напишет ей разводное письмо, и даст ей в руки, и отпустит ее из дома своего, или умрет сей последний муж ее, взявший ее себе в жену, — то не может первый ее муж, отпустивший ее, опять взять ее себе в жену, после того как она осквернена, ибо сие есть мерзость пред Господом, и не порочь земли, которую Господь Бог твой дает тебе в удел» (Вт. 24:1-4).

предупреждал нас {108} не бояться того, кто имеет власть над одним лишь телом, но страшиться Создателя, Который властен и над телом, и над душой человека.¹ Тем не менее, Аль-Кинди пользуется дополнительной свободой, и рад принять заверения в неприкосновенности от такого справедливого и непредвзятого властителя, как Повелитель правоверных. Ведь халиф всегда защищает слабого, подобно нашему Апологету, и христианская община пребывает под сенью скипетра милостивого и всемогущего исламского владыки в полной безмятежности. И потому Аль-Кинди просит Господа, Который неизбежно отвечает на молитвы Своих верных служителей, излить всевозможные благословения как на августейшую персону самого халифа, так и на все его семейство.

Нашего Апологета не слепит перспектива славы и почета (стр. 123, 124).

В очередной раз обращаясь к предложению своего товарища разделить с ним славу и почет, предлагаемые ему исламским государством, и занять подобающее его благородному происхождению из рода Кинди место при дворе, наш Апологет отвечает, что Господь подлинно возвысил род его друга, препоручив его сородичам заботу о халифате. Его товарищ не обделен ни почетом, ни уважением, так пусть же линия Аббасидов, родственников Пророка, пребывает как можно дольше. Однако, что до преходящей славы мира сего, ее никак нельзя сравнивать с той, что достигается лишь абсолютно святою жизнью. Ведь и сам Пророк, обращаясь к своему народу, говорил: «О, вы, семя Абд Менафа, высокий род и достоинство ничего не принесут ни мне, ни вам: воистину, с Господом лучший из вас становится святейшим!» И действительно, святые люди Божии, как правило, не могли сильно похвалиться ни родом, ни кровью, ни мирским величием. Их набожность пребывала подлинным их благородством, а мир грядущий служил им наследием. У нашего Апологета нет {109} никакого желания бахвалиться своими предками, чей авторитет некогда был непререкаем по всему Аравийскому полуострову. Ибо как сказал апостол Павел, «**Тот, кто хвалится, пусть хвалится в Господе**».² Помимо такой славы Аль-Кинди не надобно никакой иной. Его похвальба заключается в вере Христовой, приверженцам которой дано изведать жизнь вечную.

Обещание о заступничестве Магомета (стр. 124, 125).

Хашимит обращается к необходимости заступничества Пророка за свой народ в День страшного суда. В этот день Магомет воскликнет во весь голос: «Это — мой род, эти люди — мой народ!» И его ходатайство возымеет силу на суде.³

¹ Евангелие от Матфея 10:28: «И не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить; а бойтесь более Того, Кто может и душу и тело погубить в геенне». См. также от Луки 12:5. — *Прим. перев.*

² 2 Коринфянам 10:17-18: «Хвалящийся хвалится о Господе. Ибо не тот достоин, кто сам себя хвалит, но кого хвалит Господь».

³ Стр. 19.

«Мой дражайший друг! — отвечает ему Аль-Кинди, — неужели очи твои уснули, иль ты гредишь наяву, коль скоро берешься утверждать такие глупости? Ведь не может быть ни у кого и тени сомнения, что это наш Господь Иисус Христос — как свидетельствует о том и твое собственное Священное Писание — будет в День суда единственным для всех Судьею! По самым строгим законам праведности будет судить он каждого человека, в соответствии с его деяниями, плохие они или хорошие. И на этом Суде будет считаться одна лишь праведность». Да не обманывается его товарищ фальшью и суетою мира сего. Время движется быстро, без остановки, и смерть для каждого близка. Недалек тот день, когда мы все предстанем очам Восседающего на судилище, а тогда раскаиваться будет уже поздно. Никакие извинения, покаянные слезы и мольбы о прощении не помогут избежать своей участи. Вот так Аль-Кинди завершает свой крик сердца, обращаясь к другу с просьбою пересмотреть его неверные взгляды. Ограничиваясь местом, я вынужден был привести здесь лишь краткое описание его искреннего призыва к покаянию.

Ислам — «легкая религия»¹ (стр. 125, 126).

«Ты призываешь меня, — продолжает наш автор, — к **легкому пути веры и религиозных установлений**. Увы, увы! А ведь наш Спаситель {110} говорит нам в Евангелии: “Когда вы сделаете все, что вам было повелено, говорите: **‘Мы — рабы ни на что не годные; мы сделали то, что нам было велено, и какая может быть наша заслуга?’**”² И тот же самый Господь говорит: “Как же узка дорога, ведущая в жизнь, и сколь немногие идут по ней! Как широки ворота, что ведут в погибель, и многие пойдут туда сквозь эти врата!”³ Как же отличается

¹ Поразительно, что именно «легкость религии» отталкивает многих самоправедных гордецов от Христа. В ответ на призыв апостола Павла к здравому смыслу, царь Агриппа отвечает, что тот убеждает его сделаться последователем учения Христа «**в малом**»: то есть, ни постов, ни вериг, ни молитвенных бодрствований по ночам! Павел же, стоящий перед римлянами и иудеями в кандалах, замечает: «Молил бы я Бога, чтобы в малом ли, или в великом, не только ты, но и все, слушающие меня сегодня, сделались такими, как я, кроме этих уз» (Деяния 26:29). — *Прим. перев.*

² От Луки 17:7-10: «Кто из вас, имея раба пашущего или пасущего, по возвращении его с поля, скажет ему: пойдя скорее, садись за стол? Напротив, не скажет ли ему: приготовь мне поужинать и, подпоясавшись, служи мне, пока буду есть и пить, и потом ешь и пей сам? Станет ли он благодарить раба сего за то, что он исполнил приказание? Не думаю. **Так и вы, когда исполните все повеленное вам, говорите: мы рабы ничего не стоящие, потому что сделали, что должны были сделать**».

³ От Матфея 7:12-20: «Итак во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними, ибо в этом закон и пророки. **Входите тесными вратами, потому что широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими; потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их.** Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные. По плодам их узнаете их. Собирают ли с терновника виноград, или с репейника смоквы? Так всякое дерево доброе приносит и плоды добрые, а худое дерево приносит и плоды худые. Не может дерево доброе приносить плоды худые, ни дерево худое приносить плоды добрые. Всякое дерево, не приносящее плода доброго, срубают и бросают в огонь. Итак по плодам их узнаете их».

это, мой друг, от предлагаемого тобою! Ведь ты проповедуешь свои широко открытые врата — легкий проход; и ты даешь мне совет наслаждаться теми удовольствиями, что предлагает твоя вера — наслаждаться женами и девушками-наложницами!» После этого Аль-Кинди заявляет, что будет молиться, чтобы Бог вывел его друга из заблуждения и увел от обмана и ошибок на путь праведности. Да выведет его Господь из тьмы, в которой тот пребывает, к восхитительному свету Евангелия! И такого рода молитвы, добавляет наш Апологет, постоянно возносятся в христианских церквях за людей всякого сорта, находящихся в различных условиях. Христиане молятся, чтобы грешники смогли обратиться в их веру, а люди праведные смогли в ней постоянно пребывать. «Да исполнится подобная воля Господа и о тебе, и обо всех наших братьях!»

Защита учения о Троице от критики его обвинителя (стр. 126, 127).

Аль-Кинди переходит к ответу на двойное возражение его оппонента: дескать, признавать Троицу, равно как и поклоняться Святому Кресту, является как «богохульством», так и «заблуждением». Поскольку с первым вопросом наш автор уже пытался разобраться ранее, он затрагивает его лишь вкратце. Мусульмане называют доктрину о Троице «тахлит» («заблуждение о существовании [Божием]»), но так, по правде говоря, они называют все, что угодно, чего они не понимают. Точно, как по пословице: «человек всегда противится тому, чего он не понимает».¹ («Да защитит нас Господь от подобного подхода!») То, что они привыкли звать {111} «тахлитом», является непознаваемой тайною, существовавшей еще до сотворения мира. А потому, ангелы и херувимы, пророки и святые люди Божии желали хоть одним глазком взглянуть на то малое откровение, что становилось доступно их взору лишь в виде смутных очертаний в туманной дали. Так было, пока Сын [Божий] Сам не пришел в мир и не раскрыл сию тайну — как и Он Сам говорит: «Идите, и призовите все народы к подлинному знанию, которое есть в имени Отца, Сына и Святаго Духа».² Апостолы получили это поручение напрямую из Его святых уст, и сумели донести его до нас, до всего сообщества верующих, сопровождая свою проповедь знамениями и чудесами. Мы твердо держимся этих убеждений, и будет держаться за них, если будет на то воля Божия, до самого конца времен.

¹ Буквально: «человек — враг всего, чего не понимает». — *Прим. перев.*

² Таково краткое изложение взглядов на этот вопрос христианских гностиков. Они считали, что существует некий «гнозис» («знание»), обладатели которого получают спасение. Аль-Кинди здесь использует так называемое «Великое поручение» Иисуса Своим последователям: «И приблизившись Иисус сказал им: дана Мне всякая власть на небе и на земле. Итак идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святаго Духа, **уча их соблюдать все, что Я повелел вам**; и се, Я с вами во все дни до скончания века. Аминь» (Евангелие от Матфея 28:18-20). В отличие от христиан поверхностных, обращавших внимание лишь на формальный обряд «крещения» (о котором здесь вряд ли идет речь), гностики совершали другую ошибку, понимая это место буквальным образом: «...Научите, погружая их в имя Отца...» и т.д. То есть, «погружая» их в некое «тайное знание». И те, и другие не обращали внимания на главное — см. выделенное жирным шрифтом. — *Прим. перев.*

Преклонение перед крестом (стр. 127-129).

История поклонения людей перед Святым Крестом уходит в глубь веков, но можно кратко изложить ее следующим образом. Они поклонялись не самому кресту, но той силе, что покоилась на нем, как в знамени — они черпали силу из этого символа, который дарил людям возможность искупления. «Мы относимся ко кресту с благоговением, таким же, с каким почитаем символы царской власти. Точно так же израильтяне почитали свой ковчег Завета — не само дерево, но то присутствие [Божие], что этот ковчег символизировал.¹ Таким образом, мы следуем примеру древних пророков и святых людей Божиих, всякий раз, когда отдаем почести Кресту». Пользуясь случаем, Аль-Кинди указывает своему товарищу на несоответствие между его практической жизнью и теми верованиями, что он исповедует. Дело в том, что у его друга, похоже, прочно вошло в привычку в моменты крайней опасности прибегать к применению креста: призывать ли этот символ на помощь, или использовать его в качестве {112} оберега. Наш Апологет напоминает несколько случаев, когда подобное случалось с его другом: однажды, когда тот упал со своего коня; еще раз, когда он бежал от какой-то опасности; и вновь, когда, на пути к Омару Аль-Караху, пред ними на дорогу внезапно выскочил лев. Это случилось, когда они приближались к Сабат Аль-Медайну.² Помимо этих случаев, Аль-Кинди напоминает ему об одном собрании, в котором его товарищ, видимо, открыто признал за собою подобную практику, нисколько ее не стеснясь. «И вот, теперь, — сетует ему Аль-Кинди, — ты пишешь, как будто это было какое-то простое суеверие, которое не может принести никакой пользы, но напротив, способно повредить человеку! Хотел бы я знать, что заставило тебя так сильно изменить свою точку зрения, а также, какого рода вред знамение Креста когда-либо тебе приносило?»

«Фатиха»: молитва не поможет тем,
кто уклоняется от веры (стр. 130-132).

Прежде чем перейти к свидетельствам, говорящим в пользу христианства, Аль-Кинди решает прибегнуть к довольно замысловатому, но чувственному увещанию, используя для примера ежедневные [молитвенные] чтения его друга, когда тот обращается к «Фатихе», первой Суре Корана. «Твое искреннее желание, чтобы я стал исповедовать твою веру, — пишет наш автор, — полностью заслуживает моего уважения, хотя бы в качестве признания дружественных ко мне чувств. Таким образом, если я обращусь к тебе со встречным предложением, то я тоже должен буду рассчитывать на твою благодарность, но смысл ее будет

¹ Здесь он цитирует Книгу Чисел х. 35. Когда израильтяне выносили ковчег Завета вперед, Моисей говорил: «Встань, Господи, и рассыплются враги Твои, [и побегут от лица Твоего ненавидящие Тебя!]

² Поселение в Месопотамии, поблизости от Медайна (Ктесифона). — "Annals of the Early Caliphate", стр. 138, 179.

бесконечно большим. Да и о чем может идти речь, когда ты сам повторяешь по пять раз на дню в своих молитвах: **“Наставь нас на прямой путь, путь тех, к кому Ты милостив, не тех, на которых Ты гневаешься, и не тех, что уклонились!”**¹ Так вот, если бы ты и в самом деле был ныне ведом по прямому пути, то какая могла оставаться надобность в том, чтобы всякий раз вновь простираться в молитвенном экстазе? Неужели тебе не надоело бы вновь и вновь просить, чтобы тебя “наставили {113} на прямой путь, не на путь тех, что уклонились?” В таком случае, [если бы ты уже находился на прямом пути], в твоей молитве не было бы нужды. Ну, а если ты еще не наставлен на путь прямой, и не идешь по нему, скажи мне, мой друг (и да благословит тебя Господь!), что это за люди, к которым “Бог милостив”, и о ведении по пути которых ты постоянно молишься — денно и ночью? Однако же вы постоянно хвалитесь, что вы — “лучшие из людей, когда-либо выведенных на свет”,² и свою веру вы считаете наиболее одобряемой в глазах Божиих из всех прочих религий. Но какая же религия, скажи мне, подразумевается в вашей молитве?» Далее Аль-Кинди перечисляет различные верования, существующие на свете: магов, иудеев — причем обе эти религии автор осуждает с присущей ему резкостью — идолопоклонников Аравийского полуострова, атеистов-безбожников, [индийских] браминов и так далее. «А теперь, поскольку ты не в состоянии не согласиться со мною и не отвергнуть каждую из всех этих религий, тебе придется признать, что “вера тех, к кому Господь милостив” — это вера христианская. И воистину, она — это и есть тот “прямой путь”, что ведет к познанию Бога, и Его Слова, и Его Духа. И все наставления этой веры являются духовными и совершенными. И я призываю тебя принять эту веру, ибо, разумеется, ты уже хорошо знаком с нею, и никак не можешь уличить меня в противоречии, если я берусь ее прославлять. Это нам было дано сие благословенное Евангелие, и твой собственный Господин засвидетельствовал это в своей Книге. И все религии склоняются перед христианством. Так поспеши же, мой друг, принять те истины, которые я излагаю здесь перед тобою! Исследуй их так, как должна исследовать путь душа человека, жаждущая двигаться по пути прямому, а не так, как ищет та душа, что стремится скрыть этот путь. Ибо душа каждого человека несет ответственность за ту дорогу, которую для себя выбирает. Если эта истина есть истина, так следуй же за нею; не годится для тебя противиться своим убеждениям. Да наставит Господь тебя {114} на верный путь, да направит он твои стопы по “пути прямому”, силою Своею и благодатью!»

В ОТНОШЕНИИ ХРИСТИАНСКОЙ ВЕРЫ (стр. 132-164).

¹ Сура i. Вариант Крачковского: «Веди нас по дороге прямой, по дороге тех, которых Ты благодетельствовал, не тех, которые находятся под гневом, и не заблудших» (1:5-7).

² Сура iii. 110. У Крачковского: «Вы были лучшей из общин, которая выведена пред людьми: вы приказывали одобряемое и удерживали от неодобряемого и веровали в Аллаха. А если бы уверовали обладатели писания, было бы лучше для них. Среди них есть верующие, но большая часть — распутники».

Оставшуюся часть своего «Оправдания» Аль-Кинди посвящает свидетельствам христианской веры. Говоря об очевидной истинности христианства, он кратко описывает жизнь и учение нашего Спасителя. Его товарищ просил его об этом;¹ и Аль-Кинди хвалит своего оппонента, отмечая как его природную одаренность, так и знание обсуждаемого предмета, что должно позволить ему понять доводы христианина. Прежде всего, Аль-Кинди предлагает вознести молитвы, чтобы Святой Дух смог просветить и даровать его другу верное ведение по пути к истине. Да изольется благодать Святаго Духа на его товарища и на всех читателей этого послания! Затем наш Апологет переходит к обсуждению самого предмета.

Пророчества Ветхого Завета (стр. 133-138).

Восемь страниц [рукописного текста оригинала] отводятся пророчествам Ветхого Завета, причем Аль-Кинди свободно приводит цитаты из всех его частей. Нет необходимости говорить, что ни в подборке стихов для цитирования, ни в характере использования цитат, «Оправдание» ничем существенно не отличается от схожих монографий и трактатов сегодняшнего дня.

Неповрежденность иудейских Писаний (стр. 138-140).

Эта часть послания завершается впечатляющей защитой тезиса о сохранности иудейского Священного Писания против обвинений в подтасовках и исправлениях его текста. Во-первых, мы видим, что с незапамятных времен рукописи с текстами Писания [Ветхого Завета] используются как христианами, так и иудеями, невзирая на то, что эти две группы людей являются непримиримыми противниками друг друга по всем вопросам — за исключением лишь этого одного. Далее, иудейское Писание засвидетельствовано на страницах самого Корана, ибо мы читаем в нем следующее: «Если же ты сомневаешься относительно того, что Мы открыли {115} тебе, тогда спроси тех, кто читает Книгу [ниспосланную] до тебя — что подлинно истина сошла к тебе от твоего Господа, и не будь с теми, кто сомневается».² А вот еще, даже более ясно: «Те, кому Мы даровали Книгу, читают ее соответственно с ее подлинным прочтением. Это те, что веруют в нее; а кто не уверует в нее, тот будет потерян».³ «Наше “чтение”, — говорит Аль-Кинди, — утверждается здесь как правильное, и твой Господин призывает вас к тому, чтобы нас (то есть, христиан) спрашивали в отношении чтения Священного Писания, и

¹ Стр. 29.

² Сура х. 93. Крачковский: «Если же ты в сомнении о том, что Мы ниспослали тебе, то спроси тех, которые читают писание до тебя. Пришла к тебе истина от Твоего Господа; не будь же из колеблющихся!».

³ Сура ii. 122. Крачковский: «Те, кому Мы даровали писание, читают его достойным чтением — те веруют в него. А если кто не верует в него — те будут в убытке».

чтобы то, что мы заявляем в отношении этого Писания, вами принималось. Так как же, таким образом, ты можешь обвинять нас в повреждении Священного Писания, или в том, что мы “переставили куски текста с их прежних мест?” В этом ты должен противоречить себе самому — ты уклоняешься от правила свободного и честного толкования, на которое мы согласились, когда решили начать этот спор». Далее Аль-Кинди указывает на абсолютную невозможность тайного сговора [с целью извратить Священное Писание]. Как могут народы, исповедующие разные религии, да еще и множество различных сект, рассеянных по всему лицу земли, согласиться фальсифицировать являющееся для них общим Писание? Это совершенно неслыханное дело! Наконец, он противопоставляет христианское Писание с мусульманским, опираясь, вкратце, на свой прежний аргумент, что Коран по содержащемуся в нем материалу и композиции отличается исключительно разнородным характером. Плюс, насильственное признание, отсутствие чудес и знамений для доказательств истин при распространении мусульманской веры, использование страха меча для навязывания своих взглядов. «Рассуди же без предвзятости, мой друг! Ибо поистине Господь предназначил нам в таком деле обращаться к голосу разума, и справедливость должна послужить для нас главным судиею в столь важном вопросе. Уверен, что ты, если решишь все исследовать искренне, безусловно, с благословения Божия, сумеешь открыть для себя истину».

Благовещение и рождение Христа (стр. 140-144).

{116} Далее Аль-Кинди переходит к описанию жизни нашего Спасителя и к исполнению пророчеств, которые были даны людям прежде Его прихода. После рассказа о Благовещении, как он приводится в Евангелии,¹ он приводит пространную цитату из соответствующего отрывка Корана,² добавляя: «Вот свидетельство, рассказанное лично твоим Господином, в подтверждение той истории, что находится в Евангелии. Теперь скажи мне, друг мой (и да наставит тебя Господь!), слышал ли ты когда-нибудь, или читал где-нибудь в книгах, о другом таком человеке, явление которого в сей мир проходило бы с подобными благословениями? С благовещением такого рода, что я рассказал тебе по Святому Евангелию, да и подтверждаемым твоим собственным Писанием?» Затем он повествует о том, как Мария посетила Елизавету, и рассказывает о видении Захарии, вновь цитируя Коран в подтверждение своих слов. Аль-Кинди подчеркивает, что обязанностью Иоанна Крестителя было нести свидетельство для

¹ Достаточно любопытно, каким образом Аль-Кинди цитирует рассказ о Благовещении: «Благословение **нашего** Господа да пребудет с тобою, не **моего** Господа, но **нашего**. То есть, Господа ангелов и людей, а это подразумевает, что Он является “Господом неба и земли”» — и так далее. Мне нигде не удалось найти подобного текста.

² Сура iii 39. Сура iii. 35, и далее (42-49). «И вот, сказали ангелы: “О Марйам! Поистине, Аллах избрал тебя, и очистил, и избрал тебя пред женщинами миров. О Марйам! Благоговей пред твоим Господом, и пади ниц, и поклоняйся с поклоняющимися”. [...] “О, Марйам! Вот Аллах радуется тебе вестью о слове от Него, имя которого Мессия Иса, сын Марйам, славном в ближнем и последнем мире из приближенных» — и далее.

«Слова Божия».¹ Далее следует рассказ о поклонении волхвов, {117} или магов древних лет, и о песне ангелов, которую довелось услышать пастухам.

Служение Христа (стр. 145, 146).

Аль-Кинди быстро переходит к служению Иисуса Христа: вот Его крещение, вот свидетельство, что Он — Агнец Божий, вот Его искушение [в пустыне], вот творимые Им чудеса. Автор «Оправдания» подчеркивает особенную кротость, смирение и доброту, присущие Иисусу. Особо он отмечает Его бедность и полное отсутствие в Его жизни какой-либо иной цели в этом мире, кроме как принести спасение человечеству.

Учение нашего Спасителя (стр. 146-155).

Автор «Оправдания» очень подробно рассказывает об учении нашего Спасителя, изложенном в Нагорной проповеди. Целая страница отводится им для обоснования доктрины об Отцовстве Бога. Всеобщее братство человечества и его единство, вытекающее из этой доктрины, находится в резком контрасте с учением Корана. Ведь философия Священной Книги мусульман направлена на раздувание вражды между людьми.² В то же время христиане утверждают, что Всемогущий является мудрым и заботливым Отцом — и это Аль-Кинди иллюстрирует отрывком из Послания к Евреям xii. 6. Он вновь делает упор на чудеса, творимые Христом, и показывает, что они получили признание и на страницах Корана. В отличие от тех чудесных знамений, что являли народу еврейские пророки, Иисус творит чудеса благодаря Своей внутренней силе, данной Ему власти, и потому у Него всегда все получается — в отличие, например, от Моисея, который не сумел сотворить чудо при водах Мериды, или от Иеремии, которого Господь Бог отказался слушать.³

Христос посылает апостолов и Своих учеников (стр. 155-159).

¹ Цитируя этот отрывок (مصدقاً بكلمة من الله وسيداً) он использует слово «Господь» («Сайид») в отношении **Иисуса**, хотя по конструкции предложения ясно видно, что речь идет об **Иоанне Крестителе**.

² Сура lxiv. 15, Сура ii. 87, 254, и iii. 48. Как бы то ни было, я должен отметить, что приводимый Аль-Кинди отрывок никак не поддерживает его аргумента: «О вы, которые уверовали, воистину среди ваших жен и детей вы имеете врагов себе; а потому опасайтесь их!» Смысл здесь, вне всякого сомнения, следующий: жены и дети опасны для верующих, потому что они могут послужить им соблазном и сбить их с верного пути. Сравните от Луки xiv. 26: «Если кто приходит ко Мне и не возненавидит отца своего и матери, и жены и детей, и братьев и сестер, а притом и самой жизни своей, тот не может быть Моим учеником...»

³ Книга Иеремии vii. 16.

{118} В качестве Своих апостолов Иисус избирал весьма простых и неученых людей: бедных рыбаков и презренных всеми сборщиков податей. Посредством этого Он перевернул все человеческие представления о мудрости и философии, подорвал суеверное преклонение народа перед знатью и представителями царской власти, которые из всех сил противились Его религии. Наставления, с которыми апостолы и семьдесят учеников Христа посылаются Им нести свое служение, приводятся Аль-Кинди с детальными подробностями. Он завершает эту часть с выдающимся красноречием, и речь его очень сильна, что позволяет нам без проблем рассмотреть все вовлеченные в противоборство вокруг Христа силы мира сего, равно как и стремления первых пропагандистов ислама.

Смерть и вознесение Иисуса (стр. 160).

О смерти, воскресении и вознесении Иисуса на небо говорится лишь в немногих строках. «Да будет мне позволено, — повествует наш автор, — использовать свидетельство из Корана. «И тогда Бог сказал: ‘О, Иисус, воистину Я предаю Тебя смерти, и вознесу Тебя ввысь ко Мне, и избавлю Тебя от неверующих. И сделаю Твоих последователей выше тех, что не уверовали даже и до дня суда. Затем ко Мне вы возвратитесь, и Я буду судить между вами относительно того, в чем у вас были разногласия. Но тех, что не веруют, Я буду посещать со страшным наказанием, как в мире сем, так и в грядущем; и не будет у них никого, кто бы им помог. А тем, что веруют и творят благие дела — Мы обеспечим им их воздаяние. А Бог не любит преступающих. Эти знамения (или стихи) и это мудрое наставление Мы повторяем тебе”».¹ Ну, а теперь, да откроет тебе Господь глаза и даст тебе понимание, ибо это {119} — доподлинно слова твоего Учителя, его собственное признание и свидетельство в том откровении, которое, как он утверждал (и как ты сам веришь) является ниспосланным от Господа. Так не отвращайся же от слов праведных, ибо, если ты останешься честным по отношению к самому себе, то свет истины бесспорно на тебя прольется!»

Служение апостолов и распространение христианства (стр. 161, 162).

Переходя затем к миссионерской деятельности апостолов, Аль-Кинди делает очень краткое упоминание о сошествии Святаго Духа, «Параклита», в день Пятидесятницы, и о даровании последователям Христа дара говорения на иных языках. Автор продолжает: «После этого апостолы разделились, каждый

¹ Сура iii. 54-57. Вариант Крачковского: «Вот сказал Аллах: “О Иса! Я упокою тебя, и вознесу тебя ко Мне, и очищу тебя от тех, которые не веровали, и сделаю тех, которые последовали за тобой, выше тех, которые не веровали, до дня воскресения. Потом ко Мне будет ваше возвращение, и Я рассужу между вами относительно того, в чем вы разногласили. Тех же, которые не веровали, Я накажу сильным наказанием в ближайшей жизни и в последней, и нет им помощников!” А те, которые уверовали, творили благое, — Он полностью даст им их награду: ведь Аллах не любит обидчиков! Это Мы читаем тебе из знамений и мудрого напоминания».

отправился в ту страну, в которую он был призван на служение — в соответствии с тем новым языком, дар которого он получил для говорения. И они составили записи Святого Евангелия, а также всей истории Христа и Его учения, сделав это на всех языках, под диктовку Святого Духа. Таким образом, целые народы пошли за ними, и поверили их свидетельству. Люди оставляли сей мир с его ложными верованиями, и принимали христианскую веру, как только до них доходил свет истины, и слова Благой Вести о спасении достигали их сердец. Вот так, оказавшись в состоянии отличить истину от лжи, верное направление от пути заблуждения, люди принимали Евангелие, и держались за него твердо, нисколько не уклоняясь от своей новой веры, и не сомневаясь в ней. А все благодаря чудесам и разным знамениям, что показывали им апостолы, которые и в жизни своей во всем следовали примеру безупречного и святого жития нашего Спасителя. Свидетельства об этом сохраняются в памяти народной и по сей день. И от этих-то апостолов и пошла наша религия: ее уставы передавались из поколения в поколение, и мы ничего к ним не добавляли, так же как и ничего от них не отнимали. В этой вере мы и будем жить дальше, и в этой вере умрем, {120} а затем вновь воскреснем, и будем стоять в присутствии Христа, нашего Господа, в тот день, когда люди со всего света будут собраны перед Ним. И как же все это отличается от жизни твоего Господина и его сотоварищей, которые не переставали участвовать во всяких битвах и грабежах! Руки их, с воздетыми мечами, не знали отдыха, отнимая жизнь у людей; они без устали захватывали в плен детей, насиловали женщин и девушек. Повсюду, где они проходили, оставались пепелища и разоренные дома. Всех, кого им удавалось захватить, они угоняли в рабство. И все это продолжается вплоть до наших дней! Они побуждают людей творить злые дела, и даже сам халиф Омар говорил: **«Если у кого окажется соседом язычник, и будет долг в цену раба, то пусть захватит своего соседа и продаст его!»**¹ И многое такого рода они говорят, и учат этому людей. Так посмотри же на жизнь таких людей, как Симон (Петр) или Павел, руки которых без устали исцеляли недужных, возвращали к жизни умерших, делая это во имя Христа, Господа нашего. Каков контраст!»

Прекращение чудес, за исключением
единичных или исключительных случаев
(стр. 162, 163).

Если у кого-то возникнет вопрос, отчего же сила по творению чудес не видна долее в делах святых людей Божиих, наш Апологет готов ответить, что их нынешнее служение существенно отличается от деяний апостолов, которым приходилось проповедовать совершенно новую религию. То есть, для зарождения новой веры, как таковой, требовались какие-то сверхъестественные свидетельства. Как бы то ни было, чудесные исцеления больных по молитвам святых людей продолжают совершаться и в наши дни — в индивидуальных случаях. Этим отмечается факт угодности этих святых для Господа: нет, благодетель по исцелению страждущих вовсе не исчезла! Но если бы такие чудеса стали слишком

¹ Вряд ли мне нужно говорить, что подобного рода утверждение совершенно не соответствует либеральному и веротерпимому характеру правления Омара.

частыми, войдя в нашу повседневную жизнь, если бы всех мертвых начали воскрешать, а всех больных — исцелять, то отпала бы необходимость в смерти. Как же быть в таком случае с обещанием воскресения?

{121} Более того, в подобного рода чудесах теперь вообще нет надобности. Чудеса были необходимы лишь в самые первые дни распространения новой религии, когда Благая Весть направлялась народам, погрязшим в идолопоклонстве и невежестве. Нет более необходимости заставлять человека принимать новую веру посредством воздействия на его разум чрезмерными явлениями силы — нет нужды тащить людей в христианство на аркане, как диких животных, обращаясь к их низшим чувствам. Задолго до нашего времени были явлены более чем достаточные свидетельства истинности нашей веры, и человечество теперь считается вполне разумной группой существ, чтобы принимать христианскую религию, полагаясь на свою собственную способность мыслить.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ ОБРАЩЕНИЕ

(стр. 163-165).

«Ну вот, — завершает свою рукопись Аль-Кинди, — я донес до тебя, очень кратко, историю нашего Спасителя, Христа, и упомянул немножко о Его апостолах, от кого мы и переняли нашу благословенную религию, которой до сих пор придерживаемся. Теперь же, рассуди сам, чего бы ты хотел получить для себя, из того, что я изложил пред тобою. Не забудь и о том, что ты и сам до этого знал обо всем этом, и, связав все факты воедино, постарайся рассуждать по-справедливому. О, если бы ты только решился прислушаться к моему совету, и, оставив то, что является злом и тьмою кромешною, поспешил бы перейти к свету и святости Евангелия! Тогда, безусловно, ты оказался бы в ряду первенцев, избранных нашим Спасителем. Ты унаследовал бы Царство небесное и жизнь вечную, благословения которой не знают себе конца, а радость от получения их невозможно описать словами. Бойся Того, друг мой, Кто имеет власть как над телом, так и над душою, Кто готов явить милость над тобою, готов принять тебя в Свои объятия, подобно тому, как нежный отец обнимает своего блудного сына. Господь наградил тебя достаточною мудростью и пониманием, превосходящими способности твоих сотоварищей. Так не позволяй себе оказаться обманутым фанфарами и блеском суеты этой преходящей жизни! Ибо воистину мир сей {122} с его похотью и наслаждениями подобен зазывному пению сирены, которое ведет человека в погибель. Позаботься о своей душе, друг мой, прежде чем глаза твои утратят способность видеть, и хорошенько взвесь все, что я написал тебе, на весах справедливости, освещая все светом беспристрастного разума. Ведь вопрос, который мы обсуждаем, является вопросом наиважнейшим, и его нельзя отложить в сторону, не рискуя вечными ценностями. Все это имеет отношение к тебе, причем, не только касательно этой жизни, но и в плане того великого будущего, что лежит перед тобою, и никакие суетные извинения не могут быть приняты. И твердо знай, что любой, кто решится отвергнуть суету и ложные ценности мира сего, и уверовать в Господа, получает для себя надежную защиту, и обретет со временем вечный покой в Его великом благоволении.

Заключение

(стр. 164-165).

Вот, я выполнил стоявшую предо мною задачу, сделав все, что было в моих силах. Я донес до тебя то послание, что должен был донести. Все, что мог, я сделал, и оставляю тебя наедине с моим писанием. Пусть и все прочие, что будут читать сию мою книгу, будут благословлены Господом! Я молю Его совершить и в тебе, и во всех нас, всевозможные благие деяния, и искупить нас от всякой скверны. Да соединимся мы с Ним в Его царствии небесном — с Ним, и с теми избранными, кого Он посещает Своею милостью и благоволением!

А теперь, да пребудет с тобою покой, и милость от Господа, и Его благословение! Аминь».

КОНЕЦ.